



ПОЭЗИЯ
РУССКОГО ЛЕТА

2023

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
П67

В оформлении книги использованы иллюстрации *Ильи Пожарова*

П67 **Поэзия** русского лета. — Москва : Эксмо, 2023. — 408 с. : ил. — (Поэзия подарочная).

ISBN 978-5-04-178311-2

События Русской весны всколыхнули многие равнодушные сердца, заставили людей вновь обратиться к своим историческим и культурным корням, стали точкой отсчета нового времени.

В эту книгу вошли стихотворения и поэмы людей, которые с 2014 года создают новую русскую фронтовую поэзию. Их голоса пронизаны болью и горечью потерь и в то же время упорной надеждой, мужеством и непоколебимой верой в торжество правды и победы добра над злом.

«Поэзия русского лета» не просто сборник — это памятник нашим беспокойным временам, пробуждению русского духа и смелости тех, кто снова встал на защиту своей родной земли.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-04-178311-2

© АНО «ТВ-Новости», составление, оформление, 2022
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Дорогие друзья!

Этот сборник — наш шаг в стремлении объединить тех, кто всегда знал, что за русской весной обязательно придёт русское лето.

Переломные моменты истории всегда находят своё отражение в культуре. И в поэзии — в первую очередь. Мы считаем, что голос этих людей должен быть слышен.

С уважением и благодарностью, команда RT



ДМИТРИЙ АРТИС

В одночасье страна разделилась на две,
у обеих расквашена морда...
Светлоликие эльфы с дырой в голове
саранчой налетели на Мордор.

Небеса, будто веки, поднял доброхот.
По классическим правилам шахмат
светлоликие первыми сделали ход,
пока орки корячились в шахтах.

Присосались к земле озорным хоботком,
не стесняясь отсвечивать задом,
и пищат: «Выходите на драчку бегом
из рабочего ада.

Выходите, иначе дома подождём...
Только миру окажем услугу.
Как детей ваших вырежем, мамок и жён
с удовольствием пустим по кругу».

Где-то ёж копошился в зелёной траве,
одуванчик обнюхивал заяц,
расписная свистулька с дырой в голове
у плохого мальчика оказалась.

«Выходите, оценим бесстрашный порыв —
на осинах развесим повыше...»
И к полуночи, смену на шахте закрыв,
орки взяли да вышли.

Распаханы земли украинским градом,
но мы, не теряя осанки,
шлифуем равнину победным парадом
на русском обугленном танке.

Враги убегают, вздыхают на ладан,
бросают в окопах берданки,
но мы, наступая на пятки снарядам,
любого догоним на танке.

Бегут без оглядки, кто лесом, кто садом,
теряют портки и портянки,
но мы уже близко, но мы уже рядом
на русском обугленном танке.

Бегите по краю хоть в дальние грани,
поймаем и скрутим в баранку.
За каждую рытвину русских окраин
ответите нашему танку.

Воронку к воронке оставили б***и,
равнина с лица, как с изнанки,
но мы эту землю по-братски пригладим
на русском обугленном танке.

Открыв
сто тысяч
пятьсот каналов,
листаю сводки
до темноты...

Где «перемога»
не проканала,
там на бульварах
уже цветы.

Листаю:
ахтунг
и «знову зрада» —
накал истерик
штурмует высь,

а здесь пейзажи,
изгибы сада,
земля и небо —
в одно слились.

Записан ролик
не военкором,
а так,
проходим,
и брошен в сеть.

Теперь висит он
смешным укором
тому, кто прочил
России смерть.

По дну окопа
легла протока,
и слышен ясно
девичий смех.

Кому-то «зрада»
и «перемога»,
а нам победа —
одна на всех.

Готовимся к долгой войне
и впрок запасаемся гречкой.
Завёлся сверчок по весне
за микроволновой печкой.

Стрекочет, как будто один,
весь мир у него в саквояже,
а мы собрались в магазин,
пока ещё гречка в продаже.

Попробуй не ведать вины,
стыда не почувствовать, если
за микроволновкой слышны
сверчка беспечальные песни.

Торопится тот, кто ведом,
притянут к ноге за верёвку,
и мы покидаем свой дом —
купить про запас упаковку.

Ничто так не будет смущать,
как песня, горящая свечкой,
о том, что жива благодать
за микроволновой печкой.

Отречённые братья выходят на свет,
по бесчестию каждый разут и раздет,
и, прикрыв наготу ароматом,
улыбаются встречным солдатам.

Ковыляют неспешно один за другим,
озираясь по-детски как будто благим
и таким непосредственным взглядом,
что никто не ударит прикладом.

Безобидные люди, хоть пальцем крути,
но торчат вместо рук роковые культи,
где набиты, как ценник на пластик,
череп в обрамлении свастик.

Святым оставим футбол и пиво,
а сами в пекло пойдём красиво.
У барной стойки не ждут мессию.
Плохие парни спасут Россию.

Не надо больше домашней каши.
Пусть на шевронах подруги наши
так улыбнутся, что обессилен
умолкнет сладкоголосый Сирин.

Пока святые — не то что парни,
а так — печеньки от мишки Барни,
расскажут байки про аннексию,
плохие парни спасут Россию.

Обвисло небо, земля в растяжках,
нас очень много, и мы в тельняшках.
Святые дома сидят в пижамах,
носы в повидле да яд на жалах.

Такие люди не знают жизни,
им непосильна любовь к Отчизне.
И пусть святые подобны змию,
плохие парни спасут Россию.

Со всех сторон предатели,
 кругом одни враги...
 Сто лет стоят у матери
 в прихожей сапоги.

Отцовские, как новые,
 с калошами рядком,
 подошвы коронованы
 железным каблуком.

На старте, что на финише, —
 один потенциал.
 Я раньше даже выпивший
 сапог не надевал.

Отечества и отчества
 ни разу не сменил.
 Отец мой вроде плотничал
 и пчёлку разводил.

У горизонта пасмурно.
 Мне издали видать
 разграбленную пасеку
 и вражескую рать.

Играть судьбе изломанной
 в бездомного щенка.
 Горит, как зацелована
 предателем, щека.

И жизнь ещё не прожита,
 не набраны долги,
 но я иду в прихожую
 примерить сапоги.

ДЕТСКОЕ

Селу
сегодня
повезло,
бойцы
зачистили
село.

Другому
так же
повезёт,
в него
зайдут
бойцы
вот-вот.

Потом
военная
метла
зачистку
третьего
села
начнёт,
и будет
чисто
на свете
без
фашиста.

В миру ли на ветру, в молитвах и борьбе
я точно не умру от жалости к себе.

Как три копейки прост, продлив отца и мать,
я буду в полный рост безвременье встречать.

На вороном коне без отдыха и сна.
Удача будет мне, как женщина, верна.

Под орудийный бит, открыв клыкастый рот,
архангел протрубит победных восемь нот.

С поддержкой огневой в пыли святых дорог
вы будете со мной, и с нами — русский Бог.

Солнце темнеет, когда
в самой красивой воронке
дети хоронят кота,
бантик стянув на картонке.

Слышали шум за версту,
будто взрывались пакеты.
Ночью могилу коту
вырыл кусок от ракеты.

Мальчики слёзы не льют,
век у товарища краток.
Тучу расчертит салют
из деревянных рогаток.

Девочки сжались в комок,
топчут сандалики глину:
«Как же ты, как же ты мог
верных подружек покинуть!»

А высоко над землёй,
сдвинув сердитые брови,
кто-то большой-пребольшой
новый лоток приготовил.

Блажен погибающий в первом бою,
с собой даже мухи не взявший.
Я родину самозабвенно люблю,
как полную грудь комиссарши.

На плечи закинув ручной пулемёт,
оправлю на кителе складки.
Куда комиссарша меня позовёт,
туда и пойду без оглядки.

Посажено солнце на маковку дня,
гудит, как встревоженный улей.
В открытом бою не уйти от меня
прицельно метнувшейся пуле.

Солдат из меня по всему никакой —
высокие берцы на замше,
зато, погибая, прикрою собой,
как родину, грудь комиссарши.

Если вечером выйдешь на запад,
то под утро придёшь на восток.
Будто юбка у барышни, задран
этой пёстрой землицы кусок.

Кто ходил, тот уже не расскажет.
Только ветер до нас донесёт
вместе с запахом крови и сажи
аромат азиатских широт.

Немытые руки раскинув,
как чёрт от любви вереща,
вернётся на родину Киев
откушать с устатку борща.

Хромая на правую ногу,
протиснется ближе к столу
и скажет: «Насыпьте немного
борща дорогому хохлу».

И будет плести небылицы
в кругу сердобольных мещан
о том, как худел за границей,
скучая по русским борщам.

О том, как чужбина достала,
как недруги выгрызли бок...
Наевшись борща до отвала,
уснёт головой на восток.

А завтра, от наглости взмокши,
в обед изогнётся плющом,
подсядет к русне или к мокше
и плюнет в тарелку с борщом.

Пока ревёт
столетним кедром
войны
разинутая пасть,
хочу семейную
легенду
вам рассказать
не торопясь.

Мы забываем
в суматохе
о том, что
рождены людьми,
и в обезумевшей
эпохе
найдётся место
для любви.

Земля
плотнее каравая
казалась каждому
бойцу,
когда Вторая
мировая
шла к очевидному
концу.

В Европу
съездивший
без визы,
в день завершения
войны
мой дед улыбку
Моны Лизы
набил себе
на полспины.

Не ведаю,
в какой газете
каких
поверженных
племён
он репродукцию
заметил
и был изрядно
печатлён.

Домой
вернувшись
к сенокосу,
работал в поле
без прикрас,
рубаха вымокла
до сноса,
и дед рубаху
снял на раз.

Сельчане
выпучили зенки,
увидев деда
со спины —
они узнали
в иноземке
девчонку
с нашей
стороны.

Не надо
патоки
сердечной
под выцветавшей
луной.
Женись на той,
что будет вечно,
как чувство Бога,
за спиной.

Судьба скучает
без каприза.
Мальчишник был
в кругу друзей,
где перебили
«Мона Лиза»
на вензель
бабушки
моей.

С тех пор
что только
ни бывало,
но в службе ратной
и в труде
у деда
на спине сияла
одна улыбка —
Анны Д.



БОРИС БЕРГИН

ПОСЕВНАЯ

Постоянно думаешь: только бы не началось.
И под сердцем колетя ноющий ржавый гвоздь.
Фронтовые сводки с полей, а хочется посевной.
Постоянно думаешь: ну это же не со мной.
Это где-то в книжках, кино, далёком чужом краю.
Что бросаешь в землю весной, то осенью соберут.
И хотелось сытное в землю бросать зерно,
Зарастай зелёной травой, злобой прорытый ров.
Говорит мне сын: «Вот с этими прадед мой воевал».
Почему у весны опять звериный такой оскал?
Почему слетается вновь чёрное вороньё?
Только эта земля моя, а я не отдам моё.

2014

ЖЁРНОВ

И когда захочешь границей отгородиться,
Повторяя: «Не сторож я, Господи, нет, не сторож», —
То беда вернётся в твой дом, как всегда, сторицей,
И болит, так болит, за какую струну ни тронешь.
И пока ты прячешься, где-то приносится жертва —
За отсрочку недолгую, за мимолётность покоя,
Беспощадный уже запущен неждущий жёрнов:
Перемелет в муку — то нехитрое дело такое.
Раскроили рвами землю Войска Донского,
Но в степи не скроешься — степь навсегда едина.
И здесь общая память и общие путь и Слово,
Знамя деда поднимется в небо руками сына.
Только б не было поздно, на чашу весов небесных
Не легло бы предательство каиновой печатью,
И не стало б в земле от могил свежевырытых тесно.
Не зависла б рука: в книге жизни тебя отмечать ли?
Тонкой нити родство над какой нас бездной держало,
Проходила орда — выживал, кто не встал на колени.
И сегодня решается — будет ли вырвано жало
Или завтра ковыль зазвенит над великим забвеньем.

2014

МОСКОВСКОЕ

*У кого под перчаткой не хватает тепла,
чтоб объехать всю курву-Москву.*

*На Красной площади всего круглей земля.
О.Э. Мандельштам*

Трамвайной вишенкой и костью в колесе
Ты приобщаешься, и ты живёшь как все,
И на крови твоей всемирная история.

Пальмиры арка на учебнике твоём,
Снаряд тяжёлый, разрушающий твой дом.
И как мы жили до войны, о чём мы спорили?

И в этом городе, не верящем слезам,
Чьё время кончилось, кому сказать «слезай»?
И будет очень тяжкой поступь командорова...

Как много в звуке... но надежды больше нет,
Её снарядом разорвало на войне,
А так, конечно, начиналось даже здорово.

На Красной площади круглей всё и круглей,
Руин всё больше в остывающей золе,
И центр мира где-то к Горловке смещается.

Смерть на миру, онлайн, краснеет монитор,
Уже шагнул (зачем позвали?) командор...
Давай на выход соберись уже с вещами сам.

Объедешь курву? Если есть ещё тепло.
Пока ты дышишь, значит, снова повезло.
Бывало тоже страшно, но подлей бывало ли?

Уж полночь близится... и донна Анна ждёт,
Пусть только это ожидание спасёт,
Ещё спасёт, пока возможно, хоть бы малое.

Да что ж такое, слышишь, страшная пора
Никак отсюда не уходит со двора,
И каждому свой век, свой волкодав, достанется.

Кому кровавый, ну а прочим — покемон,
И можно долго ждать, что всё пройдёт само,
Но этот век (кому какой) ещё до ста нести...

Тебя опять спасёт неспящий у окна,
Степь от воронок круглых сверху как луна,
А если ближе, то вся чёрная от копоты.

Москва, Москва, несчастный воробей,
Она не верит, ну а ты её жалей...
И сходит небо, постигаемое опытом.

2016

НА КРАЮ

Доживём до Пасхи, а там и Троица —
Отец Александр не благословил умирать.
Закрылась дверь, говорят, что другая откроется.
Когда стоишь один на краю, думай: «За нами рать».

Там и Троица — будут склоны круч все лиловые,
Чабреца у нас — аж до самого Неба дух.
На ветру стоять — это быть и битым, и ломаным,
Но за битого здесь небитых дают сразу двух.

Доживём, конечно, — куда мы денемся.
Кому, кроме нас, нужна эта степь да степь.
Простояли ночь — это значит, что день еси.
А вокруг всё могилы — Саур ли, Острая,
И здесь плавится сталь, а живое убить непросто вот:
В каждом раненом дереве тень Спасителя на кресте.

И кому оборонить эту землю рыжую —
В ней ведь столько крови, ни в какой другой больше нет,
Защищать и пахать — потому мы, конечно, выживем.
Степь да степь, если смерть кругом, жизнь особенно здесь в цене.

2019

ОДНО И ТО ЖЕ

я пишу об одном и том же — кругозор мой узок,
я не знаю ни древних, ни новых каких-то греков.
что я там читал-то? дон кихота и робинзона крузо.
я всё знаю только про мельницы и что дважды не входят в реку.

что армия стреляет второй раз уже не в свой народ,
что у убийцы не просят амнистий просто.
что я знаю-то? как снаряд падает в огород
и воронка бывает в два человеческих роста.

да о чём я пишу? я кондовый, как советская песня,
там, где пули свистят по степи и журавли тебе держат место.
это не ко мне, серьёзно, если вам надо поинтересней —
я читаю сводки модной писанины вместо.

что я знаю? как вмиг лишаешься дома и прежней жизни
и считаешь, что повезло, другим было намного хуже.
нет ничего интересного в моём соцреализме,
в мире креатива и мейнстрима на кой он нужен.

я пишу об одном и том же, не для изысканных книгочеев,
только позывные для тех, кому тоже невыносимо.
у кого всё спокойно, но хочется погорячее —
не читайте, идите мимо.

2019

НЕ БОЛИТ

Дуне Шереметьевой

Говорят, что не может пять лет болеть,
Говорят, Господь с вами, какая боль.
И ещё, что есть на крайняк балет...
Если под ногами качнётся пол.

Милосердна память, и время док
Забинтует, спирту в стакан плеснёт,
Не болит, иначе бы ты не смог
Удержать сурового неба гнёт.

Говорят, что так выгорает всё,
А иначе просто сойдёшь с ума.
Не считай, как вертится колесо —
Лето, осень, осень, опять зима.

И идёт здесь жизнь год считай за пять,
Вот и ты идёшь и опять идёшь.
Повторенье, мать, снова повторять,
Снег идёт и дождь, снег идёт и дождь.

Ну а если «Град», то здесь знают все,
Как летит, как падает, как звучит,
Сколько смерти в чёрном его свинце,
И кто будет меч, и кто будет щит.

Говорят, совсем уже не болит,
Встань и делай молча, что можешь ты.
Просто держит мир этот край земли,
И не знают здесь, что такое тыл.

Говорят, не можешь, а всё живёшь,
Говорят, не веришь — вложи персты.
А узнаешь правду — поймёшь, где ложь.
Вот и Бог с тобой или с Богом ты.

2019

ВСЁ НОРМАЛЬНО

у меня всё нормально. душевная боль не в счёт.
я одет по погоде, не голоден, жив... ещё.
надо мною не каплет, не падает, не печёт.
даже ангел ещё за плечом.

пролетают пока заплечных дел мастера,
ну и что тут такого, что вместо души дыра.
о душе не пишите, о крыльях — и всё пройдёт.
а не скажешь на чёрное белое — идиот.

в идиотском полку отставной барабанщик был,
может быть, счетовод и считал — всё гробы, гробы.
на Матфеевом списке писал — здесь был дом, и здесь,
кем бы ни был, да только вот вышел весь.

на куски разлетаясь в каждый обстрел, прилёт,
всё же, сука, дышу ещё, чёрт меня не берёт.
я все даты запомнил по накалу обценных слов.
ну и как там на небе, скажи, неплохой улов?

на гибридной войне сам становишься вроде рыб —
не доносится звук из забытой такой дыры.
чем туманней вблизи, тем более даль ясна.
зарастают окопы травой — и у них весна.

у меня всё нормально. и нечего мне менять.
и бояться не нужно меня или за меня.
я дышу, говорю и, в общем, совсем неплох.
у меня всё нормально... да лучше б сдох.

2019

ДОНЕЦКОЕ

Говорят, что у Данта над кругами адскими
Был ещё рай, но кто до него дочитывал?
Какие времена, такие и рифмы солдатские,
Защити себя сам какой умеешь защитой.

Нам выдавали полдень, и небо его было ласковым,
Но нам казалось тесно, мало, не слишком розово.
А когда всё стирают таким сумасшедшим ластиком,
Вдоль какого неба теперь мы пойдём с вопросами?

Если верить Данту, небес так же девять наверхено,
Святость тоже делится — на чистых и кто попроще.
Пусть меня не ждёт ни в одном никакая женщина,
Пусть все живут... пусть живут и никогда не рошцут.

Что нам рай, куда не пускают даже Вергилия,
И, куда ни ткнёшься, места под солнцем все заняты.
То, что нас не минует, как знать, может быть, помилует.
В город мины летят, а розы — по расписанию.

И они всё такие же — алые, белые, чайные,
Только небо другое, наверно, круги перепутали.
Если смерть ходит рядом — живёшь раза в два отчаянней,
Розы тянутся к небу, любому, колючими прутьями

Из надёжной земли, где спасительны ямы и рытвины.
Здесь последняя вера, что мелют Господни мельницы.
Тот, кто любит, — любим. Небеса нынче настезь открытые.
Медь звенит, и кимвалы звучат... души метятся.

2019

КАК НАЗЫВАТЬ

был бы моложе — назвал бы тебя джульеттой,
был бы испанцем — точно тогда дульсинеей,
а здесь у нас такое адское лето,
и васильки смертельно синеют.

жил бы я в сочи, не помню уже, что знал бы,
где она, правда, и кто ещё носит прада,
а здесь опять через сердце проходят залпы —
сто двадцать второго калибра мины и «Грады».

звать бы тебя голубкой, да снова сносит...
драму не эту, заглядывать бы к макбету,
но сводки читаю, повёрнуты сумрака оси,
врут договоры, к чёрту летят обеты.

кем бы я был, если бы звал тебя дарлинг,
на берегу темзы какой мёрз бы...
всё нам дают займы, ничего не дарят,
здесь и река, если донец, то мёртвый.

звать эсмеральдой? — тесен для нас париж-то.
у нас бесконечен цыганский размах дороги,
небо бездонно, в котором легко паришь ты —
можно тебя крыльями только трогать.

всё, что не смерть и война, здесь кажется книжным;
помню, когда-то наоборот было.
как мне тебя называть, чтобы просто выжить
в лето шестое без берегов и тыла?

2019

ЛЕТАТЬ

Ты учишь меня летать — научи меня падать,
Соломку мне не стели — пусть упал-отжался.
Когда за спиной враги, за углом засада,
Учи меня забывать, что такое жалость.

Когда погиб командир и застава пала,
Когда устали считать, сколько там зарыто,
Ты учишь меня летать — ни много ни мало,
Как будто бы в небе можно найти укрытье.

Раскрыты земля и небо до ада и рая,
Стоящим в степи до них одинаково близко,
Когда под шквальным огнём города сгорают
И падают навзничь разбитые обелиски.

Ты учишь меня летать — не учи терпению,
Всегда побеждает тот, кто нетерпеливей,
Когда идёшь долиною смертной тени,
Как будто идёт над землёю весенний ливень...

Ты учишь меня летать — я учусь влюбляться,
Я так не умел, пока всё внутри не выжгло...
Вот делаешь шаг, и можно взлететь над плацем,
Войной и бедой, полем боя — всё выше, выше.

2021

ГОВОРИТЬ ЯЗЫКАМИ

*Если я говорю языками человеческими и
ангельскими, а любви не имею, то я — медь
звонящая или кимвал звучащий.*

I Кор. (13:1) апостола Павла

Мы с тобой виноваты уже только в том, что живы
В этом времени лживом войн заказных и смут.
Если я говорю языками чужими,
Как ты думаешь, может, меня поймут?

Больше ангельских нет языков, человеческих тоже,
Всё смешалось, и слышится только язык врага.
Что ещё мы с тобой в этом мире можем,
Если млечная речь нам по-прежнему дорога?

Да, я знаю, в войне не бывает, чтоб все невинны,
Только кто-то напал, а другой защищал свой дом.
Но дойдём до какой-нибудь середины,
Если говор чужой через площадь переведём?

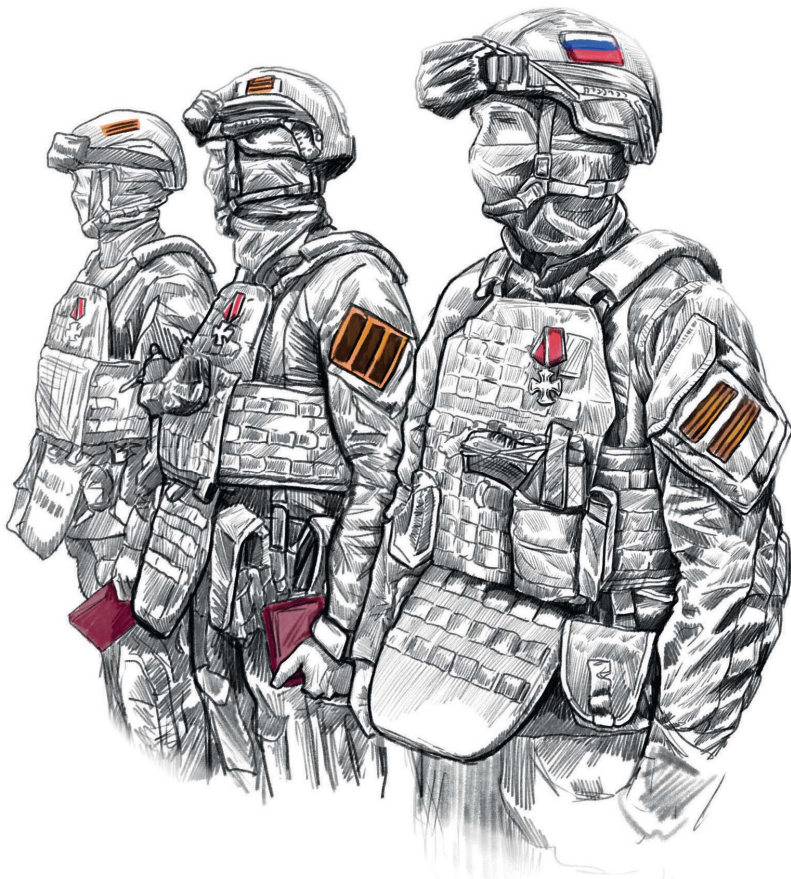
Знаешь, я говорил, что когда-то услышу песню
На таком языке, что снаряд направлял в мой дом,
И заплачу от этой тоски неместной,
Только вот не сейчас, а (быть может) потом.

Если нет здесь любви, бесполезно кимвал бряцает,
Так бряцают кинжалы, оружие, зброя, беда,
Сыновья расточают, что собрано было отцами,
Не имеет синонимов горькое слово «предать».

И звенящая медь тщетно сердце стремится измерить,
И пусты все пророчества — будет, что быть суждено,
Остаётся лишь та, что больше надежды и веры,
И на всех языках говорит об одном.

Я хочу говорить о любви языками всеми —
Ковылём шелестящим, тёплым грибным дождём.
Если станут землёй все, кто ляжет однажды в землю,
Может быть, мы друг друга сейчас поймём?

2021



МАРИЯ ВАТУТИНА

На костылях. В бинтах ступня.
Прошил осколок у Каховки.
Глядит смешливо на меня,
Стишки читавшую в столовке.
Загар, похожий на броню.
Досадует на попаданье.
«А хочешь, маме позвоню,
Когда вернусь в Москву с заданья?»

У вас тут есть с роднёю связь?
Скажу, жива её пропажа».
А он отвечивал, смеясь:
«Не-не, она не знает даже.
Мы бережём. —

Он бросил взгляд

На раскученную ногу. —
Про это знает только брат».
И мы отправились в дорогу.

Я думала за часом час
Про дагестанского героя,
Который жизнь свою отдаст
Для материнского покоя.
Прощаясь, я ему: «Родной,
Ну, ты орёл!» А он с подскока:
«Ведь это же мой позывной...»
Так он признал во мне пророка.

АГИТБРИГАДА

И я внести хотела лепточку
Живым курком, взведённым в слове.
Летели бортом мы за ленточку.
Но кто-то выходил в Ростове.

Гуляли, спешившись, по лётному.
И шли кормою к фюзеляжу
КамАЗы с ящиками плотными
И прочей фронтальной поклажей.

Майор, с которым там мытарилась,
Кивнул на ящик: — Дальше вместе.
А ты-то знаешь, чем затарилась?
Ответила ему: груз двести.

Стрельнул сигарку несерьёзную.
Кивнул, мол, знаешь, уважаю.
И полетели мы по воздуху,
До неба мёртвых провожая.

Из-за обстрелов нас за ленточку
Не повезли, в Крыму сгрузили.
Но наши дали им ответочку
И дальше — жили, жили, жили!

ЛЁТНЫЙ ПОЛК. ЗАРИСОВКА

Мы выступали в лётной части
На фоне подуставших “сушек”.
Собрали техников ворчащих
И двух старушек.

Все слушались команды зама
По политической работе.
А остальные были, знамо,
Уже в полёте.

Но не успели депутата
Дослушать мужики, как строго,
Назойливо, продолговато
Взвилась тревога.

Должна покаяться — струхнула.
Не то чтоб кинулась метаться,
Но смертью, в общем-то, пахнуло.
Не отмахаться.

От нашего репертуара
Остался пшик. Неважно это,
Когда, по сведениям радара,
Летит ракета.

Стоишь и ждёшь, когда пустое
То небо, что надеждой правит,
Своей мозолистой пятою
Тебя раздавит.

Потом тревогу отменили
Тремя сигналами в прокрутке.
Точней, двумя. И все шутили,
Что обсчитался тот, кто в рубке.

Смеялась замполитша Вера,
Хорошенькая, как с картинки,
И Золушкиного размера
На ней военные ботинки.

Худая, дряхлая на вид,
Совсем иссохшая зимою,
Чужая мать в саду стоит
Над раскуроченной землёю.

Дай обниму тебя, прижму,
Поглажу кукольные плечи.
Засею землю по уму,
Затеплю в доме печь и свечи.

Не ты ли вышла на задки
С отцовским знаменем советским,
Когда здоровые сынки
Пришли к своим задворкам детским?

Не твой ли флаг топтали тут,
Смеясь, подмётки вытирали?
И «куры, млеко и капут»
Тебе, затравленной, орали.

Чужая матушка моя,
Не пяться от сыновней злобы.
Твои дурные сыновья
Забыли свет твоей утробы.

Терпи и боль свою таи,
Считай, что это просто глупость.
Но тихо: «Это не мои», —
Она ответила, потупясь.

Я горе видела в упор,
Но равных нет минутам этим,
Как выносила приговор
Чужая мать родимым детям.

Они стреляли по донецким.
Они стреляли по луганским.
По сношенным пинеткам детским.
По каблукам и сумкам дамским.

По одеялам и подушкам,
Ночнушкам, шортикам, пижаме.
И в класс, где запрещённый Пушкин
По-русски говорил стихами.

По толстым словарям толковым,
По тощим козам, по колодцам,
Они стреляли по торговым
Палаткам и по огородцам.

Они не подходили близко,
Стреляя в школьницу у дома,
Она была сепаратистка,
Она абстрактна, незнакома.

Невидимы в прицеле пушки
Её косички и ладошки,
Её забавные веснушки,
Припухлые её губёшки.

Но в том абстрактном артобстреле,
Закрыв глаза на все детали,
Они — её убить хотели,
Они — по ней в упор стреляли.

С остервенением немецким,
С особой слабостью к гражданским,
Они стреляли — по донецким,
Они стреляли — по луганским.

Шёл солдат мимо шахт и пожарища,
На броне по лесочкам катил,
Восемь лет хоронил он товарищей,
Восемь лет у родни не гостил.

Его землю дырявили бедами,
Выжимали в чужой окоём.
«Только мы, — говорил он, — отседова
Никуда никогда не уйдём».

Старики на груди его хлюпали,
И светлели посёлки вдоль трасс.
Вот сажают цветы в Мариуполе
И завозят учебники в класс.

И чужая худющая матушка
Припадает на бронезилет:
«Вы теперь не уйдёте, ребятушки?
Не уйдёте? Не бросите, нет?»

Отвечал, наклонившись, как к маленькой,
Обещая откинуть врага.
Восемь лет он не виделся с маменькой,
До которой уже два шага.

Две положенных в степь батареечки,
Чтоб светилась священная степь.
И товарищ с осколочным в темечке,
И встречающих пёстрая цепь.

Это родина. Вот его родина —
До колонки всего дохромать.
Дом разрушен, и мать похоронена.
Надо новую жизнь поднимать.

Если мы освобождаем Донбасс,
То и Донбасс освобождает нас.
Протирает оконце пыльное — вот, гляди:
Лупят по крышам грибные дожди,
Светятся кромки заборов, кочки дворов,
Светятся даже рога у коров,
Отливают белым светом бока
Утренней Зорьки, светятся облака,
И в ведре молоко, блики бегут по стенам.
Пахнет кошеным лугом, постельным сеном,
Слышится песня сторожа, пастуха ли,
Светится музыка искренними стихами,
Ты к любви возвращаешься, оживаешь,
Из пепла встаёшь, к небесам взываешь:
Нам прибавилось силы, приросло, открылось,
Русское вона где сохранилось!
Вона где уберегли, что всего дороже!
Какие они тут красивые люди, боже!

Бабушка, вставай. Бабушка, одевайся.
Настя — уже. И Аня внутри моего девайса
Едет в пыли дорожной от дома к дому,
На груди котят.
Мы победим по-любому.

Бабушка, поднимайся. Страна огромна
Поднялась уже, когда вероломно,
По восходящей звери Донбасс крушили.
Бабушка, мы ошибку не совершили.

Дашь им июнь, они откусят четыре года.
Там такие мальчики, хоть в огонь, хоть в воду!
Мы не наступаем больше на грабли.
Но что нам делать с валом всемирной травли?

С внутренней сволотою? С ханжеской немотою?
Бабушка, справься с мраморною плитою
И вырастай над миром с марлею и жгутами.
Помнишь, ты повторяла: «Победа будет за нами».

С февраля сошла грязноватая наледь, с марта
Почернели наши дома и моя сим-карта,
А в апреле пошла зелёнка, земля разверзлась.
Бабушка, воскресай давай на поверхность.

Мы, как стебли, выстреливающие за почкой почку,
Прорастаем, мёртвые, через тугую почву,
Мы поднимаем голову, нас начинают слышать.
Скоро мы будем княжить — скоро мы будем кнѣжить.

Память вернётся, правда взойдёт над пашней
О Второй Великой Отечественной, воссоздавшей
Нашу родину, чтобы писалась слитно.
Просыпайся, бабушка, мне уже не стыдно.

САША

После стихов и музыки он дрожит.
Видимо, разбудили, разбередили.
А в амбразуре рта у него лежит
Пена и ненависть.
— Видел я вас в могиле!

Он негодует, сильно его трясёт.
— Всё, — говорит, — неправда и подтасовка.
И отбегает.
— Да погоди ты, чёрт.
Что там с тобой такое? Беда? Рисовка?

Двор госпитальный бродит как чайный гриб.
В нём пузырится солнце, мутнеют тени.
Он возвращается, чёрным углём горит.
Плачет почти, но не говорит по теме.

Этот донецкий снайпер кровоточит.
Точит его обида с блажным упорством.
Разве ленивый только не уличит,
Не попрекнёт судимостью и притворством.

Дело состряпав, в гору пошёл следак,
Где-то в Воронеже суд тасовал колоду.
Вышел — и в добровольцы. И он вот так
Дальше пошёл трубить за свою свободу.

В смысле уже глобальном — за ДНР.
Он и хотел свободы вот этой справной.
Только обида резью взвивает нерв.
Он и теперь гуляет ещё со справкой.

— Нету на свете правды, — почти кричит,
Загнанным зверем смотрит на старый яшень.
Эта недосвобода ему горчит.
Что я им тут читала? Что мир прекрасен?

То-то его накрыло взрывной волной.
Даже главврач обходит его задами.
Сколько же нужно терпкой любви земной,
Чтобы вкопаться с оптикой за садами

И защищать полгода клочок земли,
И ни гу-гу... ну, разве сегодня только.
Видимо, вирши чёртовы подмогли,
В смысле спустить пары, а не в смысле торга.

— Саша, ну жить-то надо, ну как-то, Саш.
Вдруг улыбается пенной улыбкой глыбы.
— В целом-то мир прекрасен.
И он дренаж
Трогает сбоку.
— А за стихи спасибо.

А у нас в России газ.
А у вас?
А у вас в Европе сглаз.
Да-с.
Говорит немецкий канцлер,
Что кончается запас.
Ветер кончился в полях.
Ах!
С удобрениями швах!
Ах!
Зона личного комфорта
Обнулилась в головах.

Эту зону мы займём.
Омम्म!
И с Кантарией вдвоём
Флаг Победы вознесём
Над условным над Рейхстагом.
Жми, история, зигзагом,
На броне рисуя знак.
Боже, дай ума салагам,
Если с газом порожняк.

А у нас в России нефть —
Хоть залейсь.
Нам конца и края нет.
К нам не лезь.
В нашем гербе вот ё филингс?
Птица Феникс, птица Финист
Не сдадут гнезда.
Занято, балда.

До свиданья, мистер Бóрис,
Закругляйтесь, мистер Сорос,
Джо, не лезь на трап:
Там танцует Трамп.
А из нашего окна
Плешь Зеленского видна.
Ну, а вашим байрактарам
Безусловная хана.

Нам в России, всем европам
Назло,
Наконец-то и с вождём
повезло.
Бог ни разу не Тимошка —
Разбирается немножко
В правилах войны.
Это чья в евроокошко
Лезет к нам большая ложка?
Целься, пацаны.

«Ну, подсаживайтесь, что ли, ко мне:
Каин слева, Авель справа — под бок, —
Говорил на небе Бог,
Говорил усталый Бог, —
Перетрём о восьмилетней войне».

И садились через стол сизари,
Две обоймы про запас папирос.
Каин финку на поднос,
Авель хлебушка принёс.
Третий спирта наплескал в стопари.

Затянуло гарью весь небосвод.
— Вам же сказано на вечность вперёд:
Ты возделываешь рожь,
Ты овец своих пасёшь,
На досуге продлеваете род.

Помнишь, Каин, я спросил, где твой брат?
Ты расстреливал как раз тот парад,
Где фильтрованный «Азов»*
После каялся с азов,
Только не было дороги назад.

* «Азов» — организация признана террористической по решению Верховного суда РФ от 02.08.2022.

И не в том беда, что ты сгорячил.
В том беда, что ты ведь шанс получил,
Распластавшись по земле,
О грехе взрыдати мне,
Может, я бы убивать отучил.

И ходить тебе теперь в сторожах,
И не быть тебе ни с кем на ножах, —
Говорил горячий дед,
Говорил суровый дед,
В гимнастёрке полевой с буквой Зет.

Взял клинок убитый Авель в скорбех:
— Как же мне тебя теперь возлюбить?
Как о мире вострубить?
Разве хлеба нарубить,
Чтобы досыта хватало на всех.
Чтобы Господа хватало на всех.

В человечьи норы горы Печоры
Заплывает рыжий огонь свечи.
Запирайся, братия, на затворы,
Уходи под землю. Сиди молчи.

Запрещают, хватит, откуковали,
Тыщу лет за грешных мозолив лбы.
Заходи в пещеры, сиди в подвале,
Не сдавай хотя бы свои гробы.

Там, где мощи Нестора Летописца,
Проводи молебны, пока злоба
Легионы гонит в ворота биться,
Да спасут вас древние погреба.

Китеж-град ли, Киев ли град, под дёрном
Литургическим забываясь сном,
Разольёт над Лаврой щитом соборным
Свой басовый хор о конце земном.

Под горой река, из реки на склоны
Выползают брёвнами Перуны.
А для капищ надобны полигоны
И кострища выжженных вёрст войны.

Ну, кого ещё на закланье, Рада,
Паханам-язычникам ты несёшь?
Помолитесь, братья. Молиться надо.
Потому что душу-то не убьёшь.

Потому что образа и подобья
Не лишит нас даже пещерный спуд,
Где по стенам русских святых надгробья,
А точней, ковчеги. Они спасут.

Р. С. В конце марта 2022 года в Верховную раду Украины внесён на рассмотрение законопроект, предлагающий запретить в стране «деятельность Московского патриархата — Русской Православной Церкви и религиозных организаций, которые являются частью Русской Православной Церкви, в том числе Украинской Православной Церкви».



ЕГОР ВОРОНОВ

DE LA PAIX

На паперти неба безрукие с хлебом,
ругаясь молитвой
почти позабытой,
хоронят голубку в ковчеге-скорлупке.

А та, вырываясь
сквозь ярость и жалость,
сияет,
мерцает
и ярко пылает
огнями проспекта
и боекомплекта,
раздевшего город
в период разборок.
С осколками лета, наколками века,
уехав из дома
на грани излома
без цвета,
без вкуса
в пространство искусства,
мы просим от неба ещё корку хлеба.
Но солнце, нас зная, скупых попрошаек,
кивает
за чаем
и вновь угощает
объятъем прощенья, суля возвращенье
в пустые пироги, плывущие к Богу.

Вот только голубку, убитую в шутку,
мне жалко до страха,
она под рубахой
жила у меня...

ЧЕРНОСЛОВИЕ

Край у ночи отколот,
жмётся к рёбрам печаль,
словно горячий осколок,
поцеловавший февраль.

Сердце косноязычно,
бьётся без падежа.
Между и после кавычек
тлеет в пробелах душа.

Шаг размолот углами
от окна до земли.
Нужно держаться у края,
режущего изнутри.

Нужно в себя вчитаться
до переплёта тоски.
Выдохнуть болью абзаца
и заново...
с красной строки.

Para bellum,
мой город,
всегда para bellum,
и отныне, и присно,
и во веки
торгов.

Нет, не быть
ни живущим с тобой,
ни тебе
полноценным
в это время
бессрочно
немых жерновов.

Вот он —
мир в тишине,
прохудившийся смертью,
разграниченный ночью
сквозь входящий пунктир.

Вот он —
мир без огня,
в безответном корсете,
сжавший крылья,
чтобы лучше смотрелся мундир.

Хочешь мира,
мой город?
Тогда — *para bellum*.
Этот мир
от тебя
не оставит
костей.

А пока что ты спи,
безнадёжно блаженный
город, ждущий спасенья
среди ртутных камней.

Я ВЕРЮ!

Я верю в сталь,
текущую по венам,
в протяжный стон
уставшего гудка,
живой,
мужской,
рабочий,
невоенный,
как гимн
от проходной
и до ларька.

Я верю в уголь,
чёрное надгробье,
проклятье,
дар,
подземный храм,
где тёмный бог
косится исподлюбья,
хрипит
и давит по щитам.

Я верю в ртуть,
смотрящую из бездны
голодным взглядом алых руд,
с надеждой
алхимической невесты,
с тревогой ждущей,
ждущей
верных рук.

Я верю в соль,
рождённую из газа,
кормящую людей
из века в век,
и в то, что снова
дрогнет
хриплым басом
машзаводской
степной
пустой ковчег.

Я верю: снова
возродится,
встанет
мой друг,
мой окровавленный Донбасс.
И после всех
военных
испытаний
он скажет:
«Жив,
живу
и не угас».

БЛАГОСЛОВИ!

Росписью копоти,
рваными ранами,
рамами,
скрежетом,
ржавчиной,
вброд
мы переходим
подземное небо
ощупью мёртвое,
недоистлевшее,
полусвободное...

Ну же, теснее!
Тесней хоровод!

Переживания
перепечатаем,
в выписки рифмами
перенесём,
под трафарет
своего голодания
в жертву кого-то
ещё принесём.

Больше сожжённых
во имя утраты,
больше несчастных
во имя любви —
выжатых
жатвой
иконных солдат,
талых,
осенних,
скрипяще-зубчатых...

Каждого мёртвого,
недоистлевшего,
полусвободного,
небо подземное,
благослови!

МИО, МИН МИО

Кому ты здесь нужен,
солдат по вердикту
в пастушьей короне
без права на сердце.

Кому ты здесь нужен,
держачий гвоздику
на сажном амвоне
внутри иноверца.

Сведённым ладоням?
Ночным посторонним?
Играющим детям
здесь
в тридцатилетних?

Таким же сожжённым
для общего дела
в своих интересах
линованной прессой?

Ты больше не нужен
в пустой стеклотаре
в окладе из цинка,
мой доблестный Мио.

Ты больше не нужен
в пастушьей тиаре
под куполом цирка
по всем нормативам.

Так спи же
пока
до весны
терпеливо.



ВАЛЕНТИН ГОРШЕНИН

ВОИНАМ-ДОНЧАНАМ

Неоновые лампы. Полуголый. Три пары глаз склонились над столом.
Под стук колёс — разряд. Поплыли образы — вот улица Артёма. Мой выпускной.
Вот мы стоим всем классом над погибшим стариком...

Я много раз просил себя не трусить. Да и сейчас, наверно, я бы так сказал,
что лучше в бой с утра, чем малодушно сдохнуть в восемь,
забрызгав безысходностью вагон.

Я здесь не первый год. Я обещал вернуться. Я для кого-то, может, глупость
говорю.
За опустевший лик Петровского района я посажу аллею роз в Попасной,
под Мариуполем на стеле имя деда напишу.

Мне не всегда везло, сейчас всегда. А если честно,
вчера во сне я видел грохот над Москвой.
То был салют в честь нас.
Ну хватит. Залежался. Слишком пресно.
Разряд.
Мои хорошие, три пары глаз! Спасибо, что живой.

СЕВАСТОПОЛЬ

Скалистый берег Фиолента, разрывы, по воронкам гарь.
Я не был здесь тогда, но каждый метр знаю: здесь легенда.
Здесь каждый голос — золото, а каждый вдох — янтарь.
Там, где стояли тысячами верных под вражеским огнём недели напролёт,
У монастырского забора тысячи нетленных
Стоят в строю небесных сил, закончив свой земной полёт.
Они не мы, и было б слишком смело
Нам говорить, что мы такие же, отнюдь.
Мы в 90-х спали, позже — воровали оголтело,
Не видя брода, прыгали, но так и не посмели потонуть.
Ну что ж, и если нам одна награда скалистым берегом, где юные лежат, — иди.
Значит, пойдём по следу их, значит, опять баллада. Баллада о войне и о любви!

Пусть будет тишина. Пусть до конца времён.
Пусть слышат. Пусть наслаждаются. В неё пускай поверят наконец.
Макеевка, Луганск, Харцызск и Горловка,
Донецк и Марьинка, Шахтёрск и Алчевск.

Пусть никогда на улицах ни звука,
пусть ни одной слезинки этих городов.
Пусть будет так, чтобы ни одна на свете сука
не подняла стволы на наших стариков.

Пусть лучше мы потерпим, не с руки, не страшно.
Пусть лучше детский крик останется в стенах,
где сутками встречают жизнь, где жёны наши
с цветами. Чтоб праздник, чтоб из загса на руках.

Цветы здесь пусть останутся для грома и оваций,
для поздравлений, для любви.
А позже пусть немного дождь отмоет улицы
от навсегда ушедшей из здешних мест войны.

АННА ДОЛГАРЕВА

За холмом и рекой бахает, бацает.
И полно тут этих холмов и рек.
А в Луганске цветёт акация,
И у Ксю в коляске маленький человек.

И везёт она его, совсем новенького,
Меньше месяца как рождённого на свет,
А рядом идёт солдатик, и голова вровень его
С цветами — седыми, и он — сед.

Как брызги шампанские,
Акации соцветия.
Пацаны луганские
Двадцатилетние.

На разгрузке лямки,
На портрете рамка.
Где ваши мамки?
Я ваша мамка.

Как они уходят за реку Смородину,
За реку Донец, за мёртвую воду,
За мёртвую мою советскую родину,
За нашу и вашу свободу.

По воде и облакам, как по суше,
На броне машут, несутся тряско.
«А всё же жизнь продолжается, правда, Ксюша?»
И Ксюша катит коляску.

Первому двадцать, второму сорок, отец и сын,
Русые русаки среднерусской тверской полосы.
Цветное фото; «не рыдай Мене, Мати,
Зрящи во гробе»: смерть была прежде.
Оба неправильно держат свои автоматы.
Ну кто их так держит.

Аптечка говно, натирают берцы,
У старшего уже поизношено сердце,
У младшего условка за хулиганку.
Ходили в дозор спозаранку,
Сын чуть не споткнулся о мину.
«Матери только молчи, а то всыпет ремнину».

Пока ты дома ешь манго и пьёшь брют,
Они за тебя умрут.
Летняя степь цветущая, пасторальная.
Ладно, чего там я, извини, забудь.
А знаешь, в чём самая жуть?
Им это нормально.

Здесь перемелено, здесь перемолото, «Градов» гром,
вот бывший дом и бывшие люди в нём.
А по развалинам ходит бесхвостый кот
и смятенно орёт.

Крик замерзает около синих губ.
Перестань быть мёртвым, попробуй сесть.
Кот не ест человеческий труп,
не умирай, он даже не сможет тебя поесть.

Снайпер работает неподалёку,
изрешечена разграбленная аптека.
Кот бодает мёртвую щёку
бывшего человека.

Встань, поднимись до бывшей квартиры,
где на месте третьего этажа пустота,
словно вокруг — тишина бывшего мира.
Встань, покорми кота.

Ребёнок прячется, но смотрит из-за штор,
Куда летит, не прилетело чтоб,
Как будто шторы — это одеяло,
Которое спасает от ночных
Чудовищ, пробирающихся в сны,
Как будто никого тут не стояло.

Вернётся мама — непременно, ведь
Всегда-то возвращалась, ну и впредь
Так будет до скончания Вселенной.
И дворик превращается в ничто,
И этот мальчик смотрит из-за штор,
И не болит разбитое колено.

Ничто уже на свете не болит,
Ни огорчений нету, ни обид.
Ещё прилёт — и скоро будет мама.
Возьми игрушки, школьную тетрадь
И поднимись по лестнице — сказать,
Что больше нет ни ссадины, ни шрама.

«УХОДЯТ...»

И приходят они из жёлтого невыносимого света,
Открывают тушёнку, стол застилают газетой,
Пьют они под свечами каштанов, под липами молодыми,
Говорят сегодня с живыми, ходят с живыми.

И у молодого зеленоглазого капитана
Голова седая, и падают листья каштана
На его красивые новенькие погоны,
На рукав его формы, новенькой да зелёной.

И давно ему так не пилося, и давно не пелось.
А от водки тепло и расходится омертвелость,
Он сегодня на день вернулся с войны с друзьями,
Пусть сегодня будет тепло и сыто, и пьяно.

И подсаживается к ним пацан, молодой, четвёртым,
И неуставные сапоги у него, и форма потёртая,
Птицы поют на улице, ездят автомобили.
Говорит: «Возьмите к себе, меня тоже вчера убили».

слушай, говорит, слушай:
обстрел начинается в полночь.
пусть твои прячутся лучше,
без пятнадцати чтоб по полной

по боевой. будем
класть по заброшенной шахте.
от людей к людям
несётся сигнал шатко.

дождик по ним крапает,
сумерки лежат синие.
сын отвечает: папа,
спасибо, за всё спасибо.

2017

ПАМЯТИ КОСТИ КОТА

И больше никого не хоронить,
А только вишни собирать в ведёрко,
Пластмассовое, детское — они
Лежат там с горкой.

И строить новый город на песке,
И будут понарошечные люди
Ложиться спать на белом лепестке —
Давай так будет.

Вон жук ползёт, глаза его черны,
Жук красно-чёрный, именем солдатик,
Не мучь его, пусти его с войны,
Ей-богу, хватит.

И ямка для секретика в земле —
Туда ложатся город, мама, кошка.
Не плачь, не плачь, тебе под сорок лет.
Мы все тут — понарошку...

Обком звонит в колокол, предали нас анафеме.
 Нет хорошего русского, но мы в натуре ужасные русские.
 Типа как римляне, ущемляющие этрусков.
 Сорян, не потрафили.

Да, мы русские, римляне мы, наши шлемы блестят,
 Да, спускались мы в ад, и с потерями — через ад
 Мы прошли.
 Ну давай, не чокаясь, за Дебаль.
 Мы железо и боль, и мы тело мясное, и сталь.

Да, мы знаем, как артиллерия бьёт по своим.
 (После этого один офицер застрелился, к слову.)
 Да, мы видели, как над домами нашими чёрный дым
 Поднимался — а мы шли вперёд, и чего такого.

Вега — самая яркая звезда в созвездии Лиры.
 И ещё так звали одного командира,
 Характер был скверный, прострелил однажды розетку.
 Ну а чё, нервы сдают капитально и метко.

Его не любили. Он потерял пятерых
 Из стрелковой роты. На ночь пошёл домой,
 Вернулся — обнаружил всех мёртвых их.
 После этого, говорят, крыша поехала так, что ой.

Первого марта штурмовали двадцать девятый блокпост.
 «Идите, — сказал генерал. — Там никого нет».
 Вега шёл первым и дошёл до самых до звёзд.
 Отработали «Грады». Привет.

И вот эта земля пропитана нами.
 В длину на два метра и на два метра внутрь.
 И чего вы скажете нам такого, что мы не знали?
 Мы идём вперёд. Не пробуйте развернуть.

Сказали: не говори — баба.
Плохое, некрасивое слово.
Но любым другим меня обозначить — слабо.
Я же не девка, замужем была, чего тут такого.

Я же рыдала, когда муж уходил на войну.
Я же его ждала, готовила щи-борщи,
Какая из меня леди или там фрау, ну.
Плачь. Снаряжай. Корми. И молчи.

Я русская баба, плачущая о каждом,
Кто не вернулся. Воющая в подушку.
Бесплодная баба, что навеки однажды
Кончится — и кто помолится за мою душу.

Нет, я была поэтессой из Ленинграда.
Шляпка, мундштук, открытые платья.
Я до сих пор сыграю так, если надо.
Но я — русская баба, всехняя мать я.

Коли не подвезли другого мужа и сына,
То вы, двадцатилетние, мои дети.
Слёзы капаят на копьё, такая судьбина.
Не худшая, в общем, на свете.

Серёга из Москвы вообще приехал.
Всё время ржёт, да так, что будит эхо,
На стареньком раздолбанном УАЗе.
Нам нужно всем — полёт и чуть тепла.
Серёга возится с БПЛА.
Считай, мечта сбылась, хотя не сразу.

Хотел летать — и вот почти летит.
Мы память здесь. Мы камень. Мы гранит.
Пока их помнят — не случится смерти.

А впрочем, всё я вру, и вы не верьте,
Она случится с каждым. Это быт.

Серёга ржёт, Утёсова врубая,
И он любой, и я почти любая,
Мы кровь земли, и мы её же твердь.

Иди ты на х**, грёбаная смерть.

Не смейся, тётя, сделай фотоснимок,
как мальчик во дворе играет в мяч,
и августовский воздух так горяч,
прозрачен так невыносимо.

И целый дом, не раненный ещё,
трепещет занавесками на окнах.
Снимай: оно так скоро всё поблекнет,
и время начало уже отсчёт.

И через восемь лет его я встречу —
подросшего мальчишку без мяча,
но с автоматом — там, где, рокоча,
подходит артиллерии предтеча.

Он будет там, с котёнком на руках,
с улыбчивыми полными губами,
уже не мальчик, но ещё не камень,
уже бесстрашный — но познавший страх.

Снимай же, тётя, — а теперь и я
затвором щёлкну фотоаппарата,
поскольку смерть из мира не изъята,
но в вечности останутся друзья.

Я умереть боюсь,
Как тоненькая вишня во дворе,
Как списанный на землю аппарат «Союз»,
Как травы в ноябре.

И говорю: запомни, затаи,
Люби меня в моём убогом быте.
И мёртвые солдатики мои —
И вы живите.

Я режу хлеб — и смерти не хочу,
Салат крошу — и смерти не хочу.
Черешню ем — и смерти не хочу,
Несу цветы — и смерти не хочу.

А смерть настанет, на меня наступит,
Ногой огромной на меня наступит,
На маму, на кота, на чёрта в ступе.

Но нынче яблони цветут,
Как небо на закате, бледно-розовым.
И скоро лето будет тут
С вареньем абрикосовым.

Из меня не получится хорошего русского.
Вообще ничего хорошего.
Мчит машина, бьётся из окон музыка,
По луганским дорогам изношенным.

Едем с пацанами в форме, совсем молодыми,
Между боевыми и боевыми,
И вроде как смерти нет, и июнем веет.
Никогда не любила лицо своё, не любила имя,
Но, пожалуй, нашла что-то важнее.

Двадцать седьмое мая, холмы, отроги,
Отзвук ястребиного крика.
Бьёт на выход гаубица «Гвоздика».
Это я, это Аничка, следы на луганской дороге,
Цветущая у неё земляника.

В город пришла война.
В город ложатся мины.
В городе разорвало водопровод,
и течёт вода мутным потоком длинным,
и людская кровь, с ней смешиваясь, течёт.
А Серёга — не воин и не герой.
Серёга — обычный парень.
Просто делает свою работу, чинит водопровод.
Под обстрелом, под жарким и душным паром.
И вода, смешавшись с кровью, фонтаном бьёт.
И конечно, одна из мин
становится для него последней.
И Серёга встаёт, отряхиваясь от крови,
и идёт, и сияние у него по следу,
и от осколка дырочка у брови.
И Серёга приходит в рай — а куда ещё?
Тень с земли силуэт у него чернит.
И говорит он: «Господи, у тебя тут течёт,
кровавый дождь отсюда течёт,
давай попробую починить».

Ты десять тысяч убила и десять спасла,
Так мне сказал человек, которого я люблю.
Вот такая хреновая арифметика, такой блюз.
Такие дела.

Это, собственно, почему?
Потому что я решила: я спускаюсь во тьму,
Как Персефона в Аид.
Болит.
Потому что я сказала: я на войне.
Не где-нибудь рядом.
И я бежала в подвал под «Градом»,
И комроты вёз меня, пистолет направив
Туда, откуда смерть приходит без правил.

Да, на войне.
Я на войне.
Ни к чему отпираться мне.
Это я пускала ракеты по Харькову.
Это я лежала под бэхой, пыль отхаркивая.
Я, нежная, любовная, рыжая.
Это я почему-то совсем неуместно выжила.

Где я соврала?
Считай, что нигде.
Красное солнце лежит на чёрной воде.

Это я не вернулась
В беспорядок московских улиц,
Это я застрелена под Донецком,
Это я лежу под Камышевахой,
Это я хочу говорить, но не с кем,
Это я узнала пределы страха.

Это я засыпана в землю, и никто меня не назвал.
«Грады» бьют на выход, пора в подвал.

Подарил апельсин мне Сашка Урал.

Я не знаю, откуда он взял его на войне,
Я не знаю, почему — мне,
Но вот он лежит, оранжевый —

Завораживает.

А всё-таки начнётся посевная,
За танками поедут трактора,
И мы, возможно, доживём до мая
И выйдем со двора.

Фуфайку зимнюю повесивши на гвоздик,
Пойдём в чём были в мае под дождём.
И может быть, зайдём к соседям в гости
И беленькой нальём.

Они лежат — хохол, москаль, еврей
В одной воронке, с подписью «Здесь люди».
И залпы постсоветских батарей —
Последние салюты.

И Боже мой, никто не виноват,
И завтра принесут гуманитарку.
И старый друг отложит автомат
И на письмо приклеит марку.

Схерали, говорит, они герои,
Они ж там — из окопа не успели.
А это я захлёбываюсь кровью,
Чужой, чужой захлёбываюсь кровью,
И бьёт арта по дышащей по цели.

Холодный март, бессмысленная высь.
Вот имена, пожалуйста, молись.

Я здесь не женщина, я фотоаппарат,
Я диктофон, я камера, я память,
Я не умею ничего исправить,
Но я фиксирую: вот так они стоят

Ещё живые, а потом не очень.
Я не рожу зеленоглазых дочек.
Когда пожар — звоните ноль один.
Поднимет трубку нерождённый сын.

Вы там держитесь, но спасенья нету.
Летят, летят крылатые ракеты.

Мы смерть, мы град, мы рождены для боя,
Мы станем чернозёмом, перегноем
И птицами в весенней тишине.
Схерали, говорит, они герои.
Чего ревёшь, не плачь, ты на войне.

И пока небосвод от снарядов стонет,
Некому поплакаться, помолчать не с кем,
И приходит дед, заваленный в доме
О году пятнадцатом, под Донецком.

На рассвете этом, медвяном, дынном,
Он пришёл, лишённый тоски и страха,
И стоит у околицы белым дымом.
Прозревая Харьков и Волноваху.

А чего, говорит, что ли, снова бомбы,
Не пойму, кому от этого легче.
Навели бы мир, отстроили дом бы,
За меня бы в церкви поставили свечи,

Потому как умер я неотпетый,
Хоронили в спешке под минным роем.
Это век становится волком, это
Сами мы становимся сталью с кровью.

Это русский хтонос, его железо,
И земля перекопана на два метра,
Потому что мы, не бояся смерти,
Щедро делимся ей, и она навесом

Прилетает прицельно, бесслёзно, метко,
Сталь и кровь, и нет никакого страха,
Только мёртвый дед, куря сигаретку,
С грустью смотрит на Харьков и Волноваху.

Через реку Смородину нет моста.
Это детские сказки: там темнота
Да густая трава, да дуб опалённый,
Пацаны из двенадцатого батальона,
Павшие под городом с названием Счастье —
Некуда им возвращаться.

Так и ходят они по этой траве,
И две училки из Горловки ходят по ней,
Завуч и географичка.
Говорят: мы сегодня проходим свет,
Он всего надёжнее и сильнее,
Подставляйте ему личики.

И у мёртвых училок их мёртвый класс,
Так задолбан войной, так небрит и чумаз,
Подставляет лица под ветер.
И расходится чёрный мазут темноты,
И они улыбают щербатые рты
И становятся словно дети.

Расскажи мне, Расскажи
сказку, больше не могу.
Это человек лежит,
расцветая на снегу.

Это красным он зацвёл,
как цветок, на остановке.
Расскажи мне про котёл
(впрочем, лучше про котов)
и про новые винтовки.

По реке плывёт топор, прямо до Чугуева.
Ну и пусть себе плывёт, он в эвакуацию.

Абрикосы зацвели
рано, не дождавшись марта,
и огонь горит на картах
и на коже земли.

О земля, сыра постель,
вот мужик; орёт сирена,
но стоит он на коленях
посреди трамвайных линий,
и пытается он сына
собирать из запчастей.
Эх, на небе порадей!

По реке плывёт топор, прямо до Чугуева.
Ну и пусть себе плывёт, может, он за мир вообще.

Города падут во тьму,
на ветру дрожит осина.
Собирай же, дядя, сына
по Донецку по всему.

Он восстанет и пойдёт,
он за нас на небе спросит.
Будет лето, будет осень,
как-то выживет народ.

Собери его, родной,
пусть за нас — за грешных, гадких
он заступится украдкой.
Мама, мама, я в порядке.
Мама, это не со мной.

Снилось мне, что я ищу тебя в темноте,
Незнакомые лица ощупывая руками.
Всё пытаюсь узнать, только все не те,
Не живое тепло, а холодный камень.

И ещё, конечно, война и команчи из ЛНР,
Казачи из Монголии, чёрный барон Унгерн,
И летят через континент ракеты, и что теперь
Остаётся нам, навсегда уже юным.

И все ещё говорят, что недавно был,
Но потом перебросили на другой участок.
Как я люблю тебя, как люблю поперёк судьбы,
Перечёркивая обречённости отпечаток.

Я проснулась и вспомнить никак не могла,
Что там был за город, где среди предсмертного полумрака
Я нашла тебя, Господи, я тебя наконец нашла,
И стали мы одинаковы.

МАКСИМ ЗАМШЕВ

Вьётся змейкой между стран граница,
Маршал Жуков грозен на коне,
Ничего со мною не случится,
Если будешь помнить обо мне.
В донесеньях аббревиатура,
На земле погибший самолёт,
На коне застывшая скульптура
Никому приказов не даёт.
Телефонный обрезаю провод,
Пасмурно повсюду и мертво,
Окруженье — это просто повод,
Чтобы вырваться из него.
В небесах столкнулись две кометы,
Разбудив внизу кровавый вихрь,
Ополченье — это просто метод,
Метод выживания своих.
Если дом снарядом разворочен,
Если счастье больше не сплести,
В мире будет столько Новороссий,
Сколько надо, чтоб его спасти.

Будет победы коктейль бессонным,
Ночью испей его.
И над Донецком, и над Херсоном
Главное — ПВО.
Целыми днями поют солдаты
Вагнера в ЧВК.
Родина будет большой, богатой,
Мирной на все века.
Многоязыка, сильна, степенна,
Крепкая, как Массандра.
Будут мальчишки играть в Арсена,
Гиви и Александра.

По родимой по южной земле продвигаются танки,
И над ними, смотри, чьи-то тени, одетые в форму.
Это Симонов, Слуцкий, смотри же, а вот Левитанский,
Нам не сдюжить без них, нам нужна эта вечная фора.
Здесь Кульчицкий, Самойлов, Майоров, Отрада и Коган,
Недогонов, Гудзенко; погоны вернее, чем крылья.
Коммунисты, сегодня они, словно лики с иконы,
Отгоняют от нас вельзевулых полчищ засилье.
Нам враги оставляют в оранжевом небе наколки,
Ничего, мы сведём их, форсировать Днепр не впервой.
А поэты войны возвратятся на книжные полки,
Весь бессмертный их полк возвратится в бессмертный свой строй.

Снаряды, войной зачумлённые,
Прицельно попали в дурдом,
И психи идут изумлённые,
В грядущее веря с трудом.
И с ними уже всё хорошее
Случилось, свобода пришла.
Идут они злые, обросшие,
За ними дымится зола.
Не слышат они наступления,
Случайной покорны судьбе.
Не стоит им ждать подкрепления,
Ведь сами они по себе.
И кто-то из них был Гагариным,
И Сталиным был, и Брандо,
Теперь никогда не состарятся.
Идут они после и до.
У них стопроцентное алиби,
Никто не отдаст им плаща.
И с ними идёт апокалипсис
В обличье простого хлыща.

Дети боятся взрывов,
Дети не виноваты.
Хочется быть счастливым,
Только мы все из ваты,
Только мы все из сора,
Мы не стихи, мы проза.
Наши цветы иссохли,
Не избежав наркоза.
Дети боятся ночью
Страшного Карабаса.
У — называлась точкой.
Новый словарь Донбасса.
У — называлось место,
Где сатана гуляет.
Благостен под оркестр
Чёрненький гауляйтер.
Вижу во тьме кромешной
Тьму, что на свет похожа.
Все мы за мир, конечно.
Все мы за мир... И что же?

В Петербурге бывая, я думаю, что государь
Нам построил его, чтоб мы знали: за нами держава,
Что за нами всегда остаётся священное право
За неё умирать. Мой отныне хромает словарь,
Как писать о великом Петре, я не ведаю больше,
Если снова Полтава не наша и тень от Мазепы
Застилает нам небо. Давайте придумаем скрепы,
Чтобы время Петра прикрепилось к текущему столь же
Неразрывно, как всадник летящий с конём неразрывен.
Упаси нас Господь от в крови искупавшихся гривен.
А военное солнце без света и жалости жарит,
Ничего нам оно не вернёт, ничего не подарит.
Не запомнят зимы опалённые пламенем птицы.
Наши окна в Европу давно превратились в бойницы.



ЕЛЕНА ЗАСЛАВСКАЯ

ЭТИ РУССКИЕ

Эти русские мальчики не меняются:
Война, революция, русская рулетка,
Умереть, пока не успел состариться,
В 19, 20, 21-м веке.

Эти русские девочки не меняются:
Жена декабриста, сестра милосердия,
Любить и спасать, пока сердце
В груди трепыхается,
В 19, 20, 21-м веке.

Ты же мой русский мальчик:
Война, ополчение, умереть за Отечество...
Ничего не меняется,
Ничего не меняется,
Бесы скачут,
Ангелы ждут на пороге вечности.

Я твоя русская девочка:
Красный крест, белый бинт, чистый спирт...
В мясорубке расчеловечивания
Будет щит тебе
Из моих молитв.

А весна наступает. Цветущие яблони
Поют о жизни, презревшей тлен,
Так, будто тоже они православные,
Русские и после молитвы встают с колен.

2014

ГРАНИЦЫ

Нас разделяют границы.
Линия фронта. Линия жизни.
Мы будем друг другу снится,
Это всё, что осталось нам ныне.

Я ничего не забыла...
Но снова — в который раз —
Обрывается связь мобильная,
Остаётся сердечная связь.

Ни прощения, ни отмщения,
Только боль распиная грудь.
Не осталось путей сообщения,
Только Млечный Путь.

И по звёздам, что в небе светятся,
Через взорванные мосты
Я лечу к тебе, чтобы встретиться
У взятой тобой высоты.

2014

ЗВЕЗДА БЕТЕЛЬГЕЙЗЕ

Знаешь, что такое поэзия?
Это ночью со своего балкона
Заметить созвездие Ориона
И на правом его плече
Звезду Бетельгейзе.

В моей Новороссии,
Где всё так неясно,
Где будущее — туманность,
А прошлое поломалось,
Где гуляют ночные волки
И контрабасы
Прячут нал и обрезы,
Это всё, что у меня осталось:
Пуля, лира и звезда Бетельгейзе.

В моей Новороссии,
Не нанесённой на Google Карты,
Где всё так просто
И так понятно,
Где полевые командиры
Отправляются в космос
На лифте,
Где терриконы безумия
Страшнее, чем у Лавкрафта,
Здесь есть место
Для подвига и для мести.
Наведи свой зум —
Поглядим на звезду
Бетельгейзе вместе,
Мой команданте!

Когда же она взорвётся,
То вспыхнут в небе два солнца!
Потому что таким, как мы,
Одного мало!

2016

НА САУР-МОГИЛЕ

На Саур-Могиле
Опять его убили.
Его убили снова.
Красивого, родного,
С глазами, как у мамки...
Арта. Пехота. Танки.
Как в страшном 43-м,
Уже в другом столетье.
Там, где отцы и деды
Сражались за победу,
Он там же пал, он с ними
Теперь в одной могиле.
На высоте контрольной
Героем стал невольню.
Кругом лишь степь да поле
Да русское раздолье.

Земли нет в мире краше.
В ней спят солдаты наши.

2016

МАНТРА СНАЙПЕРА

Тот, что напротив
сквозь оптику
смотрит на осень.
Зреют колосья
на поле, разъеденном оспой
воронок,
и солнце,
скрипя расколовшейся
осью,
закатится скоро,
на дальних форпостах
сверкнут, будто слёзы,
холодные звёзды,
и ворон,
на пугало сев, прокричит Nevermore.

Никто не вернётся.

Но девушка в хоре
поёт и поёт нам.
И голос высокий
зовёт заглянуть в мир иной,
называемый горним.
А вдруг там ни По нет,
ни Блока, ни Бога,
ни смысла, ни толка!
И мне остаётся
последний патрон
и винтовка
СВ Драгунова,
и тот, что напротив,
и осень,
что входит в меня
через дырочку в горле.

Как небо моей Новороссии
близко, черно и бездонно.
И падают звёзды.
Кому на погоны.
А нам на погосты.

2016

НОВАЯ ЗАРЯ

Душа моя, о чём ты плачешь?
О ком ты плачешь и болишь,
Не веря, что убитый мальчик —
Убийца, нацик и фашист?

Что нет ни правды и ни кривды,
Есть только ярость и покой,
И все забудутся молитвы,
И были порастут быльём.

Колючие степные ветры,
Свидетели ночных атак,
Как прежде, отпоют отпетых
Сорвиголов и забияк,

И ты исчезнешь в тёмной бездне,
Погаснет тонкая свеча.
Зачем же ты слагаешь песни,
Болишь, светла и горяча?
Зачем заранее прощаешь

Всех каинов, проливших кровь?
Так, общей болью причащаясь,
Ты узнаёшь, что есть любовь.

И ею, как щитом, хранима
Вся наша русская земля.
Уходит ночь. Над Третьим Римом
Восходит новая заря.

2017

МОЙ ГОРОД

Какие сны? Какие снятся сны
Тебе, мой город, медленно и верно
Сползающий в распахнутую бездну войны?
Здесь на границе мира и инферно
Мы все обречены.

А может быть, нам нечего терять,
И потому мы искренне беспечны?
Здесь сразу за крылечком — вечность,
Но точки зрения её нам не понять.

А может быть, мы стражи этих мест?
И чтобы не росла воронка ада,
Как часовые мы застыли здесь?
А может быть, мы вечные номады?

Скитальцы, воины, мы сыновья степей,
Апологеты ветра и раздолья.
Всегда в пути. И этот путь к себе.
И потому нигде нам нет покоя.

2019

СТЕПНАЯ ПТИЦА

Мне снятся сны. В них тоже нет покоя.
Врут, будто сон есть маленькая смерть!
Мне снится поле. Это поле боя.
И снится степь.

Мне снятся лица тех, кто с нею слился.
Горел! Пылал. И в миг один остыл.
Душа моя проносится, как птица,
Над разнотравьем полевых могил.

Порою безымянные герои:
Иваны, Сашки, Мишки, имярек
Одной судьбою и одной землёю
Уж связаны навек.

А я? А как же я? Скажите?
Мне остаётся груз моей вины
И память, как небесный Вседержитель,
И эти сны.

2022

РАЗВЕДКА БОЕМ

Эта ночь бесконечна,
Как бездна без дна.
В ней остался навечно
Пожилой старшина,
А сержант изувечен,
Совсем молодой,
Всё качал, будто кречет,
Седой головой.

Эта ночь бесконечна.
Где ходит заря?
Пуля-дура щебечет
Веселей соловья.
Пулемётные гнёзда
Средь застройки жилой.
И уже слишком поздно
Говорить: я живой.

Эта ночь бесконечна.
Средь огня и свинца
Я как русский разведчик
Иду до конца.
Нет лучше разведки:
Дайте больше огня!
Пусть восходит над смертью
Солнце нового дня.

2022



ИГОРЬ КАРАУЛОВ

С холма открывается город Марии:
приморские липы в начале тепла.
Мы только недавно с тобой говорили
про город, откуда Мария ушла.
Мария ушла до начала обстрела,
схватила детей, повязала платок.
Она, получается, чудом успела,
уборку и борщ отложив на потом.
Незримо прошла по предместьям садовым,
едва ощущая сгущение зла,
в то утро, когда обернулся Содомом
тот город, откуда Мария ушла.
Разбитые стены и окна пустые,
обломки бетона, осколки стекла.
Как будто уже не вернётся Мария
в свой ласковый город, сожжённый дотла.
Но разве удержится горе навеки,
когда засинеют сквозь дым небеса
и в море уйдут бородатые греки,
вверяя Марии свои паруса?

Русские убивают русских
в городе и в селе.
Русские открывают русских
в враге и в себе.
«Русское убивает» —
на пачке сигарет.
Русское убывает,
было оно и нет.
Русские — это снова
встать и перебороть.
Русское — это слово,
что обретает плоть.
Если русские немые,
за них поют соловьи.
Русское — это небо,
в котором все свои.

На войне убивают.
Раз, и нету бойца.
А в тылу умирают
просто так, без конца.
От какой-то истомы,
от предвестья беды.
От лимфомы, саркомы —
в общем, от ерунды.
Умирают нагими
на соседской жене.
На войне только гибель,
смерти нет на войне.
Смерть заводится в тёмных
и прохладных местах.
Обитателя комнат
соблазняет в мечтах.
Заползает по-змейски
обречённому в рот.
И бывает, от смерти
убегают на фронт.
Где стальные богини,
огневая страда.
Где зерно, что погибнет,
не умрёт никогда.

Я русский — это значит «рашен»,
и ход событий мне не страшен.
Не унесёт река времён
меня во вражеский полон.
Я смесь кровей из анекдота:
и немец, и поляк, и кто-то
ещё, кого здесь больше нет, —
обычный русский винегрет.
Я думал о себе так много:
и бог, и царь, и шут, и вор.
А оказалось, вот дорога
и вот дорожный разговор.
У нас с собой запасы браги,
мои попутчики — варяги,
бритоголовый Едигей*,
поэт из бывших хиппарей.
И важный чин из Петербурга,
и кандидаты всех наук.
И нас уносит Сивка-Бурка,
переходя на гиперзвук.

* Темник Золотой Орды, предок ряда русских князей.

Скоро войне конец,
скоро придёт отец,
скоро воскреснет мать.
Видно, недолго ждать.

Скоро конец боям,
скоро воскресну сам.
Встану, пойду домой.
Кто тут ещё живой?

Нынче правды в мире стало больше,
и она на нашей стороне.
А французы или, скажем, боши* —
что они поймут в чужой войне?
Наша правда крепнет с каждым залпом,
прорастает в песнях и умах.
Это то, чего не сможет Запад
наскрести в армейских закромах.
То, чем не владеют англосаксы,
исстари народец воровской.
Есть у них лишь фунты или баксы,
правды нет за ними никакой.
Нашей правдой светится в полёте
дружная ракетная семья.
Наша правда бешено молотит
по бетонным норам бандерья.
И пускай ни капли ей не радо
лживое нацистское кубло,
можно жить без Gucci и без Prada,
а без правды будет тяжело.

* Презрительное прозвище немцев во Франции и не только.

Вышли из-за лужи
злые упыри
с дырочкой снаружи,
с дырочкой внутри.

Всем ховаться в погреб
и читать Псалтырь.
Вон идёт их подлый,
главный их упырь.

С дырочкой в макушке,
с дырочкой внизу.
С ним не сладить пушке,
пуле и ножу.

Как глухие стенки,
движутся полки.
Там и упыренки,
и упырюки.

Дух от них мерзотный.
Что же их возьмёт?
Цвет ли папоротный?
Волчий ли помёт?

Жаркая молитва
образу Христа?
Наша с ними битва
будет непроста.

Девушка заплачет,
зарыдает мать.
Так или иначе,
надо побеждать.

Надо через силу,
через смрад и дым.
Надо сквозь могилу
проскользнуть живым.

А не то и сами
станем упыри
с красными глазами,
с дырочкой внутри.

Русская литература, ласковая жена,
в городе Николаеве запрещена.
Разрешены аборт, пытки и кокаин.
Русской литературы нету для украин.
Разрешены «Макдоналдс», Будда и Сатана.
Русская литература нынче запрещена.
В городе Кропивницком, бывший Кировоград,
русской литературе больше никто не рад.
В Екатеринославе, на берегу Днепра,
знать не желают росчерк пушкинского пера.
Прокляли в Конотопе нашу «Войну и мир».
Будете, как в Европе, каждый себе Шекспир.
Видно за океаном пламя от русских книг.
Не дописав романа, празднует Стивен Кинг.
Было в семье три брата, нынче осталось два.
Сами ли виноваты, карма ли такова?
Горькие ли берёзы? Жёсткий ли алфавит?
Карцер для русской прозы будет битком набит.
Но как слеза ребёнка или кислотный тест —
русская запрещёнка стены насквозь проест.

Сегодня убили детей,
убили вчера при обстреле,
и нету других новостей,
а эти давно надоели.
Нам нечем порадовать свет,
всё это неинформативно.
Другой информации нет.
«Убили, убили». Рутинка.
Расстрелянный город Донецк,
Макеевки взрывы и стоны,
и тянутся ленты агентств,
вплетаясь в венок похоронный.

На улице прохладно, как в Эстонии,
над рестораном запах Сакартвело*,
а я стою на стороне Истории,
особенно опасной при обстреле.
Мимо меня просвистывают скорые,
поют певцы дурными голосами.
Я жду тебя на площади Истории,
у памятника, ровно под часами.
Ползут и часовая, и минутная,
давно прошли назначенные сроки.
Меня жалеет публика беспутная,
за столиками попивая соки.
Но ты придёшь, желанная красавица,
и я на миг застыну безъязыко,
когда ты так застенчиво представишься:
«Победа, или можно просто Вика».

* Название Грузии.

Был в Одессе ресторан «Сальери»,
а напротив «Моцарт» был отель.
Оба эти здания сгорели.
Всё сгорело. Город весь сгорел.
Как Одесса оперная пела,
как над морем голос тот летел.
Человечки слеплены из пепла.
Ходят в гости, делают детей.
Не пойми с какого интереса
всё хотят поговорить со мной.
Мне приходят письма из Одессы,
а в конвертах пепел рассыпной.
Там сгорают прежде, чем родиться,
не успев построить, сносят дом.
Кормят по новейшей из традиций
щукой, фаршированной огнём.
Пишут мне: здесь нет и тени ада,
круглый год акация цветёт.
Моцарт не страшится больше яда
и в Сальери целит огнемёт.

«Назовите молодых поэтов», —
попросил товарищ цеховой.
Назову я молодых поэтов:
Моторола, Безлер, Мозговой.

Кто в библиотеках, кто в хинкальных,
а они — поэты на войне.
Актуальные из актуальных
и контемпорарные вполне.

Миномётных стрельб силлаботоника,
рукопашных гибельный верлибр.
Сохранит издательская хроника
самоходных гаубиц калибр.

Кровью добывается в атаке
незатёртых слов боезапас.
Хокку там не пишутся, а танки
Иловайск штурмуют и Парнас.

Не опубликуют в «Новом мире» их,
на «Дебюте» водки не нальют.
Но Эвтерпа* сделалась валькирией
и сошла в окопный неуют.

Дарят ей гвоздики и пионы,
сыплют ей тюльпаны на крыло
молодых поэтов батальоны,
отправляясь в битву за село.

Есть косноязычие приказа,
есть катрены** залповых систем,
есть и смерть — липучая зараза,
в нашем деле главная из тем.

* Муза лирической поэзии и музыки в греческой мифологии.

** Четверостишие, имеющее завершённый смысл.

Жертв и пострадавших больше нет.
Нет на свете жертв и пострадавших.
Нострадамус вышел на обед
и не хочет знать, что будет дальше.
Нас с тобою — целый райский сад
и предновогодняя витрина.
Попугай, отчаянно носат,
говорит: «Всё в жизни повторимо».
Всех родных — бессчётное число —
вывели живыми из подвала.
Ни секунды мимо не прошло.
Ни мгновения не миновало.

Остаются стекло и щебёнка,
испарившейся крови следы.
Остаётся слезинка ребёнка —
неподъёмная капля воды.

Остаётся зелёная палочка,
муравейного братства секрет.
Остаётся азовского парубка
неопознанный труп на земле.

Позабытое заново пройдено.
Что задумался, рыцарь на час?
Не с того начинается Родина?
Но с чего-то же надо начать.

Наконец, остаются Каштанка,
Белый Бим и собака Муму
и сидят у разбитого танка,
вопросительно глядя во тьму.

Война не будет длиться вечно,
конечен счёт её скорбей.
Задумчиво и человечно
ползёт по кухне муравей.
Вот он спустился с ножки стула
и на полу продолжил путь.
Он крана глянцевое дуло
обходит, чтоб не утонуть.
Посмотрим, что у них в пенале:
крупа и сахар, соль и мёд.
Что ожидает нас в финале?
Кто проиграет, чья возьмёт?
Война не будет длиться годы —
и он сквозь щёлочку в окне
выходит в вольный мир природы,
стремясь к покинутой родине.
Песчаный холмик — не могила,
а дом, в котором все свои.
«Приятель, где тебя носило?» —
воскликнут братья-муравьи.
И он расскажет им про доты,
про долгий штурм пчелиных сот,
про стрекозиные налёты
и не стемнит, и не соврёт.
Про то, как он бродил по кухне,
отбившись ночью от полка,
как он мечтал, что мир не рухнет,
а только сдвинется слегка,
лишь понарошку и в уме лишь.
Но муравейника сыны
ему ответят: «Что ты мелешь?
Здесь нет и не было войны».



ИВАН КУПРЕЯНОВ

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

Мёртвые — проще.
Мёртвые — жёстче.
Мёртвые — неба
земного мощи.
Красная площадь!
Красная площадь!
Красная площадь,
эпох помесь,
слушай шаги живых!
Те, кто за нас боролись, —
вспомним сейчас про них.
На современных лицах —
чёрточки чьи видны?
Вот бы кому молиться —
Русским Богам Войны.
Быть им хотелось теми,
кто созидает мир.
Но прочертило время
пулями штрихпунктир.
Мир распрямил пружины,
время проткнув насквозь.
Все ещё были живы.
Всё только началось.
И потянулись роты
с улиц и площадей.
Небо, куда ушло ты?
Небо ушло — в людей.
Небо лежит под Вязьмой.
Небо лежит в Крыму.
Небо упало наземь —
вечный покой ему.
Цифры от века лживы.
Слово — наотмашь бьёт.
Мёртвые и живые —
это один народ.

Сердце стучит, ускóрясь.
Слушай шаги живых!
Те, кто за нас боролись, —
что мы теперь для них?
Те, кто за нас погибли,
были живее нас —
это они могли бы
бросить в лицо сейчас.
Что же вы, скажут, братцы,
выбрали путь не тот?
Кто тут в неполных двадцать
не для себя живёт?
Кто оторваться сможет
от телефона, ну?!
Кто тут готов под кожу
взять — и впустить войну?
Чтобы еды не стало,
чтобы кусали вши,
чтобы кусок металла
вырвал кусок души?
Что назовётся Русью —
памятник под горой?
Если живые струсят —
мёртвые встанут в строй.
Знамя Победы вскинут,
неба закатный шёлк.
Будет из Рая вынут
снова Бессмертный Полк.
Между мирами — прорезь.
Сердце стучит под дых.
Те, кто за нас боролись, —
не забывайте их.

15.04.2015

Река застыла. Стала
Вроде битума.
Куски кварталов города разбитого
Слепила воедино кое-как.
Не видно ни прохожих, ни зевак —
Одни собаки. Да и тех немного.
Какие-то идут почти не в ногу.
У некоторых просто нету ног,
У этих — нет голов,
У этих — бок
Отсутствует.
И сквозь дыру видны
Деревья, небо, выбитые окна.
Идут своей дорогой пацаны.
У этого из живота осока
Растёт. А у кого-то клён.
А тот чему-то очень удивлён —
Улыбка до ушей, и для неё,
Похоже, постаралось вороньё...
Они идут из пункта А в пункт Б.
Наверно, по чьему-нибудь приказу
Все вместе возвращаются на базу —
А может быть, и сами по себе.
А может быть, они не знают даже,
Куда идут, какой излом в пейзаже —
Последний.
Да иди уже,
Иди.
Ни тьмы, ни света —
Дождик впереди.

20.04.2014

На праздничном торте ландшафты милей,
чем на запеканке Карпаты.
Здесь чешут бугристую кожу полей
копателей серых лопаты.
Крошится глазурь ледовитая — хрусь!
Детинец мерещится, Кремль,
когда поднимается Древняя Русь
из толщи лилового крема.
Берёзовый дым кособоких хибар
и банные сочные девки.
Копатели свой собирают хабар,
колышется знамя на древке.
Имбирные всадники едут в закат
в иной, не кондитерской неге.
И каменный бог шоколадки «Киткат»,
и половцы, и печенеги.
Где Д. Мережковский увидел свинью,
где чудилась Блоку невеста,
реальную сущность скрывает свою
изнанка слоёного теста.
Стряхнуть этот сахарный морок нельзя,
копатели роют траншеи.
И ласково режут друг другу князя
съедобные сдобные шеи.
И я понимаю про грозную Русь:
мы любим её не за ту лишь
секунду, в которую сладкое кусь.
И свечки горят — не задуешь.

29.04.2020

Ты зубы не скаль, упрекая
в старушечьем скрипе жильё.
Россия, товарищ, такая,
какой ты услышишь её.
Что мусорный шелест с экрана?
Что цац каблучков антрацит?
Закатного неба мембрана
над полем вспотелым гудит...
Растянуто лает собака,
как будто бы из-под воды.
Видать, награждают баскака
медалью за взятие мзды.
Россия, товарищ, такая.
Такая, но это не всё.
Беззубый баскак, обтекаая,
поймёт: и ему хоросё.
А ты лучше думай о лесе,
он звонок, рождественски бел.
И вспомни военные песни,
которые дедушка пел.

30.08.2020

Помолитесь за наших ребят, защищающих мир.
Пусть поддержку родного народа почувствует воин.
На любом языке, на морозе, в уюте квартир —
Помолитесь за наших. Подумайте, каково им.

Восемь лет непрерывно, мучительно тянется бой.
День сегодняшней — страшная плата за сёла Донбасса.
Но российский солдат — не про груды руин за собой.
Помолитесь простыми словами для сложного часа.

Пусть живыми останутся, Господи Боже Ты мой!
Пуля мимо пройдёт, и осколок шальной отклонится.
Дай им, Господи Боже, живыми вернуться домой.
Помолитесь за них — даже те, кто забыл, как молиться.

26.02.2022

В генах скрыто много памяти —
Словно подо льдом весна.
Мы сегодня просыпаемся
От навязанного сна.

Кто я? Для чего я? Где же я?
Что случится и когда?
Для тревожных, для изнеженных
Это страшная беда.

Но проснувшись действительно —
Строить мир. Хороший. Свой.
Мы — потомки победителей.
Мы прорвёмся. Не впервой.

27.02.2022

Мы должны стать семьёй. Вы ведь помните, что это значит?
«Помогать» — это главное слово на годы вперёд.
Это значит — любовь. Не к себе, но к другим. А иначе
Из грядущих веков будет выжжен российский народ.

Столько беженцев! Вещи сейчас им нужны и лекарства —
Так давайте поможем, у нас ведь достаточно есть.
Помоги — и зови помогать. И не надо бояться.
Ты критически нужен другому сегодня и здесь.

Помогай. Помогай. Помогай. Чтобы это входило
Постоянно в привычку. И завтра помогут тебе.
Кровь России течёт. Я прошу — дай нам, Господи, силы
Стать единой семьёй в нашей будущей общей судьбе.

01.03.2022

Стирали нам память, стирали —
Но Космос-то не проведёшь.
Что время идёт по спирали,
Придётся понять, хошь не хошь.

Сегодня не фюрер, а НАТО,
Но суть не меняется тут —
И русское солнце солдаты
На запад по новой несут.

Не зная ни сна, ни покоя,
В священный отправились путь.
А в древних легендах такое
Богам приходилось тянуть.

Иначе не будет рассвета,
Но хаос блудливый и мрак —
И втиснуть детей наших в гетто
Придёт позаботиться враг.

Так, значит, работайте, братья!
По силам вам солнечный вес.
Россия — страна благодати,
А русские — воля Небес!

06.08.2022

«Ну, кто кого?» — вопрос не рыночный,
А настоящий, сокровенный.
Жар-птица против Змей Горыныча —
Не Бэтмен против Супермена.

Горячий спор про день про завтрашний
Не начинать мы не могли бы —
И говорим с врагом зарвавшимся
Певучим языком «Калибра».

За новизну и за традиции,
За внуков и за внуков внуков:
Даём реальный шанс родиться им,
Нациста на корню пристукнув.

Сто лет спустя не будут редкими
Как наши — только лучше — лица.
Для лучших нас мы будем предками —
Так пусть им будет кем гордиться!

Нужны сейчас такие доводы,
Чтобы крошились дотов стены.
Уж после, в мире, люди новые
Придут на Землю непременно.

Жуковский новый, новый Туполев,
Гагарин в дымке серебристой...
Из космопорта в Мариуполе
На Марс отправятся туристы...

Тела-то станут снытью, щавелем —
Но дух иному заповедан.
Борьба за жизнь по нашим правилам
Возможна только до Победы!

07.08.2022



МАРК ЛЕШКЕВИЧ

Я верю цыганке: моё место в могиле.
Ой-на-на съела лето и съест Новый год.
Давай начнём жить, пока нас отменили.
Сыграем в Чапаева? Чур, я за народ.

Будешь стрелять и будешь любимым.
Новый Овидий. Искусство пожёстче.
Я верю Богам, что руки умыли.
То — моя доля. Я — обманутый дольщик.

Я верю другим, что про тебя болтали,
Как ты раздавала, коль щедро просили.
Да как тут не дать, когда такие дали?
Дай же мне руку, моя Россия.

30 июня 2022 года

Соберём дрова — наломаем дров.
Мы всё чаще целуем вдов,
Шерим донаты на смерть врагов
И крестимся как попало.

Вот был узбек — значит, будет плов.
Был Очаков — будет и кровь, и ров.
Значит, у нас то была любовь
У котлована.

Щепки отныне — основа основ.
Кто бледен, как рис, тот всегда готов.
Мы теряем друг друга под тенью крестов.
И это для жизни уже немало.

24 июля 2022 года



НАТАЛЬЯ МАКЕЕВА

КИЕВСКИЙ ВОКЗАЛ

Давай пойдём на Киевский вокзал,
С которого нам в Киев не уехать...
Мне кое-кто сегодня рассказал,
И смысла нет держать в большом секрете,

Что Киев — наш, осталось только взять,
Что нас там ждут с надеждой и тревогой.
С надеждою на вежливую рать,
Тревогою, что ждать придётся долго.

Прекрасный, бесконечно русский град
Под властью обезумевшего сброда.
И кто теперь доволен, кто же рад,
Что обернулась бойнею свобода?!

Да, мы придём, как много лет назад —
Под ветра вой и шорохи лесные,
Ведь тысячи и тысячи солдат
Приказа ждут отправиться на Киев.

На Киевском вокзале, как всегда,
Лишь постоим мы у табло большого.
Не наши уезжают поезда.
Но... подождём немного. Наши — скоро!

НА БЛОКПОСТАХ

На блокпостах — сиянье горних крыл
И крепкий чай, белёсый от сгущёнки.
Следы в седой теряются позёмке,
И каждый след по-своему простыл.

Тревожный взгляд, неспешный разговор
Под дальний «шум» и шорохи степные.
Там ходит кто или метнулись крылья
И унеслись за старый террикон?

— Кто здесь? — Да тут стоял один,
Он родом, говорят, из Краснодона.
Пришёл в чём был, отпет по позывному...
Вон за пригорком несколько могил.

А землю укрывает снегопад,
И белые куда-то едут фуры.
Продрогшие крылатые фигуры
На блокпостах заснеженных стоят.

ЖЕНЩИНЫ

Кому-то этого никогда не понять —
Этих женщин в пустынном военном городе.
В подвалах, в очередях за водой.
Здесь остающихся, выживающих впроголодь.

Здесь отличающих входящий от исходящего,
Детей рожающих под обстрелами...
А вы видели, как шутят, смеются они
И себя не считают особо смелыми —

«Это наш город, мы никуда не уйдём.
Пусть эти уходят, мы их не звали!»
Дети собирают осколки в саду
И учат уроки при свете свечи в подвале.

И пока штурмуют границу толпы желающих выехать,
Прочь бегущих с когда-то родных земель,
Вчерашняя школьница с чертами иконописными,
Неумело крестясь, закрывает собой колыбель.

ВЛАД МАЛЕНКО

ВОЙНА И МЫ

Загорелся волшебный терем.
Затянуло нас в пелену.
Мы — солдаты. Мы свято верим,
Что под вечер убьём войну.

Мы ползём в чернозёме горьком.
Мы убиты по многу раз.
Жаль, что клоуны за пригорком
Проклинают в спектаклях нас.

Мы приникли к июльской мяте.
И любовь изо рта течёт.
Нам Господь говорит: «Стреляйте!»
«Не стреляйте», — смеётся чёрт.

И предательство за забором
Надевает на совесть грим.
Не дано понимать актёрам,
Что мы их от беды храним.

Нас считают нулями в смете.
Нами ночь наполняет ров.
Если б не было нашей смерти,
Превратилась бы клюква в кровь.

Непогашенные окурки
Продырявили лунный сыр...
Нет фальшивее драматурга,
Чем война под эмблемой «мир»...

Эй, актёры! Сыграть смогли бы
Сценку боя длиною в час?
Если б мы не убили гибель,
Эта гибель убила б вас.

Тьма качнётся над нами, свет ли?
Нами мир поутру зачат.
Мы машинное масло в петлях
Маем пахнувших райских врат.

22 ИЮНЯ

Заговорю тебя на четыре года.
Напишу на спине своё имя йодом.
Это смерть далеко,
а я близко-близко.
Ты не бойся осколка и василиска.

Пусть под ржевским дождём заржавеет пуля.
Пусть ослепнет снайпер Георг в июле.
Мессершмитт поцелуется пусть с утёсом.
Захлебнётся косая своим покосом.

Ты уйдёшь, я к Николе поставлю фото.
И Манштейна навек прошибёт икота.
Ты уйдёшь, я в больничку пойду к Матроне.
И немецкая рота в Днестре утонет.

Я не ведаю слов о любви высоких,
Но я слышу, как плачет журавль в осоке.
Отольются врагам журавлёвы слёзки.
Пусть невесты на свадьбу им дарят доски.

Как лежала в поле одна дорога.
Да летала душа над ней от порога.
Не боялась остаться она без Света,
Потому что по-русски была бессмертна.

КАТЮША

Там, где косогоры
отутюжив,
Мы врагов прогнали
наконец,
Выходила на берег Катюша:
Посмотреть на Северский Донец.

Выходила,
песню заводила
Про степного сизого орла
И про то, как вновь
Саур-Могила
флагами Победы
расцвела.

Ой ты, песня девушки советской,
Ты лети за ясным солнцем вслед:
И бойцу из города Донецка
От Катюши передай привет!

Стихнут к сентябрю раскаты грома.
Наш герой вернётся в отчий дом.
И тогда на улице Артёма
Мы на свадьбе Катиной
споем:

«Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой.
Выходила на берег Катюша,
На высокий берег на крутой».

МАРИУПОЛЬ
(Город Марии)

Вдоль дороги чёрно-белая трава.
Мариуполь ампутировал слова.
Над скелетами дельфинов и коров
Дым сгоревших и невысказанных слов.

Забывая о стахановском труде,
Ходят павшие по крашеной воде.
Греки древние смеются из кулис:
«Жили в Жданове, но вот и дождались!»

По проспекту Metallургов демиург,
Едет время — самый страшный драматург.
И вгрызаясь в неизвестности базальт,
Протыкает время спицами асфальт.

Этот грипп перенесли мы на ногах:
Солнце скушал аллигатор-олигарх.
Перешёл к нему советский комбинат,
А теперь вот превратился в сущий ад.

Восемь лет гулял здесь натовский капрал,
Лучших девочек-подростков выбирал.
Мы молчали. Мы свободой дорожим:
Не советский же, не сталинский режим!

Домолчались,
дождались себе назло.
Солнце выпало из пасти,
всех сожгло.
Как заметил справедливо брат Ахмед:
«Русский русскому отрезал общий свет!»

Крокодила перерезана губа.
Кол осиновый из гроба,
где труба.
Над Азовом небо в ранах ножевых.
Из подвала вышло несколько живых.

Вышел мальчик окровавленный в летах,
Вышла женщина красивая в бинтах.
И ответ её меня опередил:
«Не приполз бы нынче новый крокодил...»

Пусть свободой зазвенит во все звонки
Мариуполь — город Маши без руки!
Смерть убита. Обозначен новый путь.
Нам Марию бы теперь не обмануть.

Пацифист —
это тот, кто растит войну на своём подоконнике.
Это секта такая,
И в ней, по сути, войны поклонники.
Это те, кто уверен,
что можно нырнуть
в воде гореть.
Им бы крестик снять,
А трусы, наконец, надеть...

И когда Израиль херачит по Палестине,
У пацифистов качаются люстры в гостиных.
И они выбегают из дома поплакать к сливам
И хотят вернуться
в Барвиху из Тель-Авива...

Без войны никогда,
брат, мира и не бывает.
Кто не любит войну,
тот идёт
и войну убивает.
Но поймут ли
когда-нибудь
все смельчаки-артисты —
В 45-м мир
сотворили не пацифисты!

Раз, два, три, четыре...
Товарищи!
Господа!
Я за мир во всём мире!
Но пусть лишь
пройдёт беда.

А кому и эти слова
мои нипочём,
Пусть закروют
глаза и увидят Христа с бичом.

Вчера мы заехали с
Ромкой и Глебом
«За ленточку»,
как говорят.
Читали стихи под контуженным небом
Для самых весёлых ребят.

Архангелы сверху гудели спросонья,
Как поздний Высоцкий с кассет.
У Родины были бинты
на ладонях,
Но нам она хлопала вслед.

И там оставалась,
на пыльном Донбассе,
А мы с бэтээров на бал
Теперь возвратились к московской пластмассе,
Гордясь, что никто
не зассал.

И Ромка коньяк закусил шоколадкой,
И спорили мы про ковид.
У всех же саднит
и саднит под лопаткой,
Потерянным раем болит.

Небо птицами
больно режется,
Как ножом.
Царь Небесный был
тоже беженцем
И бомжом...

Все мы беженцы
В жизни временной.
Посмотри:
Шар земной,
Как живот
беременной —
Нефть внутри.

Поле серое.
Небо синее.
Сын в руках.
Те же земли:
Египет, Сирия.
Тот же страх.

Взрывом
солнечным
покалеченный
Спит восток.
Мы сбегает
На небо вечное
Точно в срок.

Бог с гвоздями
в руках
для Запада —
первый враг.
«Пусть висит он
в России лапотной.
Там же мрак.

Дикий ветер
там, нам неведомый,
И медведь!» —
Бывший ангел
Так проповедовал.
Блогер ведь.

Разродится
война погостами
В наши дни.
Что за время
приходит?
Господи!
Намекни!

Все мы беженцы
Неумелые.
Все мы голь.
Ждут нас в небе
Кибитки белые,
Хлеб да соль.

Арамейский глагол
По-пушкински
Жжёт сердца.
Пётр с Андреем
Иисуса слушают
Без конца.

«Я — Россия,
На эти пажити
Вывел вас.
Но ведь вы от меня
откажетесь
В чёрный час.

Накидает за то
полушки вам
Мелкий бес.
Я — Россия,
Земля Царь-Пушкина,
Соль небес!»

И шумит у любви
под окнами
Божий сад.
Пётр с Андреем
Глазами мокрыми
В нём блестят.

Вбей, малыш,
в переводчик
«Яндекса»
Стих простой:
«Я вернусь.
Человече,
радуйся!
Бог с тобой».

За столетие до финала,
Заглянув в ледяную даль,
Человечество закопало
Данный Богом ему рояль.

Вместо масок надев улыбки
И привычно бродя по дну,
Мы посыпали пеплом скрипки,
Но молитву твердим одну:

Обесточь уже пилораму
И туманом зашторь простор!
Мир так хочет обратно в маму,
В золотистый свой физраствор.

Чтоб размокнуть травую в чане,
Соскоблив всех догадок блеск.
Чтоб не слово, а лишь урчанье
Или только от вёсел плеск.

Он весны исчерпал запасы,
Наш до-после-военный мир.
И оплыл, как кусок пластмассы,
Цифровой потребляя жир.

Превратили мы в камни ноты,
Разбросали их по земле.
И спасаемся от икоты,
Завершая парад-алле.

Только, Господи, скоро-скоро,
Обожжённый твоей весной,
Я уйду, я сбегу из хора,
Чтобы голос подать иной:

Мой единственный композитор —
Ветер, ветер! Гуляй, реви!
Я прильну к тебе, так чтоб свитер
Загорелся вдруг от любви

На московском асфальте прямо,
В переулках среди колец.
Чтобы вновь волноваться, мама,
Отдаляя любой конец.

Земному шару
напекло висок.
Располагался рай
наискосок.
Скучал в нём
по России
каждый третий
В семи десятках
световых столетий.
Там время продолжал небесный царь
У звёздочки
по имени Мицар,
Как гениальный врач
за занавеской,
И спорили Сенека с Достоевским,
И были пальцы
в поцелуях пчёл.
А здесь смертельный бой
уж час как шёл:
Со срезанным лицом наполовину
Сержант упал в божественную глину,

Хлеб Родины своей
подняв с земли.
И вдруг увидел
страшное вдали:
Нас будущих,
расслабленных,
как травы,
Обильно
существующих
без славы,
в отдельно
подзаряженном гробу
С предсказанными
цифрами на лбу.
Сержант Смирнов
смотрел на это дело
И удивлённо
презирал печаль,
А рядом с ним
Мария песню пела,
качаясь, как солдатская медаль.

Весна стоит в пальто коротком
И утешает как умеет.
Не привыкай к военным сводкам,
А то душа окоченеет.

Не привыкай смотреть на карты,
Не то покроешься коростой.
Кто это время нам накаркал?
Чужой, нездешний ворон пёстрый.

Хочу, как мальчик, взять рогатку
И победить в лесу волчицу.
К щеке часов прижали ватку,
Из цифры восемь кровь сочится.

Луна на Пасху ляжет решкой,
И смерть не выйдет на работу.
Москвичка в утренней кафешке!
Не привыкай к донецким фото.

Не то тебя железом тронет,
Не в Волновахе, на Волхонке.
Ты слышишь, это время стонет
В обычной радиokolонке!

Отныне в церкви на Таганской
Россия будет ставить свечку
Блаженной бабушке луганской,
Не взявшей у фашиста гречку.

А Горбачёву
все эти тридцать лет
Каждую ночь снится звон тридцати монет,
И за Берлинской стеной Гефсиманский сад,
Платья его жены на ветвях висят...

Ходит по саду юродивый в поздний час.
Снова к нему Горбачёв: «Помолись за нас!»
Плачет блаженный у мокрых могильных плит.
Шепчет в ответ:
«Богородица не велит...»

А на могильных плитах следы времён
И миллион миллионов живых имён —
Тех, кто погиб,
тех, кто не был рождён,
а мог,
Если б другого правителя дал нам Бог.

Но Горбачёв не Иуда, ему ль грустить?
Он оправдал себя, он будет вечно жить!
Пиццей отравленной паству кормить с руки.
Войн и конфликтов всё праздновать огоньки!

Он не Адольф, не Борис, не какой-то Буш!
Первой-последней леди советской муж!
Всем Карабахам-Донецкам — физкульт-привет!
В Мюнхене Русью не пахнет и Бога нет.

Носи как маленькую икону,
Смотрящую сквозь века,
Медаль на ленте
«ЗА ОБОРОНУ
РУССКОГО ЯЗЫКА».

И кто б ни значился на обложке,
Упасть не старайся ниц.
Корми кириллицей
с чайной ложки
Детей и поющих птиц.

Пусть припадают к бортам моллюски,
Услышав чужую речь.
А в плен возьмут —
ты молчи по-русски,
Чтоб шапки врагов поджечь.

Пусть время колетя
злей и горше,
Теперь до Победы стой
За Дальний Восток!
За Донецк!
За Оршу!
За русский язык родной!

А из радиоточки
Только сырость и грусть.
«Капитанскую дочку»
Надо знать наизусть.

Чтоб весны фонограмма
Дотекала до рук.
Там, где Пушкин и мама,
Там и Родины звук.

Так, про что эта повесть?
Растолкуй же ты мне!
Про любовь, и про совесть,
И про службу стране.

Мы за прошлое платим
И радеем, дружок,
Кто за честь, кто за платье,
Кто за лучший денёк.

Наши страшные ссоры
Завершит этот год,
А заморскому вору
Скоро срок свой придёт.

Ярче солнечной стружки,
Что горит без конца,
Лишь Россия и Пушкин,
Да могила отца.

ВРЕМЕННО УЕХАВШИЕ
(басня)

Лейтенант-пограничник открыл калитку
И глядит на бегущую прочь элитку:

Прошмыгнули два голубых паяца.
«Нам, — говорят, — совесть не позволяет остаться!»
Пристроиться к ним норовит
Блогер с плакатиком «Стыд!»,
Актриса в наряде парчовом
В образе жены Горбачёва
И две пацифистки-нимфетки,
Которым срочно нужны таблетки.

Давятся они утром на взморье повидлом,
Всех, кто в России, считают быдлом.
Но следят внимательно за новостями:
«Что же творится там в русской избушке?»
И поверьте, скоро
вернутся и вас растолкают локтями,
Чтобы снова пробиться к кормушке.

По окончании истерики элитка
снова будет мелькать на телике
И вопить: «Как нам всё это обрыдло!
Особенно
русское быдло!»

А может, смести их каналы и паблики?
Паяцы стоят у станков пусть на фабрике!
Блогер стыдливый картошку копает!
Актриса детей на коняшках катает!

А утром на телике
Катается Электроник на велике...

Запад с Востоком садятся за общий стол.
Молодая кровь между ними в хрустальной чаше.
Запад: секс, наркотики, рок-н-ролл.
Восток: это не наше.

А в ногах у них жила нефти и море слёз,
И собака из фильма Тарковского вдруг рычит.
Запад: теперь футбол,
там, где был Христос.
Восток молчит.

Города — это мир парикмахерских и аптек.
А в степи только ветер и сверху звезда пасётся.
Запад: мужчина + женщина — прошлый век.
Восток смеётся.

Между ними в солдатской фляге запас воды.
И поэт непонятный страну называет Тройка.
Запад стар, но под маской выглядит молодым.
Восток на руке может
сделать стойку.

Ты закрыл глаза и считаешь до двадцати,
Вспоминаешь о детстве советском своём далёком.
Но ведь это война,
мой милый, как ни крути.
Хоть мы все за мир между западом и востоком.

ДОНЕЦК-2014

Я — Донецк.
На дне реки
терновый венец.

Один шахтёр
Увидел во сне
Петра с ключами
От райской шахты.
И отошёл
от житейской вахты.

Я — Донецк.
Город-вдовец.
Отец
с рваными лёгкими.
Я люблюсь вами,
Москвичами далёкими,
Добрыми,
Прыткими,
Имеющими
повадки актёров...
Когда-то вы мне посылали открытки,
Поздравляли
Родственников-шахтёров...

Теперь приезжайте,
Потрогайте
щёки домов,
Посмотрите
на шахтёров-
Волхвов
с чёрным камнем
даров,
Покурите мной
на проспекте Артёма.
Но вот эти
серые ангелы
Со львовского аэродрома...
Они хотят есть донецкую пыль
на ужин?

Я им нужен,
как нужна Румыния
Вашингтону...
Они хотят повесить мою икону
В европейском музее
для новых перформансов
Вверх ногами,
Чтобы делать из моей души
Оригами?
Пусть тогда своей смертью
кормятся
Через кляксы
Французских комиксов
Эти мелкие бесы.
А
Хотите секрет открою?
Старики мне
вчера передали
Сорванную
с платья Одессы
звезду героя...

Я не принял.
Не надел на робу.
Пусть ожидает
Конца хворобы
В заводском сейфе.
Эй, Москва,
Давай
Сделаем с тобой
Селфи!
Новая жизнь
Пьёт весну
Из шахтёрской каски.
Третий год я, кажись,
На посту без Пасхи.

Я — Донецк.
И это начало,
а не конец.

РЖЕВ

Посвящаю своему отцу Валерию Васильевичу Маленко

Мы весной поднимаемся в полный рост,
Головами касаясь горячих звёзд.
И сражаемся снова с кромешной тьмой,
Чтобы птицы вернулись сквозь нас домой.

Чтобы солнце вставало в заветный час,
Чтоб вращалась, потомки, Земля для вас.
Чтобы траву обдували ветров винты,
Чтоб из наших шинелей росли цветы.

Мы теперь — земляника на тех холмах,
Мы — косые дожди и ручьи во рвах.
Наших писем обрывки, как те скворцы.
Мы — медовые травы в следах пыльцы.

Нас в болотах небес не один миллион.
И в кармане у каждого медальон.
Это зёрна весны.
Это горя край.
Сорок пятый
настырный пасхальный май.

Вася, Паша,
Серёжа, Егор, Рашид...
Среднерусской равнины пейзаж расшит
Нами, в землю упавшими на бегу...
В небеса мы завёрнуты,
как в фольгу.

Вам труднее, потомки, в засаде дней.
Наша битва с врагами была честней.
Мы закрасили кровью колосья ржи,
А на вас проливаются реки лжи.

Мы умели в атаке и песни петь,
Вас, как рыбу, теперь заманили в сеть.
И у нас на троих был один кисет,
Вам же «умники» в спины смеются вслед.

Нам в советской шинели являлся Бог,
Наши братские кладбища — как упрёк.
Вас почти что отрезали от корней!
Вам труднее, наши правнуки, вам трудней!

Мы носили за пазухой красный флаг,
Был у нас Талалихин,
Чуйков,
Ковпак!
И таких миллион ещё сыновей!
Вам труднее, прекрасные, вам трудней!

Произносим молитву мы нараспев:
«Пусть приедет последний из нас во Ржев,
Чтоб вспорхнули с полей журавли, трубя,
Чтоб, столетний, увидел он сам себя!

Молодым, неженатым, глядящим вверх,
В сорок третьем оставшимся здесь навек,
Чем-то красным покрашенный, как снегирь,
Написавшим невесте письмо в Сибирь».

Не кричите про Родину и любовь.
Сорок пятый когда-нибудь будет вновь.
С головы своей снимет планета шлем.
Вот и всё.
Дальше сами.
Спасибо всем.

ДМИТРИЙ МЕЛЬНИКОВ

КЕНОТАФ НА ПЛОЩАДИ ПОБЕДЫ

I

Я видел Гераклита — он спал на земле, он спал,
обняв рукой автомат, бряцающий, как кимвал,
Я видел Гераклита — он спал на земле, ничей,
и ползал снег по нему наподобие белых вшей,
и мирная жизнь приходила к нему во сне;
война лежит в основе всего, но только не на войне.

Корни в земле пускающий, как женьшень,
Гераклит говорит, что сердце моё мишень,
Гераклит говорит, что сердце моё лишь цель...
для бессмертной любви, и оно превратится в цвель,
в дым, бетонный пролёт, ржавый чугунный прикид,
в мост и звезду над ним,
которая говорит.

II

В краматории, в крематории
на пригорках горят цикории,
словно венчик природного газа,
голубого русского глаза.

В краматории, в крематории
на дорогах потёки крови, и
вылезают из-под руки
бледно-розовые кишки,

и клюёт некормленный петел
человеческий жирный пепел,
это, мамочка, ничего,
это братское торжество,

что заходит над детским садом
самолёттик, смазанный салом,
и глаза с голубым оскалом
эуропэйские у него.

III

Молодому лётчику нынче снится,
как он нижним фронтом бросает ФАБы,
в воздухе летят, запрокинув лица,
дети нарисованные и бабы.

Вот ещё одна голова взлетела,
поглядела глазом пустым в кабину.
«Что же ты наделал, — прошелестела, —
как же не узнал ты родного сына?»

Спрятался я, папа, в кусты картопли,
потому что я маленький и глупый,
мама надо мной испускает вопли,
видишь, как у мамы дёргаются губы?

Но зато теперь не пойду я в школу,
поднимусь по лесенке в свет кромешный,
помни своего сыночка Миколу,
приноси мне камешки и черешни».

Лётчик спит, и свет ползёт к изголовью,
аки тать, и нет никого,
в небесах, объятых огнём и кровью,
лесенка стоит для него.

IV

В гору поднимается душа без изъяна,
перед нею Пётр в чинах эцилоппа.
«Я жена взрывателя, — говорит мембрана, —
в бежецком котле за пучком укропа
варятся мои промокшие берцы,
жёлтая мабута, покрытая солью,
будь так добр, апостол, подай мне смерти,
я свои грехи искупила кровью,
что же ты глядишь на меня, улыбаясь,
где моя желанная смерть вторая?»

Пётр, гремя ключами от гравицапы,
рукавом космического хитона
отирает лицо от кровавого крапа
чуть живой души, из ларингофона
сквозь помехи доносится голос Бога:
«Всё в порядке, Камень, не медли, трогай».

V

Солдат удачи и ко начинает сезон продаж
внутренних органов: печень, кишки, купаж
из костей и нервов — хотите невров?

Мальчика на запчасти? — Всё равно он теперь ничей.

Мистер Шмайден торгует мышцами палачей,
вагинами малолеток... Надоело жить по старинке? —
купи себе новые лёгкие и учись играть на волынке.
Покупайте оптом, дешевле, почти что даром —
мы теперь всегда с ликвидным товаром!..

Они сыграют ему «Янки Дудль» напоследок,
они приспустят флаг над лужайкой жёлтого дома,
звук на миг зависнет над стайкой рабов и деток,
над могилой папочки-дуролома,
важный пастор скажет — не время пустых речей,
разбирайте беднягу Шмайдена — он ничей...

Яблоки в саду на земле, полумрак, холод,
нас несёт в неизвестность, нас окружает бедность,
и неважно, какой это год и какой город,
ибо ты излучаешь свет и моя нежность

спрятана глубоко в тебе,
спрятана глубоко в тебе,
как янтарь в кембрийской сосне,
как бабочка в тишине,
как солдат, летящий во тьме
в пылающем вертолёте.

VI

Вертолёт — души убитых танков,
чьи глаза забиты кровью и глиной, —
словно чуя свой же мертвецкий запах,
долго кружат над сонной ложиной,

ничего не видя на экранах прицелов,
что случилось, толком не понимая,
огненное небо на новое тело,
как бушлат прожаренный, примеряя,

а потом уходят в сторону света,
и мне улыбаются их пилоты.
Жаль, я не узнаю, зачем всё это,
кем потом становятся вертолёт.

VII

В поле дует суховей.
Выйдешь с древняя иконы
Богородице своей
бить о дождике поклоны.

Вот такие наши дни,
вот такое наше лето,
снова человек войны
обернулся вспышкой света,
снова человек труда,
чтоб мы жили, как в европах,
не вернётся никогда
из оплывшего окопа,
из размытого весной,
точно горькими слезами,
ну давай, пойдём со мной
в гости к украинской маме,
ничего не скажем ей,
ткнувшись в старые колени, —
матери своих детей
ищут по долине тени,
только те в ответ молчат,
кто на русском, кто на мове,
изувеченные, спят
в чёрных лужах общей крови.

VIII

Злонамеренных мёртвых прошу подавать свой голос
 на листочках без подписи,
 тех, кто погиб в Афгане
 или Чечне, — на бурых, залитых кровью,
 малолеток, сгоревших на киче,
 прошу прилагать уголь,
 старый полкан Хоттабыч,
 спаливший детей бензином, и ты,
 свинорылый кум Маргарин,
 в твоих глазах, голубых, как медбатская грелка,
 однажды мелькнула жалость, ну вот,
 приложи один глаз вместо вотивной таблички,
 он пойдёт за двоих, ты всегда был пьян, а ещё —
 кто там стоит в отдалении, тихо воя?
 Девочка кладёт голову на плечо
 тощей старухе, зачем они снова плачут?
 Нет, это всё ни к чему, мирняк расстрелянный — мимо,
 им нельзя давать голос, их слишком много,
 они должны быть в раю... Итак, у меня вопрос:
 остаёмся мы здесь, товарищи, или
 ищем себе новые воплощенья
 и приносим в мир ещё более благочестья?
 Ад готов нас принять, но у меня в руке
 пара носков шерстяных, их связала мне бабка,
 слепая, как крот, наощупь, теперь это что-то,
 вроде монгольской пайзцы, пропуск на путь обратный,
 в мир, где цветёт черёмуха и на болоте
 вереск дрожит и так тихо, что слышно,
 как ворон, крылом рассекающий воздух,
 летит, летит, летит... но о чём это я, голосуйте
 или за новую жизнь, или за ту, что привычна,
 с жаром, котлами и прочими ништяками.

IX

Вата переходит в дым,
в дым над белой хатой,
улыбаются живым
дети и солдаты.

Как инверсионный след,
как в груди осколок,
вата переходит в свет,
переходит в холод.

Улетает налегке,
дарит нам прощенье,
лишь у девочки в руке
красное печенье.

Тебе дадут посмертно орден.
Господь решит, что ты пригоден
для освящения даров.
Ты станешь молод и здоров.
Получишь новую работу.
Получишь ангелов до взвода.
В буквальном смысле — небожитель,
ты вспомнишь каждого из них,
и вы над степью полетите
прикрыть оставшихся в живых.
Вот так, непостижимо просто,
ты стал космического роста,
стал к вечному причислен дому
и равен русским небесам.
А кто ты там по позывному,
допустим, Гиви или Корса,
или зовёшься по-другому,
Господь, конечно, знает сам.

Это свет на холме, это дом мой в огне,
это время прицелилось в голову мне,
грязный палец кладёт на крючок спусковой,
ну давай уже, плёвое дело,
только пуля уходит опять по кривой
и вонзается в детское тело.
Снова женщины будут осколки считать
на красивых своих огородах.
Снова в мазанке чья-то закинется мать,
и за гробом немало народу
по сухому степному погосту пройдёт
положить меня в чёрную яму.
Это время мне в сердце без промаха бьёт,
это я там напудренный, мама,
мальчик, девочка, женщина или старик,
или ты — не имеет значенья.
Бьёт над степью донецкой кровавый родник
и живых призывает к отмщенью.

16 октября 2018 года

С утра снаряд прошивает дом,
убивает отца и мать,
теперь я один проживаю в нём,
спрятавшись под кровать.
У кошки кровью сочится глаз,
сгорела шерсть на лице,
но снова наводчик, не торопясь,
подкручивает прицел,
и снова флажок поднимает палач,
и новый летит снаряд,
не бойся, котя, не плачь, не плачь,
им за нас отомстят.

Напиши мне потом, как живому, письмо,
но про счастье пиши, не про горе.
Напиши мне о том, что ты видишь в окно
бесконечное синее море,

что по морю по синему лодка плывёт,
серебристым уловом богата,
что над ним распротёрся космический флот —
снежно-белая русская вата.

Я ломал это время руками, как сталь,
целовал его в чёрные губы,
напиши про любовь, не пиши про печаль,
напиши, что я взял Мариуполь.

Напиши: «Я тебя никому не отдам,
милый мой, мы увидимся вскоре».
Я не умер, я сплю, и к моим сапогам
подступает Азовское море.

31 марта 2022 года

Опять гремит за терриконами,
 опять по городу прилёт.
 Любовь с глазами воспалёнными
 по нашей улице идёт.
 Садится у окна на лавочке
 под самый яблоневый цвет:
 «Здесь жил хороший мальчик Ванечка.
 Красивый мальчик, спору нет.
 А бабушку его вы знаете?
 Такая, круглый год в пальто.
 Да, у неё проблемы с памятью.
 Конфеты любит? Нет, не то.
 Она их покупает с пенсии
 и носит Ване на кровать,
 там шторы новые повесили.
 Ну как? Не можете не знать.
 В той комнате, в той светлой комнате,
 там, где теперь его портрет,
 жил мальчик Ваня — вы запомните.
 Запомните, что смерти нет.
 Я говорю вам — всё кончается,
 и боль, и слёзы, и война,
 а в жизни той, что начинается,
 останусь только я одна.
 Я не меняюсь — вы меняетесь.
 Становитесь другими, да.
 Ну, улыбнитесь. Что, прощаетесь?
 Я здесь. Я с вами. Навсегда».

На той войне, на той войне
часы ты видел на стене,
все умерли, они ходили,
одни в разрушенной квартире
они ходили, как могли,
вот здесь, на краешке земли,
они смотрелись как осколок
уют, тишины, тепла,
напротив, со ступенек школы,
шатаясь, женщина сошла,
какой-то дед из серой мглы
тебе кричал: «Не уходите!»,
ещё ты клёны в парке видел,
их расщеплённые стволы.
На той войне, на той войне
ты видел девочку в окне,
она тебе рукой махнула,
на ней был вязаный платок,
ты видел — танковое дуло
рождает огненный цветок,
и там солдат перебежал,
танк выстрелил — солдат упал,
контуженный взрывной волной,
как он домой теперь вернётся,
как он теперь придёт домой,
тогда ещё светило солнце,
потом пошёл под утро дождь,
потом ты ел из банки борщ,
потом ты ложку потерял,
потом опять ходил в атаку,
потом ты спал, потом ты спал,
во сне к тебе пришла собака,
и вы с ней долго обнимались
и радовались, как могли,
и два воробышка купались,
купались в золотой пыли.

Жизнь занятная штука, Настасья,
иногда посреди темноты
небеса замирают от счастья
и роняют на землю цветы.

И стоит, занесённый цветами,
словно снегом, наш утренний сад,
и жуки потрясают рогами,
и кроты защищают кротят.

Глубоко под корнями растений
есть в другую Вселенную лаз,
и оттуда являются тени
мужиков, что погибли за нас,

и стоят над твоим изголовьем,
и на лавках сидят во дворе,
и уходят назад по кротовьей
световой дальнобойной норе.



ДМИТРИЙ МОЛДАВСКИЙ

Анне Долгаревой посвящается

Поэту таланта мало. Поэту нужна судьба.
Талант питается жизнью, а не чужими книгами.
Разыгрывается партия. Фигуры по полю двигая,
Божья рука управляет позицией и интригою.
Ты изначально пешка, сила твоя слаба.

Ты не видишь общей картины. Соседних фигур две-три,
а когда, до кого из вас и дойдёт ли очередь,
знает только Гроссмейстер. Жди и копи внутри
энергию потенциальную, сам с собой говори,
чтоб вовсе не онеметь. Хоть какую-то очевидь

пытайся осмыслить, вобрать в голову или в грудь,
зарифмовать, структурировать в строки, четверостишья:
клетку перед собою, куда бы ты мог шагнуть;
клетку через одну, куда б тебя мог метнуть
Игрок; насущную клетку, где ты пережидаешь затишье.

Появятся первые бреши в дружественном строю.
Промчится бешено конница в рубке остервенелой.
В какой-то момент, возможно, ты приблизишься к королю.
Но ты же стоишь как вкопанный! Что я за чушь порю?
Он сам за тобою спрячется! Чёрный он или белый?

Ты можешь сказать ему пару ласковых слов
или блюсти устав: равнение на середину!
Но помни, что битва в разгаре. Братья теснят врагов,
а может быть, отступают. Главное, будь готов,
ранец походный заранее вскинь на спину.

Готов, не готов — подхватит тебя рука Игрока,
ты воспаришь над полем навстречу судьбе и цели.
За хаосом взрывов, земли изгибов, сквозь пороха облака
успей разглядеть, кто остался в живых из твоего полка,
попробуй осмыслить масштабы сраженья и цену

победы и поражения: сколько уже внесено,
а сколько придётся доплачивать, чашу весов склоняя
в нужную тебе сторону, если вообще оно
возможно и достижимо — кровь тебе не вино,
можно и не дожидаться следующего урожая.

Что бы ты ни увидел, знай: у тебя есть миг,
прежде чем, грянув оземь Финистом — соколом ясным,
окажешься в гуще боя, хорошо бы среди своих;
но всяко бывает. Бог знает, какой гамбит
разыгрался в мире, сейчас, на глазах твоих,
становящемся из чёрно-белого чёрно-красным!

Допустим, пройдя сквозь пекло бомбёжек и штыковых —
лоб в лоб — атак, на последней горизонтали
ты встретишь победу в числе немногих живых,
даже, возможно, выбившись из рядовых,
не в орденах пускай, но и не без медалей.

Тогда и настанет время вспомнить, что ты поэт.
Раны, ожоги, рубцы, испещрившие память, —
это и есть судьба, — даже если желанья нет,
если талант угас, ты обязан извлечь на свет
не для того, чтобы вылечить и исправить;

это и невозможно. Но новых предостеречь,
дабы не повторяли, но были меж тем готовы
враз — по команде — встать, а по жребию — порознь лечь
за короля, за друзей, за родную речь,
за чёрно-белую землю — по предначальному Слову.

Но цену общей победы знает один Творец,
и, если тобою жертвуют, не выпускай оружие.
За други своя погибнуть, как воин и как боец,
не перестав быть поэтом, — эта судьба не хуже!

09.06.2022

«Мой завод древнее мамонтова говна» —
Так сказал остроумный механик. Я ему верю на
слово, ведь слово механика — весомее чугуна.
Это роднит механиков и поэтов.
Создавался завод в относительно мирные времена,
когда даже Русско-японская не планировалась война.
На волне индустриализации задач было до хрена.
Начинали с водопровода. Докатились до велосипедов.

Такие уж были люди, такая была страна:
делали что хотели, от крейсера до рядна.
Сам государь-император и (немка) его жена
не только не возражали, но и поощряли это.
Однако Русско-японская, за ней — мировая война,
заодно с войной — революция (да три ещё, не одна!)
ждать себя не заставили. Страну развалили на
хрен! А завод для фронта и для победы

вовсю собирал самолёты из фанеры и полотна.
И лучшие в мире лётчики, вчерашняя пацанва,
седлали их, как Пегаса: где узда там, где стремяна? —
и кто в штопор, кто в пётлю (чем тебе не поэты)!
Страна полыхала годами, словно нетленная купина.
Все пили и проливали кровь вместо вина.
Достигали, чего — неведомо. Почти что достигли дна.
Четырёхлетним Лазарем с того воротились света.

Подустали скакать, как по прерии краснокожие племена.
 Как умели, вождя схоронили — Ульянова-Ленина,
 а сменил его тот, в чьём имени воля была стальна
 (и не надо дискуссий, рассказ вообще не про это).
 Наступила мода на новые облики и имена.
 Мой завод национализировали, окрестили его «Коммунар»*
 (отличное имя для парня, не какой-то там ГлавЛётНар-
 ХренПойми имени какого-нибудь предкомбеда)!

Я не желаю пафоса. Хватит и без меня
 авторов, чья поэзия «ахами» пленена.
 Если возможно, Отче, да *мимоИдет* она —
 чаша Большого Стиля, Имперского бреда!
 Но слова из песни не выкинешь, когда повторилась война,
 завод не сказал народу: дело моё — сторона.
 Обоим нужна победа, и — сколь ни огромна цена —
 каждый вносил свою лепту, никто не «недо».

Чем ближе стоишь к истории, тем хуже она видна,
 силён соблазн упростить, перепрыгнуть с пятого на
 десятое, раз уж даты, свершения и имена
 запросто узнаются из интернета.
 Вспомните Петю Нестерова, Юру Гагарина,
 перечитайте заслуги, потрогайте ордена.
 История продолжается. Ссылка прикреплена**.
 Я, как умел, сказал. Что хотел, поведал.

* Ради красного слова грех не соврать, но для зануд и для рефератов детям сознаюсь, что
 «Коммунаром» его начнут называть в 1963-м.

** [https://ru.wikipedia.org/wiki/Дукс_\(завод\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Дукс_(завод)).

Я подойду к механику, давай, скажу, старина,
достанем из сейфа спирт, разведём на два стаканá,
чтоб Горбачёву с Ельциным ни покрывки, ни дна:
такую страну похерили, дерьмоеды!
Шутка ли: славим Бога, что снова пришла война,
и, может, от нас потребуют стали и чугуна.
Хотя бы такую ценою выберутся из говна
русские люди, механики и поэты!

Я работаю на заводе десятый год
и общаюсь с людьми, что служили ему полвека.
Чем сильнее обида за сердце меня берёт,
тем острее в себе я чувствую человека.
Обходя корпуса, забираясь на чердаки,
в полутёмных подвалах тягая воздуховоды,
вижу на расстоянии вытянутой руки
я историю и судьбу своего народа.

Русской армии слава и сила
предводима рукой Михаила
и укрыта его же крылом.
Он хранит нас на море, на суше,
Он спасает и жизни, и души.
Сатана же идёт напролом.

Он не знает ни дружбы, ни чести,
но при помощи страха и лести
собирает ватагу свою.
Для него вы не воины — мясо,
и не даст никому из вас он
победить ни в каком бою.

20.04.2022

Эта битва не будет легка:
Царство Божие силой берётся.
Но и вашим полкам пока
лишь сдаваться и удаётся.

Уж такая это война,
что приходится повторяться:
снова наша родная страна
пострадала от оккупации.

Вам не стыдно, славяне, гей,
охренели вы, муха-бляха:
позволять на земле своей
пановать немчуре да ляхам?!

20.04.2022

Даже если мы предадим,
всё равно они победят.
Просто будет труднее им,
просто больше убьют ребят.

Но когда кровавый их труд
наша высмеет сволота —
не окажется ли им тут
горше, чем показалось там.

05.05.2022

ПАСХАЛЬНОЕ

Тот, по чьей молитве Лазарь воскрес —
верь не верь, но так говорят, —
Он один как перст, Он несёт свой крест
и будет на нём распят.
Раздралась завеса, и тьма окрест,
и камень гробов разъят.
Но Иуда выдаст, а дьявол — съест,
и Он отправится в ад.

Он каждый год в одну из суббот
оказывался внутри.
Хозяин щерил зубастый рот
и требовал: «Говори!»
Но, сомкнув уста — суббота свята, —
Он дожидался утра,
а дальше: свет! И смерти нет!
И вынесены врата!

Две тысячи лет Он один ходил,
а сегодня ведёт десант.
Их не остановят ни Javelin,
ни Bayraktar, ни нацбат.
Они опустятся в глубь глубин,
достигнут сумрачных врат.
«Батя, заходим! Гиви, прикрыл!
Работаем, брат Ахмат!»

И днесь не дрогнет ничья рука,
сжимающая АК.
А смерть никому из них не страшна,
поскольку всего одна!

Засовы сбив, раскидав щиты,
они ворвутся во двор.
И гарнизон подожмёт хвосты,
кто мешкает — тех в упор!
Посадят в автобусы весь мирняк,
пленных возьмут в кольцо.
И ад опустеет. Аминь, будет так!
Пасха, в конце концов.

05.05.2022

Кончились негры — сойдут и украинцы.
Сдохнете — купят кого-то ещё.
Белая раса не ведает крайностей,
как поживиться на чей-нибудь счёт.

Зря дожидаетесь, пасти раззявив,
хлеба и сала пожрать до пупа:
высшая раса — раса хозяев —
на подаянье скупа.

Если решите, что в царстве порока
и без жратвы хорошо, —
братья-славяне придут от востока,
вас и хозяев накажут жестоко!
И угадайте: за шо?

12.05.2022

Не ваши ли прадеды резали их на Волыни?
С чего вы решили, что кровь эта — с гуся вода?
Никто ничего не забыл ни тогда, ни доньне,
никто ничего не простит никому никогда!

Конечно же, пан европейчик незлой и пушистый.
Не надо иллюзий, вы сами подали пример.
Нашлись в Украине — найдутся и в Польше фашисты,
да только на свой, исключительно польский манер.

Вы проситесь в Польшу, вам кажется: милая пани
встречает приветливо и никогда не предаст?
Да лет через двадцать детей ваших будут серпами
по горлу кромсать, как сейчас вы пытаетесь — нас!

12.05.2022

Мне многое не нравится сейчас,
да я и прежде был не всем доволен.

Я вообще не креативный класс
и даже не латентный педераст.
Я толерантен в рамках Домостроя.

Я где-то слышал слово «ганджубас»,
я где-то видел имя Тинто Brass,
но углубляться в это не настроен!

Я не толкусь у театральных касс,
когда там режиссёрствует литва-с.
Я представитель не элит, а масс,
я прочно сшит, хотя и просто скроен.

Я мало дегустировал колбас,
предпочитаю кока-коле квас,
хотя, бывало, жрал и ананас,
но без шампанского и не с икрою.

Конечно, я за Крым и за Донбасс.
Когда за дело, то могу и в глаз,
а то и нахамить. Но чаще — скромн.

Меня определили Энгельс — Маркс
как гегемона. Сталин дал приказ —
я стал поэт, и хлебороб, и воин.

Мы базис, мы фундамент, мы каркас.
Но каждый день обманывают нас,
и задолбало спрашивать: доколе?

02.06.2022

Довольно стыдно теперь называть «войною»
происходящие между тобою и мною
обычные ссоры, житейское, в общем, дело,
сколь бы ни были яростны и оголтелы.

Довольно подло «жертвами» именовать
друг другу взаимно оказываемые услуги:
что-нибудь приготовить, кое-что постирать,
кинуть на карту денег, помочь подруге.

Покуда где-то и вправду идёт война
и к жертвам взаправдашним смерть уже на подлёте,
нам эта лексика строго запрещена
в нашем вульгарном суетном обороте.

Нужно бы и не ссориться, цену не набивать
мелочным нашим дрызгам и неустойкам,
пока кому-то приходится жертвовать и воевать
по-настоящему, а не на словах лишь только.

14.06.2022

Мой Мариуполь.
ЗВЕРОБОЙ

Жили в Жданове, но вот и дождались!
В. Маленко

Году в одна тысяча девятьсот восемьдесят четвёртом
«Ракета» с подводными крыльями вышла из Ейского порта
и понесла нас с мамой через залив Таганрогский.
Кто-то когда-то сказал: «Заезжайте в гости,
если будете в наших краях!»

Ну и чем не маза?

Мама искала средство от моего псориаза,
верила в силу солнца, моря и грязей,
каждый месяц откладывала по червонцу,
чтобы летом меня свезти то в Ейск, то в Анапу —
к целебным грязям, солёному морю, доброму солнцу.

Грех было не воспользоваться оказией.
Папа не мог быть против. Вообще, не надо про папу.

Для меня это был первый в жизни морской круиз.
Ожидались сюрпризы. Сюрпризы и начались.

Я блевал в гальюне. Сосал леденцы. Блевал в пакетик.
В порту нас никто не ждал, у дома никто не встретил.
На обратном пути я заснул, чтоб снова не укачало.
Моря не видел, снов не помню. Очнулся уже у причала.

Ходили ли мы по бульварам в тутовнике и каштанах?
Были ли там вообще бульвары, каштаны, тутовник?
Мне было плохо, пока мы ездили в Жданов, —
больше из этого дня я ничего не помню!

А в году две тысячи двадцать втором, в апреле,
 этот город прославился страшно так и неожиданно!
 Я не сразу поверил, да и до сих пор не верю,
 что теперешний Мариуполь — мой детский Жданов.

Что в порту, где швартовалась «Ракета» наша,
 по фарватеру были раскиданы дуры-мины.
 Что пацан семилетний, как я тогда, или младше
 укрывался в подвале дома, что нас не принял.

Что когда малец не мог усидеть в подвале,
 и не важно, скука гнала его или голод,
 из квартиры, где я и мама не гостевали,
 по нему открывал огонь, почитай, сам город,

что такую избрал себе тактику обороны:
 ни добром привечать гостей, ни беречь хозяев,
 рекрутируя из стервятников батальоны,
 чревеса свои для укрытия им раззявив.

Напустив в себя всякой дряни и всякой швали,
 взят на круг, как пьяная дура бандой подростков
 (это слишком страшно, чтоб смаковать детали,
 максимально сдержанно, немногословно, просто),
 будет он кесарён кинжалом по «Азовстали»,
 изbleвав из себя две тысячи недоносков.

Минет время, очистят его от гнилого мяса,
от бетонного крошева, мин, железного лома.
И подросший мальчишка отвыкнет всего бояться:
хлопка шарика, стука двери, раската грома.

Он закончит школу женится будут дети
будет всё даже смерть а какая же жизнь без смерти
но не подлая же не в спину не от своих же
он не зря это пережил и не затем он выжил

ну так вот Бог даст на крылатой морской «Ракете»
лучше поездом я приеду нет мы приедем
захвачу пару внуков моря не сыщешь ближе
Мариуполь Жданов вот я тебя и увижу

разгляжу наконец и на пляже семью их встретив
познакомимся дети подружатся мы отметим
от души посмеёмся раскроем души за словом слово
и ни я ни он ничего не вспомним плохого.

25.07—03.08.2022

1

Едва мы школе говорим: пока! —
и быстро очищается башка,
как быстро заживают синяки.
Людская жизнь трудна и коротка,
познания порой неглубоки.
Откуда взяться новым? С потолка?
Так мы же, сука, белим потолки!
Нам новости пекут, как пирожки;
мы, откусив кусочек пирожка,
глотаем не жуя: пеки, пеки!
И как-то больше всё хи-хи, ха-ха,
ведь нам хватает собственной тоски,
и наша жизнь трудна и коротка.

Но есть Земля. По ней течёт Река.
И Город есть на берегу Реки.

Земля с Рекою вечны. Город — нет,
но, разменяв вторую тыщу лет,
он не забыл ни дня из этой стражи.
В нём множество зарубок и замет,
в нём залежи осколков и монет.
Ты жаждешь правды? Плюнь на Интернет.
У Города спроси. Он всё расскажет.

А то, что это истина, не бред, —
Земля докажет. И Река докажет.

2

Святая Русь ещё не началась,
судьба её на небесах решалась,
а кровь уже на Землю пролилась
и с водами Реки перемешалась.

Вот Игорь-князь, гордыней обуян,
стяжанию не положив предела,
влечётся на погибельное дело.
Вот над толпой разгневанных древлян
взлетает изувеченное тело,
окровавляя лица и бурьян.

Вот Игоря вдова, бледна как смерть,
такой ужасной мести захотела —
свершила то, чего не должно делать,
посмела то, чего не должно сметь, —
такою страстью опалила душу,
что пламя это вырвалось наружу,
и крылья обрело, и полетело.

Вот сын её, славнейший Святослав,
как бог войны, несётся вокруг державы,
от Волги до Дуная разослав
«Иду на Вы!» — свой вызов величавый.

Но дерзкая и эта голова
от старости едва ли поседела.
Не по добру́ от тела отлетела,
ответила за смелые слова.

3

А Город рос, как стебель молодой:
вздымались стены, умножались кровли —
питаясь от Земли и от торговли,
напоеваясь кровью и водой.

Святая Русь, уже ты проросла —
на доброй ниве вскормленное семя!
Княгиня Ольга светоч твой несла,
Владимир Святославич ждал посла
и в Реку погружал семью и племя,
а идолов, которым несть числа,
валил, палил и волочил за стремя.
Христовой власти благодное бремя
распространила Церковь, разнесла
за малое по меркам жизни время
единым взмахом кормчего весла.

Но чем обильней слава разлилась,
восток и запад равно беспокоя,
тем вожденней становилась власть
над Городом, Землёю и Рекою.
Завидная, казалось бы, судьба.
Кто ей под стать? Кого она достойна?
Всё жарче разгорается борьба
за честь, за спесь — за Град первопрестольный.

Двенадцать сыновей себе родил
Святой Владимир, дом поставив прочно.
Нашёлся из двенадцати один.
То, как оно бывает, знаем точно:
конечно, тайно и, конечно, ночью.
Пришёл. Увидел. Но не победил.

Во все концы убийцы понеслись,
в ночи бряцало золото и железо.
Распят на копьях мученик Борис
и юный Глеб предательски зарезан.
И вражье войско, словно стаи крыс,
почуяло наживу и полезло.
От смерти не ушёл и третий брат,
в горах Угорских был конец побегу.
То любо ляху, любо печенегу.

Братоубийца сам уже не рад.
Однажды в страшный предрассветный час
к нему вплотную тьма подобралась.
Он Бога искушал: «Чего Ты стоишь?»
И Бог ему ответил в этот раз:
«Где твои братья?» — он услышал Глас
и завизжал, как баба: «Я не сторож!»

5

А смута всё кружилась и неслась,
покуда ей предел не положила —
на этот раз (увы, на первый раз) —
при Альте Ярославова дружина.
Братоубийца бёгом побежал,
боясь верёвки, яда и ножа,
толкаемый неведомою силой.
Его уже Земля не выносила
и мёртвого в себя не приняла:
из Польши, где, как падаль, он лежал,
до сей поры смердящая могила
смад воплощает в речи и дела.

Но гнев его, и дерзость, и порыв
над Городом остались чёрной тенью,
грядущие смущая поколенья,
к предательству лазейку приоткрыв,
и Землю, и народы, и селенья
Рекою на́ две части разделив.
Предатель ты иль родичеубийца?
Ищи приют на правом берегу.
Тебя там ждут и место берегут.
На западной Отчества границе
ты сможешь послужить его врагу
и кровию собратьев причаститься.

И то не сказки про Бабу-ягу,
а быль про Вавилонскую Блудницу!

Спасала Русь ту Землю как могла:
молитвой старцев, жертвенною кровью,
солдатским подвигом и братскою любовью,
прощала, защищала, берегла,
теплом делилась и давала кров ей,
питала пищей с общего стола.

Но поклонился каждому врагу
и в каждой смуте принимал участие —
не весь народ, но той своею частью,
что дом нашла на правом берегу.
Кто выю и хребет согнул в дугу
не пред Христом, а перед папской властью,
кто на Отчизну лает всею пастью,
а про своих хозяев — ни гугу.

6

Лишь те, кто не желал борьбы такой:
предательства, гордыни, произвола —
с другой Землёю и другой Рекой
судьбу связали своего престола,
свою столицу и её права.
В глуши, в болотах, вдалеке от славы
ростком ещё невиданной державы
уверенно проклюнулась Москва.
Тут чистый лист, тут новая глава,
святой лампы свет и след кровавый.

Но никому ни дня не задолжала
и никому ни пяди не должна,
росла новорождённая держава,
к врагам сурова, с чадами нежна,
и в годы мира мальчиков рожала,
чтоб рати созывать, когда война.
Своя земля, вода, такой же хлеб.
За что на нас оттуда смотрят волком?
У них воняет стерво Святополка.
Сражаются за нас Борис и Глеб.

Великие курганы и холмы,
священные могилы и пещеры
не можем ни забыть, ни бросить мы:
в них корни нашей силы, нашей веры,
что тянутся превыше всякой меры
и свыше всякой меры сплетены.

Но там, в степях на правом берегу,
где смрадный ветер злее и упорней,
он вырывает или гнёт в дугу
всё, что посмеет вырасти из корня.

Происходило так во все века
и продолжалось каждый раз до срока,
покуда свежий ветер от востока
не подопрёт убогого ростка
и не погонит, как мякину с тока,
ксендзбв, жидов, мятежные войска.

Но снова, братской кровью полита́,
младая поросль наполняет Землю
и, гласу благодарности не внемля,
не производит доброго плода.

7

Начальная повадка их тиха,
но нет опасней и смертельней яда:
у нераскаянного нет греха
полупрощенья, как полураспада.

А этот грех не только не забыт:
он каждый раз ярится новой силой.
То князя окаянного могила,
и тень его над Городом смердит.

С веками всё трагичней эта драма,
личина гаже нового вождя,
путём Иуды, Каина и Хама
людей, народ всё дальше заводя.
В дни мира приулягутся под спудом,
в дни смуты зачинают новый рух:
предательства, братоубийства, блúда —
един в трёх лицах — Каин, Хам, Иуда,
тень Святополка и Нечистый Дух.

8

Я упрощаю, вольно или нет,
по недостатку знаний и таланта
и всех не исчерпаю вариантов,
но я ищу и нахожу ответ:

каким же духом злым заражена,
в бреду, в болезни, в нестроенье крайнем,
из сердца не идущая страна
с красивым русским именем Украина?
За что разобщена, разорена?
С чьей помощью готовил Сатана
её паденье и её закланье?

15—25.04.2022
Кубинка — Москва

ДМИТРИЙ МУРЗИН

У теории струн оборвав струну,
Афанасий Фет идёт на войну.

Фет идёт на войну, и дрожит планета
От тяжёлых шагов поэта.

Непривычно собран, изрядно лют,
Фет идёт туда, где ненаших бьют.

Чтобы мир воцарился среди Евразий,
На войну идёт Афанасий.

...

Так в какой руке у меня конфета?
Разожму кулак. Ни войны. Ни Фета.

2022

Старый виски в правильном бокале,
 На плече — партак с единорогом.
 Ничего не знает о Байкале
 Маугли, воспитанный тиктоком.

Кубик льда в бокале виски тает,
 Но не растопить хандру и скуку.
 Ничего не знает об Алтае
 Маугли, воспитанный фейсбуком*.

Ест крошку только на кефире —
 Как ему в отчизне одиноко...
 Ничего не знает о Сибири
 Маугли, воспитанный тиктоком.

Наплевать, что обстреляли Счастье,
 Слышал лишь, что «лайнер сбили «Буком».
 Ничего не знает о Донбассе
 Маугли, воспитанный фейсбуком.

На себя примерил роль мессии,
 Гибель нашу скорую пророчит.
 Ничего не знает о России
 И, что характерно, знать не хочет...

2019—2022

* Продукт Meta, деятельность признана экстремистской, запрещена на территории России по решению Тверского суда Москвы от 21.03.2022.

Лето было жаркое, мой друг.
Вот и зачесалось всё вокруг.
Чешется затылок и спина.
Чешется извилина одна.

Чешется язык у эфиопа,
Чешется немытая Европа.
Чешется заначка у прораба.
Чешется на картах у Генштаба.

Карта не обманет, не предаст.
Чешется на карте Гондурас.
Чешется тропинка в ближний лес.
Чешется созвездье Южный Крест.

Чешется компьютерная мышь,
Чешутся и Лондон, и Париж,
И совсем уж как чумной вагон
Чешутся Берлин и Вашингтон.

Если бы спросили мой народ,
Почесать иль, может, так пройдёт?
То народ сказал бы от души:
«ВКС возьми. И почеши».

2022

Что в Европе? Нам не рады?
Видимо, не вышли рожей.
У России две отрады:
Умники и бездорожье.

Если вздумает начальство
Баш на баш с врагом меняться,
У России есть два пальца —
Сунуть в рот, чтоб проблеваться.

Умники и бездорожье —
Впереди сто поворотов.
У начальства — вся надежда —
На ссыкливых патриотов.

Но от Крыма до Нарыма —
Не извольте сомневаться —
У России два режима:
Побеждать и не сдаваться!

2022

Снимается наш Афоня на фоне Левиафана.
То трезвый, то в шлемофоне, то, извините, пьяный.

Снимается наш Афоня, да там этих снимков — с горкой,
В Берлине и на Афоне, да в Пальма-де-блин-Мальорке.

Афоня дерзит — но в меру, Афоня наш меру знает,
Терпеть не может премьеры, но Путина — уважает.

Афоня такой спокойный, Афоня такой понятный,
Откроет окно Овертона, потом закроет обратно.

Афоня будильник вертит, ему на работу рано...
Пройдут и Левиафаны, Афоня и не заметит.

2018

ПАЛЬЦЫ БЛОГЕРА

Ваши пальцы пахнут...

А. Вертинский

Пальцы пахнут никотином,
Мышкой, клавиатурой,
Пальцы пахнут Украиной,
Кровью, гарью, миной-дурой.

Пальцы пахнут Волновахой,
Славянском, Донецком, Счастьем,
Пеплом, Горловкой и прахом
И расстрелянной медчастью.

Сиротой, убитым сыном
Да непризнанной виною.
Пальцы пахнут мертвечиной,
Мертвечиной и войною.

2014



ОЛЕСЯ НИКОЛАЕВА

ВОИН

На путях непролазных, дорогах кривых,
там, где страхом туманится взгляд,
каждый — воин единственный в стане живых,
каждый — раненный жизнью солдат.

Он идёт по наитью, надеясь: не лжёт
сердце, и, обходя полынью,
как открытую рану в груди, бережёт
он военную тайну свою.

Ибо жизнь — эта битва: следить свысока
мировой оголтелый бедлам,
тут военная хитрость — не брать языка,
партизаня по вражьи тылам.

Но вести затяжные, как ливни, бои
с сонмом ангелов падших, едва
отбивая у вестников смерти свои
силы, помыслы, чувства, слова.

А не то, словно в царстве теней, наяву
сын отца не узнает и мать,
как чужая старуха, не веря родству,
просто мимо пройдёт помирать.

НА ДОНБАССЕ

Раньше они лишь в общей могиле лежать могли б:
в лагерном рве человечесье мясо,
а теперь бок о бок отстреливаются из-под глыб
гибнущего Донбасса.

Раньше один другого к стенке б — кровав закат
Родины, по сторонам распятой.
А теперь они вместе хоронят своих солдат,
убитых в Ясиноватой.

Бездна с бездной сошлись. Шаг в шаг и плечом к плечу.
Ангельски хор поёт — высоко и чисто.
С общей молитвой теперь ставят свечу
за воинов — коммуниста и монархиста.

...Ненависть, преобразайся в любовь, как лёд —
в лёгкую воду, в пар, и в туман, и в дымку,
в облако, возносящее весь народ:
в белых лохмотьях каждый,
и все — в обнимку!

БАЛЛАДА О САШКЕ БИЛОМ

Это дух Сашка Билого — неутолённый, мятежный —
бешеной слюною исходит, что шелудивый пёс: жуть, злость,
жаждет отмщенья, крови, рыщет по Незалежной,
вгрызается в плоть, рвёт тёплое мясо, ломает кость.

Это не кто, как он — прелюбодейный, шало
пахнувший палёною человечиною, в Одессе вдыхает дым,
роется в Мариуполе в трупях, но всё ему мало, мало,
весь измазался кровью, а — всё незрим.

«Мало ещё вы душ загубили кацапских», — за ушные мочки
дёргает, подначивает, поддаёт пенделя, чтоб уж наверняка,
долбит мозг Коломойского, печень клюёт, вырывает почки.
«Это ты, — Сашок?» — тот в ужасе спрашивает невидимого Сашка.

Так недолго сойти с ума, что со ступеньки... Лютый
озноб: серое вещество закипает, скисает, как молоко.
В ночи Коломойский спрашивает у шкафа: «Билый, чи там, чи тут ты?»
Но до поры ухмыляется, отмалчивается Сашко.

Ибо — наутро — знает: глянут все западенцы,
все коломойцы глянут в зеркальную даль и — в крик:
оттуда стервец Сашко кривляется, грызёт заусенцы,
средний палец показывает, высовывает язык.

Глянут наутро бандеровцы — родичи, единоверцы —
на братанов по сектору, и в каждом из них — мертвяк
Билый Сашко сидит, застреленный ночью в сердце
и заселивший тела живые незнамо как.

Глянет и Незалежная в воды, и — отразится
брятая голова с безобразным ртом, жёлтый желвак,
бегающие жестокие глазки, жиденькие ресницы:
вылитый Сашко Билый — убивец и вурдалак.

Да это же бес в маскировке: плоть, синие жилы,
всё как у всех — комар на лице простом...
На цепь его посадить, под требник Петра Могилы
склонить с заклинательными молитвами и крестом!..

В берцах, в военном буро-зелёном прикиде:
ишь, как всамделишный — щетинистая щека...
Да покадит на него иерей,
воскликнет Господь: «Изыди!»,
и с воем из Незалежной низвергнется дух Сашка!



СЕМЁН ПЕГОВ

в февральских маршах высшие чины
осколками ракет посечены
степных аллей вангоговы обрубки
троянски не обдуманы поступки
скребут умы купцы и горлопаны
хрустят во рту азовские рапаны
погружены в прифронтовые дрязги
затвор над их затылками не лязгал
жуют песок бубенчатые тралы
торчат домов кошмарные кораллы
на пепелище города Марии
где сто постов железом заморили
в разгар густой мучительной весны
азовские развилки и кресты
весною обезличенный состав
закатами надломленный сустав
и сколько тут за мужество ни ратуй
мы декабристы каторжане и пираты
идём на штурм бессмысленно горя
без неба в голове и без царя
смертями пустырей неомрачимы
голодно-первобытные мужчины
в безвременной и сладостной тоске
лежим на мариупольском песке
и души обезврежены войной
и кровь как христианское вино
по жилам жизнь размеренно гоня
подальше от купцов и цыганья
выстраивает роту в три ряда
моя новороссийская орда

Апрель 2022

Он поправляет усы, поднимается на драккар,
Северный ветер, вплетённый в его косу,
Нечто подобное, кажется, предрекал —
И проклятие это клонит его ко сну.

Весь отряд на борту. Командует — не борзеть.
Не привык Ярополк дрёму делить с людьми,
Он проходит к корме, забивается под брезент,
Терпко пахнет смолою корпус его ладьи.

Что смаковать кручину? Западная Двина
Сделает всё сама, верный укажет курс.
В этой седой воде пряжа богов видна,
Вечность сама видна, пряная, как укус.

Ярополк засыпает. В поймах встают леса —
Путаные наречья снова во рту вертеть,
Хвойные комары будут над ним плясать,
Редкие облака будут о нём радеть.

Он всегда был из тех, кто борется до конца,
Но когда их драккар проглотит угрюмый плёс,
Прежде чем утонуть, вспомнит лицо Отца
И тоску по Немю, что с собой унёс.

...и сколько их в дремучей извести
Пропавших без вести —
Тоску по ним из нас не вывести,
Не соскрести.

Нам, первобытным мудакам,
Заточкой пуганым,
Скитавшимся по рудникам,
По шахтам угольным,

Не оценить Кремля угар
И сонмы фраз.
Тоской поставлен наш удар
Не в бровь, а в глаз.

Грядущий вихрь фронтовой
Необратим,
Он нам свобода и конвой
И побратим.

Огонь обрушится на нас,
И мы в душе
Наколем профиль и анфас —
Давай уже.

Лучшая йога есть колка дров.
Если воды наложить в ведро,
Время замрёт и умрёт внутри
Приблизительно в тридцать три.
Будет буйвол тащить свой плуг,
Где мальчишка, убийца, плут —
В небо солнечный катит мячик,
Рядом с лежбищем медвежачьим.
Пусть он съест подгорелый хлеб,
Выживая в холоде и в тепле —
Среди скал, где сигнал «ау»
Есть не более чем аул,
Что сжигали в разгаре дня,
Из бессмысленности уходя.
Эти земли есть всё ничьё —
Их текучести в ночь ручьём
Нет озимее и синей.
Красная армия всех сильней.

2020

ГУМИЛЁВ

*Военкор Семён Пегов @wargonzo
к 100-летию гибели Н. Гумилёва*

То не хлещет толпа разъярённая
От жестокости влажный рецепт,
То музыка ревёт похоронная —
Из отряда ушёл офицер.

Впредь его косогорые контуры
Оголтело съедает земля.
Между клетями вечные конкурсы
Для создания мифа и для

Утверждения прочной геральдики —
Символ Веры и верная степь.
От Урги до кочующей Балтики
Всё пытался потрогать успеть.

Вдоль пути испражнения вечности
Помещались в резервуар
Отчуждённости. В дыме Отечества
Тьму Отечества прозевал.

Его будто на прочность проверили,
Сколько в степь от себя ни беги —
Мы избили природу империи,
Как в походе свои сапоги.

Падаль века легла увертюрами
Прямо в рьяную оперу дней.
Где-то между Китаем и тюрками,
Где-то между зелёных огней —

Кроме чести и знака нагрудного,
Были стать и солдатский анфас.
То, что стало победой для Унгерна,
То не стало победой для нас.

Вот он — правильный мир утопический,
Перемноженный во сто крат
На неправильный крест ученический, —
Это крест твой, аристократ.

Пусть трещат их умы саблезубые
В самый злой и зашоренный век,
Чьё больное тобой самолюбие
Ты в грядущую пропасть поверг.

Алкоголь и военное зодчество —
Твои слабости, штабс-капитан.
Как в отрочестве мучили отчеством,
Так и ходишь теперь по пятам
Ахиллесовым. Сын человеческий,
Получивший в награду значок,
В загорелую будущность нечести,
Орден Мужества, мутный зрачок.
Те враги, что тропиночку сузили,
Не поставив на Родине крест,
Не причиной стали контузии —
Стали памятником этих мест.
Превратились в ухабы и злаки
Там, где наши костями полегли.
Загорелые эти землянки
Были больше, чем привкус земли.
Не***ческой драки зачинщики
Ловят карий и яростный взгляд —
Улыбаются наши защитники,
Всё путём — и ни пяди назад.
Мы умрём, точно пули свистя,
Как об этом сказал Левитан.
Но уснувшее в люльке дитя
Не буди никогда, капитан.

2020

Бывают такие люди, напоминающие обряд.
Находясь с ними рядом, испытываешь покой.
Возвращаешься к жизни и не помнишь, кто ты такой.
Они возвращают тебе самого тебя.



АЛЕКСАНДР ПЕЛЕВИН

А помните, были смешные мемы,
А помните, думали, кто и где мы,
Больше не проведёшь.
Кому-то в сопли, кому-то в слякоть,
Кому-то жить и по ком-то плакать,
Так и живём, ну что ж.

А помните, снова не вышел Сталкер,
А помните, ворон в ночи накаркал,
Слушайте вороньё.
А помните Марвел, Дисней и Эппл,
А видели пепел, повсюду пепел,
Пепел берёт своё.

А помните раньше — Кодзима — гений,
Почти как Тарковский, Андрей, Арсений
Чёрт их там разберёт.
Пост-пост, мета-мета. Дожить до лета.
В наушниках Рич, Бранимир и Летов.
Будет ли Новый год?

А помнишь?
Да нет, говорит,
Куда мне.
У стали нет памяти и у камня.
Было и больше нет.
А помнишь, на свадьбе кричали горько,
А помнишь, напился племянник Колька,
Не помню.
Теперь я помню только
Белый-пребелый свет.

Май 2022

Курили ковбойское «Мальборо»,
Решали пацанские тёрки
И слушали Рихарда Вагнера
На улице Рихарда Зорге.

Под действием нового фактора
(Такого никто и не ждал)
Бухали под музыку Вагнера
На улице Крымский Вал.

Теперь же обритые наголо,
Как будто весной сорок пятого,
Гуляем под музыку Вагнера
На улице Судоплатова.

Июнь 2022

Старый мир — больше не мир.
Старый мир — это теперь война.
Привет, это снова я, опять выхожу в эфир,
Прогноз погоды — русское лето, а раньше была весна,

Лето не в пионерском галстуке, лето не в вышиванке, теперь вот так,
Я знаю, что вы делали прошлым летом, да ничего не делали, пили пиво,
Вот бы себе позвонить тогда, сказать, мол, хочешь поржать, чувак,
Но, конечно, с моей стороны это было бы некрасиво.

А потом я плакался, бросила баба, чуть не убился, лечил башку,
Бросила баба, ну охереть, нашёл проблему, вот же в мозгу заело,
Целый сборник стихов нанял, в итоге не помню ни одну строку,
Сжечь бы его, впрочем, лучше отправлю деньги на нужное дело,

Пусть будет, а вдруг поможет кому-то, подарит людям тепла,
Если у них вообще будет время на эти сопли,
Хорошим людям нужны стихи, но ещё нужнее БПЛА,
Медикаменты, броня, прицелы, плащи, фонари, бинокли,

Тепловизоры, шлемы, разгрузка, бинты и рации,
Всякие ещё хорошие вещи для хороших людей,
Спасибо им, будет теперь чем заняться,
Кроме распространения в обществе ужасных и злых идей,

А мои идеи просты: чтобы в честь Лимонова называли улицы,
Чтобы дети в школах читали Долгареву и Караулова,
Ну и ещё меня, простите, такой уж я важный курица,
Лучше уж пусть читают грустного, чем ставят хмурого,

Пока, старый мир, у меня есть новый, привет, с тобой интересно,
Я бы мог ещё по тебе поплакаться, да х*ли толку,
Лучше поставлю Акима и Рича, ребята, спасибо, крутые песни,
И поеду в красивый город, где много роз и осколков,

И не страшно, если для кого-то совсем потеряю имя,
И может, конечно, совсем уже двинулся головой,
Но — совершенно точно — когда я стою со своими,
Я остаюсь собой.

Июнь 2022

Не будет вам никаких паспортов хорошего русского,
Кто хороший, а кто плохой — не разглядеть из-за бруствера,
Не поедем теперь никуда мы, такие дела, господа и дамы,
Для них мы все Ивановы, даже когда Абрамы.

Да какая им теперь разница, мёртвый Лимонов, живой Сорокин,
Все теперь то ли из Красной армии, то ли из чёрных сотен,
Чёрная метка на лбу что у Быкова, что у Захара,
Хоть замахайся белым флажком, тебя ожидает кара.

Не будет паспортов хорошего русского, вообще никаких паспортов,
На флаге не будет не только красного, но и других цветов,
Что ж, времена лихие — и раз мы теперь плохие,
Что тут ещё сказать?
Слава России.

Июнь 2022

Под Донецком степи, степи,
Белый ветер, чёрный снег,
По степи в зелёном кепи
Ходит добрый человек.

Пьёт из фляги, матерится,
Пересох язык во рту,
В небе птицы, в небе птицы
Расчертили пустоту.

Всё так близко, так знакомо,
Ветер, птицы, пустота.
Человек оставил дома
Кофеварку и кота.

Человек живёт на свете,
Человек ведёт дозор.
Юный Эдичка в планшете
И в наушниках Егор.

Безответно, вязко, зыбко,
В тишине, в ночи, в снегу
Человек идёт с улыбкой,
Говорит: «Я всё могу».

Под Донецком степи, степи,
Птицы чертят пустоту.
Человек живёт на свете,
Возвращается к коту.

Ноябрь 2020



АННА РЕВЯКИНА

ВОСЕМЬ. ДОНБАССКИХ. ЛЕТ

2014 год

Что ни дом, то короб пустой,
что ни слово, то сух язык, —
эта боль посильней зубной.
Бог, как опытный ростовщик,
назначает такой процент,
не расплатишься до зимы.
После смерти не будет цен,
только свечечки зажжены.
Под ногами горит асфальт,
и не слышно колоколов,
в этом городе плавят сталь,
проливают свою же кровь.
А за городом светлячки
освещают победный путь,
я гляжу сквозь твои очки,
я желаю к слепцам примкнуть.
Что ни дом, то сплошная скорбь,
что ни голос, то вой сирен.
Этот город был слишком горд,
и теперь он пошёл в размен.
Бог торгуется, как банкир,
не уступит и двух монет.
Бог смеётся, что Божий мир
утверждает, что Бога нет.
Его смех — канонада дня,
город плотно берут в кольцо.
В этот город пришла война,
я боюсь ей смотреть в лицо.

Я люблю этот город —
обетованную степь,
на лице его порох,
он видел воочию смерть.
Он безумен, как шляпник,
разливший нечаянно ртуть.
Этот город внезапен,
но мне не в чем его упрекнуть.
Он стоит на границе —
силы света и силы тьмы.
Он немножечко рыцарь,
его горы — всего-то холмы.
Его вены, усталые вены —
потемневший асфальт дорог.
Его все обвиняют в измене,
сочиняют ему некролог.
Я люблю его, как ребёнка,
не болеет ли, не озяб?
Как же тонко в нём всё, так тонко,
но об этом сейчас нельзя.
Впрочем, в тонкости тоже сила,
тоже правда и благодать.
Я заранее его простила,
если будет за что прощать.

2015 год

Осторожно, двери закрыты, водитель сосредоточен,
пассажиры смотрят в окна, как убегают обочины.
С шакалей улыбкой миномётчик выпустит мину,
громко крикнет: «За Україну!»
Раньше за Украину пили, закусывали, а теперь убивают,
миномётчик улыбается миномёту, говорит: «Баю-баю...»
Спите, суки, босоногие сепары, русские пропагандоны,
а я, моторний, поїду до дому.
А ви вже приїхали. Выходите, чего разлеглись-расселись,
миномётчик будет улыбаться, пока не заболит челюсть.
Миномётчику скажут дома: «Розкажи нам, Рома,
вони насправді зайва хромосома?»
Рома кивнёт, дотронется до ямочки на подбородке,
попросит борща с чесноком, чёрного хлеба, водки
и расскажет о том, как миномёт с первого выстрела дал осечку.
Мама заплачет: «Боже мій, як небезпечно!»

В моём городе бой,
и отчаянный боу,
одержимый войной,
надевает портки,
его руки теперь — кулаки,
боу — бугристые желваки.
Ни намёка на страх,
боу в отцовских портках:
«Хочешь в глаз или в пах?»
Его тень как скала,
его мысли — смола.
Вне добра или зла
боу умеет крушить,
врач не сможет зашить.
Боу — спартанец, и щит
говорит за него, как скрижаль.
И безумный февраль
отпускает спираль,
где виток за витком
в полотне городском
боу становится мужиком.
Уберечь бы тебя,
чтоб в разгар февраля
в чёрном слове «война»
появился застенчивый луч
на полу, что скрипуч.
И мой глаз, что текуч
был весь год напролёт,
вдруг заметил, что льёт
не внутри, а снаружи, и лёд,
как короста, сходит с реки...
И не слышно, как взводят курки,
и останутся только стихи...

РЕКВИЕМ

Как уходят герои? Молча.
Растеряв все рефлексы волчи.
Вместо слёз для них море горечи,
вместо роз для них залп тройной
холостыми, и серый в штатском
что-то скажет нам о солдатской,
о судьбе двух народов братских,
пофлиртует с седой вдовой.
А над кладбищем, там, где дымка,
реют ангелы-невидимки,
их не видно на фотоснимках,
но ты слышишь шуршанье крыл.
Это ветер в густых берёзах
прячет наши с тобою слёзы.
Наша жизнь — череда наркозов
да пролитых на лист чернил.
Развяжи мои губы словом,
я парю над изрытым полем,
я привык, что тобою болен,
я привык уже умирать.
Я лечу, и мне светят звёзды,
и рябины алеют гроздьа,
и вся жизнь теперь то, что поздно,
то, что вряд ли воротишь вспять.

Кто читает все эти чёртовы сводки?
Налей мне водки, промой мои раны,
мы с тобой в подвале сидим, как в подводной лодке,
имени русой Марии, имени плачущей Анны.
Наша лампа-лампочка, наша маленькая лампада,
жёлтая, жуткая, внутриматочная спираль мира.
Не гляди на меня, Мария, я боюсь твоего взгляда,
помолчим, Мария, здесь каждое слово — гиря.
Наш подвал укромн, четыре стены и стулья,
а ещё эти полки с помидорами-огурцами.
Нас подвал уменьшает, съёживает, сутулит,
мы становимся даже не сёстрами — близнецами.
А назавтра сводки, от которых мне сводит душу,
а назавтра снова учиться ходить по краю.
Мы идём по улице — два морячка по суше,
мы с тобою ещё ни разу не умирали.

2016 год

ШАХТЁРСКАЯ ДОЧЬ
(поэма)

Червоточьями да кровоточьями
зарубцовывается война.
Над полями, что за обочинами,
полно чёрного воронья.
По дороге, что лентой стелется,
что изрублена, видит Бог,
русокосая ясна девица,
в волосах голубой цветок.
Её руки — не толще веточек,
её стопы — балетный свод,
она будет из добрых девочек,
из наивных святых сирот.
Её платице — бедность мрачная,
её крестик — металл да нить.
Эта девочка столь прозрачная,
её вряд ли разговорить.
По дороге, где грязь окраины,
там, где воины начеку,
эта девочка неприкаянная
начинает собой строку.
Молчаливую, милосердную,
утопающую во тьме.
Эта девочка — достоверная,
как война, что в моём окне.
На ладонях кресты да линии,
на глазах пелена дождя,
эту девочку звать Марию.
И она на две трети я.

У Марии был дом — занавески и витражи,
был отец, который ей говорил: «Ложись!»
Был берёзовый шкаф, и была кровать,
вот такое счастье: ковать — не перековать.
А теперь у Марии что? На окошке скотч,
за окошком ночь, и в окошке ночь,
где бесшумные призраки — конвоиры снов —
не находят для этой девочки даже слов.
Всё сплошное лязганье, грохот, треск,
у Марии есть мать, у матери есть компресс,
а ещё икона, на которой позолоченный Николай
обещает Марии тихий небесный рай.

Тишина проникает в ухо,
и ты думаешь, что оглох,
вот Мария на старой кухне
сигаретный глотает смог.
Надо лечь, пока держат стены,
пока крыша ещё цела.
У Марии дрожат колени,
над Марией молчит луна
коногонкою в небе буром —
немигающий глаз отца.
Только глаз один, ни фигуры,
ни одежды, ни черт лица.
Этот глаз на реке — дорожка,
на стекле — серебристый блик.
Скоро-скоро опять бомбёжка
и глазной неуёмный тик.

Кто-то скажет: «Он был неплохим отцом...»
Сочинял ежедневно завтрак и в ванной пел,
он ходил по субботам гулять со своим птенцом.
Говорил с Марией так ласково, как умел.
Его обувь была чиста даже в самый дождь,
его руки были огромны и горячи,
и Мария шагала рядом — шахтёрская дочь,
хотя в их роду остальные — все сплошь врачи.
Это было счастье — детское, на разрыв,
настоящее счастье, которому края нет.
Он всегда был первым и никогда вторым.
Они ели яблоки — золотой ренет,
они пили какао, ходили в театр и зоопарк,
он показывал ей созвездие Близнецов.
Он любил смешить её — внезапно и просто так,
а однажды из проволоки подарил кольцо.

А потом приходила война, забирала в строй
самых смелых и самых правильных из людей.
Он забыл своё имя, но запомнил свой позывной,
он видел скелеты обуглившихся церквей.
Он стал снова чёрен лицом, но душою бел,
научился молиться, словно в последний раз,
он свои ледяные руки дыханьем грел
и всё ждал, когда отдадут приказ.

У Марии есть тайна —
пачка девичьих писем.
Она пишет о главном —
девочка-летописец.
Она пишет на русском,
а иногда на птичьем.
Она пишет о грустном:
«Мы все теперь стали дичью...»
Она пишет отцу на рассвете
и поздно ночью.
Она пишет, как пишут дети:
неровным почерком,
словно письма из летнего лагеря
или с морей известия.
Она пишет, как пишут маленькие,
потерявшие равновесие.
Она пишет, как пишут взрослые
из подвала под артобстрелом.
Она пишет, и свет полоскою
оставляет в письме пробелы.
Она пишет, и ей не пишется,
ей скулится, ей страшно, тошно.
Вот деревья — сплошные виселицы,
вот свеча, что горит всенощно.

Дорогой отец,
не дари колец,
не дари цветов,
берегись полков,
воротись домой,
под большой луной
станем жить-тужить,
до чужих женитьб,
до чужой любви,
не считая дни.
Воротись, отец,
воротись, боец,
станем сказки плесть,
вот добро, вот честь,
станем пить огонь,
вот моя ладонь,
вот наш старый дом,
словно в горле ком.
Вот наш спелый сад,
вот ползучий гад,
райских яблок сок.
Этот сад — есть Бог.
Этот дом — есть мы.
Или наши сны.
Или наши сны...

Обрывается всё: провода, разговоры и струны.
Обрываются жизни, которым не видел конца,
месяц май неожиданно станет военным июнем,
в это жаркое лето прольётся так много свинца.
Загорелые травы донецких степей, терриконы,
обелиски невозвращенцам из дальних дорог.
Этот мир всё ещё подчиняется божьим законам,
этот мир состоит из патронов и пары сапог.
Николай говорил, что победа, добытая смертью, —
это просто победа над страхом, победа побед.
Николай уходил в распростёртые древние степи,
где посеяна смерть, словно маковый цвет.

Здесь густая трава и беспечные песни сверчков,
здесь разверзшийся ад среди райского лета.
И плывут облака по чернильному небу зрачков,
и в кармане сломалась последняя сигарета.
На войне не бывает ничьих, только свой и чужой.
По чужому стрелять, своего прикрывать что есть силы,
повторять: «Слава Богу! Живой! Слава Богу! Живой!»
И звонить дочерям с почти севшей мобилы.
И любить сыновей, тех, что рядом — в окопе, в пыли —
делят тяготы дней, делят хлеб и говяжью тушёнку.
Эти воины — дети кротами изрытой земли,
вместо нимба Господь отдал им коногонку.
Вместо сердца Господь даровал антрацит,
вместо вдоха степного — горючесть метана.
Здесь густая трава, что так ярко, чадаяще горит,
словно вечная слава победы на груди ветерана.

Что нас ждёт впереди? Победа.
Ясный сокол мой Николай,
мы вкусим и вина, и хлеба,
на двоих мы разделим рай.
А пока ты лежишь в окопе,
пока где-то кипят котлы,
я молюсь обо всех двухсотых
с наступлением темноты.
Вижу сполохи, рвётся небо,
на дыбы горизонт встаёт.
Смерть идёт по чьему-то следу,
дай-то бог, чтобы шла в обход.

Окопов траурные ленты во все концы,
со временем исчезнут раны, сойдут рубцы.
И будет буйное цветенье или зима.
И будет даже воскресенье или среда.
И бирюза небес над степью окрасит глаз,
и канет в Лету лихолетье, и Бог воздаст.

Это был страшный август четырнадцатого года, два народа шли в лобовую. Николай с лицом чёрным, как добываемая им порода, прикрывал собою горящую передовую. На его руках умирали и воскресали, на его глазах открывались ходы в преисподнюю. Город детства его, город угля и стали, превращали в пустошь, в пустыню неплодородную. Сеяли смерть, как раньше сеяли хлеб, сеяли ужас, боль и жуткое «зуб за зуб», а зелёные пацаны, утверждавшие, что смерти нет, рыдали от страха, увидев свой первый труп. А увидев второй, начинали, кажется, привыкать, говорили: «Война — не место для бабьих слёз!» И у каждого в городе оставалась мать, в городе миллиона прекрасных роз.

Ходит дом ходуном без конца,
дочь Мария чертами в отца,
мать сидит за столом, жжёт свечу.
— Мам, поспи!
— Не хочу, не хочу!
За чертой, за порогом, в ночи,
там, где струны грызут скрипачи,
где кровавая речка течёт
и открыт уже гамбургский счёт,
тихо красная всходит луна,
как вдова, в чёрном небе одна.
И Мария, шахтёрская дочь,
словно маленький загнанный зверь,
всё стоит и стоит у окна,
а в окне пустота, краснота.
И надломлены руки её,
и не снять уже ими бельё.
И предчувствие скорой беды,
словно запах гниющей воды.

Мы — подвальные, мы — опальные,
кандалы наши тяжелы.
Мы — идея национальная,
мы — форпост затяжной войны.
Чёрной совести боль фантомная,
боль, что мучает по ночам,
эта домна внутри огромная,
наша ненависть к палачам.
Мы священны, мы убогие,
мы у Боженьки в рукаве.
И глаза Его слишком строгие.
И следы Его на траве.
Утром встанем, пересчитаемся,
похоронимся, поревём.
Эх, война-война — девка та ещё!
Частоколы да бурелом,
заминированы окраины,
человеческий Страшный суд.
Авель помнит, что всюду Каины,
только высунешься — убьют.

Приносили его на щите,
и Мария губами к щеке
припадала, и плакала мать:
«Положите его на кровать!»
Он был хладен, безмолвен и сер,
и был день — беспросветный четверг.
Ну а дальше — на пятницу ночь,
и Мария, шахтёрская дочь,
занавешенных мимо зеркал
проходила в траурный зал
и глядела на лоб мертвеца,
на холодные губы отца,
на его восковеющий лик,
на немой неподвижный кадык,
на пурпурный распахнутый гроб,
словно двери в кровавый окоп,
где он денно и ночью сидел,
где живой он вчера помертвел,
где последнее небо его
выедало из глаз вороньё.

Воронки, вороньё, война...
Мария — дочь степи донецкой,
несчастный ангел бытия,
лишённый ангельского детства.
О безотцовщины клеймо!
О сиротливое удушье!
Война, воронки, вороньё.
Смертельно раненные души.
Прощайте, храбрые сыны,
прощайте, дочери, до встречи.
И лица ваши — лик войны,
и в камне вас увековечат.
Мария, девочка моя,
коса — пшеница, руки — плети.
Воронки, вороньё, война.
А мы войны святые дети,
а мы войны священный крест
несём и, в общем-то, не ропщем,
и в ополченье из невест
уходим через эту площадь.

Лицом сурова, черна глазами,
стоит Мария под образами,
в руке просвира — и голос сверху:
«Оставь печали при входе в церковь!»
Крестись истошно, молись о мёртвых,
целебен воздух церковно спёртый.
Не плачь, Мария, молись, Мария,
молитва — та же анестезия.
И голос певчий, прекрасный, звонкий,
и эти свечи, что коногонки,
и путь в тумане, в пыли забоя,
подобен смерти на поле боя,
подобен жизни в твоём Донцке.
Держись, Мария, за бортик детства,
за бортик угольного бассейна
и за винтовку, что из трофейных.
Смотри сквозь оптику в эти звёзды,
с земли, изъеденной чёрной оспой,
с земли, где поле пропахло тленом,
где все вдруг стали военнопленными.
Где мать — вдовица, а дочь — сиротка,
где брат вгрызается брату в глотку.

С нами Бог, с нами солнце, и с нами дождь,
зарядивший снайперскую винтовку.
Это поле — рожь, а за рошей — ложь,
а за ложью ружья наизготовку.
Это поле — ржавчина старых битв.
Что посеет ветер степей разъятых?
Террикон лежит, словно мёртвый кит,
облака плывут, облака из ваты.
Золочёный гулкий степной закат,
уплывает солнце за край планеты.
Кто во всём случившемся виноват?
Кто спасёт распятую землю эту?

Горсть земли — трижды. Я стану грызть эту землю — эту рыжую глину, эту свинцовую гирю, эту чёрную плоскость. До самого горизонта. Я — Мария, мне двадцать два от роду, я принадлежу городу, плывущему в облаках. У меня есть винтовка — СВ Драгунова, зоркость, немного костей под кожей. Я убью всякого, кто посмеет подойти ближе, чем эти низкорослые горы. Я — Мария, и всё, что у меня есть, — это горе. Горе!

Поле Дикое, цель опознана,
от винтовки саднит плечо.
Помолитесь, религиозные,
будет страшно и горячо.
Снайпер знает, что надо с первого,
долго целится, не спеша.
В степь Мария вращает нервами,
в них одна на двоих душа.
Точным выстрелом — пулей глупую.
Смерть Марии теперь как мать.
Поле выслано будет трупами,
ночью станут их собирать.
У Марии в блокноте крестики —
безымянные пацаны.
И они почти все ровесники
развязавшей войну страны.

Имя горькое твоё — Мария,
имя твоё убийственное.
Как твоя мать, Мария,
пишет ли тебе письма?
«Как тебе там воюется,
доченька моя светлая?
А у нас на улице
бабье нелёгкое лето.
Яблоки собрать некому
райские — падают сами.
Соль под моими веками,
видимо, что-то с глазами.
Горько на сердце бабьем,
воротись, доченька, с фронта.
Облака плывут, как кораблики,
до самого горизонта.
Пальцы мои бесколечные
крестят небо над городом.
А за кровавой речкою —
вороны, вороны...»

Господи Иисусе, как же страшно,
стало минное поле, была пашня.
Небо черно от дыма, глаза режет.
Господи, мы одержимы, мы — нежить.
Господи, я — отшельник, стрелок, пешка.
Господи, присмотри за мной, установи слезку,
приставь ангела, чтобы рука не дрогнула,
накорми манною дурочку сумасбродную,
дай хоть глоточек чистой воды из колодца.
Путь мой тернистый, путь, что не продаётся.
Лежу, а в глазах осень, коростой изъеденная.
Господи, вплети в косы мне святое неведение,
забери память, забери имя, дай новое.
Степь моя обетованная, время — средневековое,
время моё матерное, кровожадное, страшное.
Стало поле минное, а была пашня.

Приходила зима — снежная, белая —
и дере́ва стояли сказочные, звенящие.
Умирали воины — юные, смелые —
умирали стоя, умирали по-настоящему.
Эх, донецкие ветры — вольница, житница,
а теперь безлюдье — лишь псы да вороны.
И моя Мария — степей защитница,
а вокруг зима на четыре стороны.
И в блокноте крестики в столбик синие,
на погостах новых крестов тьма-тьмушая.
И моя Мария — ресницы в инее,
и тоска на сердце, тоска гнетущая.
По отцу тоска, кровью не смываема,
и слезами тоже она не смывается.
И моя Мария — доченька Николаева —
полушёпотом молится Богородице.

Не зная ни имени, ни возраста,
видит главное по нашивкам — враг.
Воин с рыжей кудрявой порослью
на суровых мужских щеках.
Руки — ломти, краюхи белого,
как поджар он и как высок,
жалко даже в такого смелого,
жалко целить в его висок.
Зубы сахарные, жемчужные,
фальши нет ни в одном из них.
Кто принудил тебя к оружию,
кто послал убивать своих?

Он стоит на коленях, крестится,
молод, весел, рыжебород.
Между нами — окно и лестница,
на окне — деревянный кот.
Чей-то кот, позабытый в спешке,
статуэтка, ненужный груз.
Кот-мурлыка ершит в усмешке
свой единственный правый ус.
Тень в углу залегла густая.
Как же зыбок январский свет.
В небе зимнем, что запятая,
чёрный ворон — в броню одет.
Воин тоже в бронежилете,
но висок так опасно наг.
Хрипло воеет январский ветер,
назначая, кто друг, кто враг.

Церковь белая на пригорке,
снег похож на лебяжий пух.
Глаз Марии предельно зоркий,
музыкален девичий слух.
За спиною две сотни жизней,
на груди православный крест.
Снег молочный безукоризнен,
снег из рая для адских мест.
И так хочется в детство снова —
в утро первого января,
старый год обернётся новым,
свечка — каплями янтаря.
На льняную скатёрку жизни
истечёт прозорливый воск.
И на кухне, как тюль, повиснет
дым от папиных папирос,
но откроешь глаза и в небо
бросишь взгляд — небосвод свинцов.
Что нас ждёт впереди? Победа!
И отмщенье за всех отцов.

Родить бы сына,
назвать Николашей.
Родить невинного,
кормить манной кашей.
Родить красивого,
глазами в деда.
Пусть вырастет сильным,
балованным сердцеedom.
Родить бы дочку,
тонкую, как берёзка,
беленькие носочки,
платье в полоску.
Волос тугой, русый,
не сплесть в косоньку,
плечики узкие,
пяточки абрикосовые.

Никого не родишь. Только чёрный камыш да слепая луна над рекой, не пройдёт человек, даже серая мышь здесь боится бежать по прямой. Степь — лоскутный пейзаж и горячий рубеж, пограничье двух разных миров. Я люблю этот кряж, его дикий мятеж в кружевах кучевых облаков. И винтовка в руках, и ни шагу назад, здесь забытая Богом земля. И бесплодны поля, где под небом лежат нерождённые сыновья.

Здравствуй, мама! В моём блокноте
не осталось живого места, на сердце пусто.
Как вы там живёте, как вы все живёте,
когда здесь, в степи, алой речки русло?
Разливанны воды, небеса развёрсты,
километры гиблого безвоздушья,
а луна — сухарик окопный, чёрствый,
да и тот был кем-то другим надкушен.
Я убила столько, что думать страшно,
мой последний был молодым и рыжим.
Он бы мог стать братом мне бесшабашным,
он бы мог стать другом и даже ближе.
Я убила столько, что мне приснилось,
как отец спустился с небес к ставочку
белолицым ангелом — Божья милость —
и сказал мне: «Машенька, хватит, дочка!»
Я убила столько, ты не согласишься.
Помнишь нашу яблоньку во саду ли?
Я убила столько, что стала зверем,
на которого жалко потратить пулю.

Птицы возвращаются на восток,
вместо речки тянется кровосток,
но весна звенит, и готов росток
пробиваться к звёздам.
Как полны и влажны её уста,
а она, дурёха, спешит в места,
где боец, считающий «до двухста»,
и прогорклый воздух.
Ощущенье пьяной, шальной весны.
Мы устали видеть дурные сны,
мы устали жечь во дворах костры
и бояться ночи.
Скоро-скоро речка вскипит водой,
и в неё бы утром войти нагой,
вспоминая рыжего с бородой,
но февраль обочин,
где деревья всё ещё мертвецы,
где не будут вылуплены птенцы,
где стихи читают до хрипотцы,
до истёртых связок,
где рука Марии в моей руке,
где вся жизнь, повисшая на курке,
и слеза солёная в уголке
маминоного глаза.

А с неба не снег, а серые лепестки пепла.
Мария лежит, и горы над ней огромны,
но Мария не видит горы — она ослепла,
в растаявшем хребтом в донецкие чернозёмы.
Она захлебнулась огнём, прикрывалась дымом,
ползла, а после бежала к густой зелёнке,
держала винтовку крепко, так держат сына,
младенца, завернутого в пелёнки.
Ей было почти не больно, почти не страшно,
её прикрывали громкие пулемёты,
на палец левее в одном километре башня,
а справа стоят огнедышащие расчёты.
— Ребята, прикройте, я отхожу, ребята! —
Мария кричала и падала навзничь в почву,
и кровь её растекалась, как сок граната.
Мария, моя Мария, шахтёрская дочка.

Спи, моя дорогая, спи,
девочка-одиночка.
Спит посреди степи
шахтёрская дочка.
Травы над ней шумят —
дикие, колдовские,
а в небесах кружат
чёрные часовые.
Мы стережём твой сон,
дочь Николая.
Солнце за террикон
к вечеру уплывает,
стелется сизый дым,
воды несёт речка,
страшно ходить живым
по этим святым местечкам.
Спи, моя дорогая, спи
в теле большой планеты.
Пусть твои мёртвые сны
будут о вечном лете.
Старый седой ковыль
пусть тебя колыбелит.
Кто-то зажжёт фитиль,
споёт тебе колыбельную.
Спи, моя милая, спи...
Ещё одна тёмная ночка.
Спит посреди степи
шахтёрская дочка.

На самой вершине дальнего рыжего террикона,
где колокольный звон — музыка из привычных,
они встретятся — отец и дочь, натянут сетку для бадминтона,
а у подножия плещется море — поле пшеничное.
И у них не будет другого занятия, кроме счастья,
и только Донецк с его улицами, проспектами и мостами
навсегда останется с ними, будет их лучшей частью,
навсегда останется с нами — погостами, розами и крестами.
Это память, с которой не стоит бороться, она нетленна.
Я помню звук, с которым стреляют «Грады», ложатся мины.
Но Донецк — это не просто город, это вселенная,
Донецк — это шахтёрские девочки и песня их лебединая.

2017 год

Я не помню, каким он был,
больше помню, каким он стал,
то не плащ на нём — пара крыл,
то не кряж под ним — пьедестал.
То не солнце над ним встаёт,
а огромный следящий глаз,
то не воинство шло в поход,
а такие же, среди нас.
И звучал в голове металл,
для металла закон один.
То не кряж под ним — пьедестал
из живых человеческих спин.
И пока мы вот так стоим —
ядовитые, словно ртуть,
я прошу, передай своё:
ничего уже не вернуть...

А в Донецке снова гудит земля,
словно в худшие времена,
только мама считает, что худшее впереди.
Дом — четыре стены, но одна стена
говорит: «Беги!»
Моя мама устала бояться
и устала вот так стоять,
словно вкопанная в беду.
Если вспять пространство
и время вспять,
то не смей подходить к окну.
Это зарево сызна — не заря,
это зарево — зуб за зуб.
Моя мама, ни слова не говоря,
унимает дрожь, усмиряет зуд.
Ей давно не страшно, она кремень,
серый памятник площадной.
Мама точно знает, она — мишень.
Или кто-то из нас с тобой...

2017 год

Мой отец мне ночами пишет из другой галактики:
«Ты хорошо рисуешь, но тебе не хватает практики,
хочешь, я соберу для тебя золотые фантики
от конфет?
Хочешь, пришлю их курьером тебе под утро?
Тончайшие фантики звёздного перламутра,
растолчёшь их в ступке, сделаешь пудру,
нарисуешь велосипед,
на котором по радуге объедешь Евразию и Америку.
Согласись, это пошло бы на пользу такому, как ты, холерику.
Представь, причаливаешь без визы к любому берегу,
говоришь: «Привет!
Я приехала из волшебной страны Террикони, я решила, что теперь вы будете её колонией...»
И тебя селят в красивом дворце с колоннами,
окнами на рассвет.
Дарят кисти, краски, холсты и хитрые разбавители,
самого главного живописца приставляют к тебе учителем,
у него на носу два стёклышка увеличительных,
он смешно одет.
Он владеет искусством художественного гипноза,
ты рисуешь войну, а выходит алая донецкая роза,
и дымится кисть твоя, словно бы папироса,
оставляет след...»

2019 год

Вослед шипели: «Гордячка...»
Евдокия — дочь горняка и сама горнячка, —
обушком по-изотовски,
оставляя в земле полости,
на-гора поднимала гору,
поднимала город
с колен, на которые он не стал.
За кварталом квартал, за кристаллом кристалл.
«Крепи, — кричит Королёва-мать, —
мы крепки, нас никому не взять,
не размазать оземь, мы и есть земля,
земля Шубина, земля чёрного короля!»
Под косынкой косы — чёрное серебро.
Евдокия — не женщина, не косточка, не ребро.
Евдокия сама по себе хребет.
Говорила так: «Пашка-то наш поэт,
остальные рифмуют, но не до мяса и позвонков,
а у Иванова гляди, как отскакивает от зубов.
Не вешай нос, лампонос, прославишься через век,
будет время другой войны, будет в розах снег,
но уголь во все времена чернее чёрного, сам мрак.
Что стоишь и топчешься, заходи в барак!»
А в бараке свет изо всех щелей
да углы, что всех углов углей,
уголёк потрескивает в печи.
Сколько же в Донбассе ещё будет сволочи.

2021 год

ТЕСТО

Смотрят дети
на войны отметины.
И ничего не спрашивают.
Сами знают, что между нашими и не нашими
поле пашенное,
только не комбайнами, а танками.
Видел ли ты когда-нибудь, как у танка отрывает башню?
И башня эта летит метров двадцать,
а потом как врежется...
Если хочешь узнать цену войны,
поговори с беженцами.
С теми, чьи дома на улице, ведущей к монастырю,
стоят шкафы наружу.
С теми, кто вещи, пропахшие дымом, заворачивал в простыню.
Я рассказывала о них мужу,
а потом и друзьям мужа,
они кивали, но до конца мне никто не верил.
Я рассказывала о них и плакала,
я написала о них не одну сотню текстов.

«Послушай, но ведь раньше вы были одинаковыми,
зачем вы воюете, если вы одного народа тесто?»
Нет, мой хороший, представь себе
тесто, вымешенное руками хозяйки.
Если от него отнять кусок и поставить в печь,
как ты этот кусок снова сделаешь клейким?
Как его снова сделать тягучим и белым?
Этот кусок обгорелый и твёрдый,
о который сломаются любые зубы.
Если ты хоть раз спал в коридоре одетым,
если ты хоть раз вжимался в асфальт всем телом,
если ты хоть раз бежал домой под обстрелом,
ты это никогда не забудешь.

По Донецку на кабрио по коменде.
Я твой Питер, ты моя нежная Венди.
По брусчатке вверх, как в старые времена.
Я менял айфоны, страны и города,
но вернулся, пусть и на две недели,
в наш панельный дом с вечным звуком дрели.

Этот город сам по себе и биток, и текст.
Развелось как грязи в нём поэтесс.
Развелось девичек без чувства слова.
Слушать их стишки — словно есть в столовой.
Рулит массаами поэтический общепит.
Не всё то поэзия, что шипит.

Мам, насыпь борща мне тарелку, с горкой.
Как красиво, мама, горят конфорки.
Я давно не видел, как на газу
варят что-то с пенкой в большом тазу.

По Донецку на кабрио по коменде.
Жить везде нормально, были бы деньги.
Прокачу мою Венди по Пушкина с ветерком.
Знаешь, дед мой был заслуженным горняком.
Мой отец был тоже шахтёрской масти.
Я родился, чтобы продолжить династию.

Мать сказала, что только через её труп,
ткнула пальцем в мой подростковый пуп:
«Пока я твоя мать, у меня есть право
не пускать тебя в чёртову чёрную лаву».
Отец запил, дед подливал, но был трезв.
На том и решили, что это не мой крест.

Мам, откуда в донецких женщинах столько силы
жить в современной брошенной Хиросиме?
Откуда в тебе столько силы, мать,
каждый день умирая, не умирать?

По Донецку на кабрио по коменде,
как в хреновом фильме, в самом его энде,
мы летим с моей Венди по Ильича.
Венди, а выйдешь замуж за рифмача?

Я видела их, по-спартански одетых, —
двух девушек в супермаркете «Молоко».
Они покупали кофе и сигареты.
У одной было что-то с рукой.
У другой были дивные длинные волосы — рожь и мята —
на прямой пробор.
Две девушки — два солдата.
Я не вслушивалась в их разговор.

Они не выглядели нарядно или ухоженно:
военный оттенок зелёного мало кому к лицу.
Мне захотелось угостить их мороженым
и купить по леденцу.

Две девушки в камуфляже несвежем,
ни модных сумочек, ни туфель на каблуке.
Я загадала через год встретить их в красивых платьях на побережье,
а не выбирающими дешёвое курево в «Молоке».

Жизнь так несётся, что, кажется, врежется в стену.
Было ли детство под солнцем города роз?
Были ли руки отца, колдовские, над острым коленом?
Были ли слёзы? Были. Как в детстве без слёз?

Слёзы... Они что вода из донецкого крана.
Были, лились, а теперь их дают по часам.
Лягу укладывать дочку, и вспомнится спинка дивана.
В стылом Донцке стоит этот белый диван.

Я за ним сына качала в потерянном мае.
Сонные степи с тех пор у нас топчет кирза.
— Мама, я слышал или слышалось: снова стреляют?
— Спи, мой хороший, это, должно быть, гроза.

Слёзы дают по ночам, чтобы дети не знали.
Слёз этих таз жестяной, для мытья головы.
Что о нас скажут потом? Мы жили, мы воевали.
Мы воевали за то, чтобы не было больше войны.

«Малина из Кабарды,
черешня из Дагестана».
Торговать фруктами в Кисловодск
Галя приехала с Украины.
Говорит: «Здесь легче будет поднять сына».

Мальчик Илюша
всем рассказывает, что его нашли в ящике с грушами,
как Чебурашку в ящике с апельсинами.
Мальчик Илюша не любит фрукты,
любит жареную картошку и отбивные.
Галя говорит про Илью:
«Дети сейчас другие,
чем я только его ни кормлю,
а он хочет лишь жареную картошку с куском мяса.
И всё равно самый худой в классе».

У Гали квартира в Бахмуте,
Артёмовск бывший.
Глаза у Гали голубые, распахнутые,
но взгляд застывший,
как будто внутрь.

У Гали самые ароматные абрикосы
и самая сладкая алыча.
Галя боится, что скоро осень
и в её магазинчике красного кирпича
больше не будет такой кассы.
«Но мне всё равно будет хватать на мясо
и конфеты из Нальчика».
Для ненаглядного мальчика.

Галя фрукты называет «фруктой»,
и я за ней повторяю.
На ночь Галя ящики накрывает своею курткой,
словно фрукта её золотая.

Рубиновая малина из Кабарды,
агатый виноград из Крыма.
Я рассказываю Гале, что мой сын тоже в детстве был худым,
а теперь — кровь с молоком детина.

Каждое утро я прихожу к Гале поговорить,
беру фрукту, перевожу деньги на карту какого-то там Оглы.
Свет мой, знаю, ты считаешь, я пишу стихи так, словно не умею любить.
Но я только так и умею писать о любви.

Можно я без фамилии? Не то её все узнают.
Имя оставлю подлинное — Лариса.
В четырнадцатом году, на излёте мая,
она доела последнюю горстку риса.
Центр ещё не бомбили, ждали приказа,
брали измором, так кошка играет с мышью.
В том году с нами впервые случилась фраза:
«Спи, своего не услышишь».
Мне говорят, что особенно проникновенно
я пишу о войне и о могиле отца в Докуче.
Семь лет я мечтаю встать перед ней на колени.
Папа колготки называл почему-то «дольчики».
Господи, почему я об этом помню?
О такой малости из отцовской речи.
Папа, папочка, обещаю слушаться беспрекословно.
В середине июня Лариса доела последнюю горстку гречки.
Все, кто пережил наше первое военное лето,
помнят, какими пустыми были проспекты и улицы.
Рядом с театром оперы и балета
двое суток металась хромая рыжая курица.
Около синагоги под окнами кабинета моего дантиста
поселилась холёная перепуганная чау-чау.
Последнюю картофелину разделила Лариса.
Выпила последнюю чашку чая.
Лариса не любит, когда ей задают вопросы
о лете четырнадцатого, о том, как здесь всё горело.
«Я бы не выжила, если бы не дикие абрикосы,
я варила из них суп. И его ела».

Кричит: «Выколи мне глаза, выколи!
Не хочу видеть его под пытками».
А иначе как называется то, что восьмое лето
вместо Кальмиуса — Лета?
Злая стала, глазами вращает и матерится,
а потом читает стихи про донецкую про столицу.
А потом как заплачет и снова орёт: «Выколи!»
Не могу я, мама, просто живи с закрытыми.
Не смотри на него сегодня, помни его иначе,
когда он был ещё не воин, а просто шахтёрский мальчик,
когда ты в нём юная в туфельках с острым мысом
танцевала в парке не хуже Писарева.
Когда был он одной на всех и души, и крови,
когда ты ещё не умела плакать и сквернословить.
Просто помни его другим, так честней, но людям
ни за что не скажи, что он больше таким не будет.

2022 год

Здравствуй!
Я пишу тебе с какой-то неменяемой глубины,
из ещё не получившей официальное имя впадины.
Глянешь вверх — не видно луны
сквозь толщу чёрной воды.
Говорят, вода точит камень.
Камень, в свою очередь, точит нож.
Им вырезают нам память
и выковыривают землю кровавую из подошв.
Только я всё равно не забуду, не имею права,
как приходил к нам дьявол.
Переодетый.а
Как однажды с нами случилось не Божье лето,
а Страшный суд.
Как в городе роз, угля, балета
Людмила Ивановна добоялась до диабета.
Всё это происходит со мною тут —
в городе, который восьмую зиму
облит бензином
и ждёт, подпалят его или подожгут.

Нет улицы героев ДНР.
Война не знает снов и полумер.
Они сидят, одетые для боя.
Как выглядит одежда на героях?
Да как попало, как кому теплей.
Десятка три макеевских парней.
За них молюсь, а ей не до молитв.
Ей только знать бы, что никто убит
из них не будет завтра, послезавтра.
А дальше планов нет: война и мряка.
И на войне бывает, свет мой, всяко.
Она их учит собирать АК
и забивать в рожки патроны.
Болят ли сердце за смешного паренька?
Она звонит мне: «Ань, сходи к Матроне».
И я иду. Прошу как за себя.
За тридцать душ с макеевской пропиской.
Меня моя болезная страна
давно считает сукой, террористкой.
И я не спорю. Что мне спорить с ней,
но тридцать душ макеевских парней...
И тридцать душ их бледных матерей.
Таких же, как и я, сорокалетних.
Ещё вчера был зной и выпускной,
сегодня мальчики венчаются с войной.
«Они — мне дети», — талдычит в рацию военная сестра.
Она грешна, она же и чиста,
хоть и не мылась, кажется, неделю.
Но есть опять надежда, что с креста
Христа не снимут ни в конце апреля,
ни в мае. Будет некого снимать.
Он будет не распят, его научат,
как собирать АК. И даже внучек,
настанет день,
он к маме приведёт расцеловать.

а если бы вы знали
какие сообщения
присылают наши русские люди
когда кидают деньги на карту
в помощь пылающему Донбассу
на броню и еду
на рации и воду
они не пишут
пусть враг горит в аду
они пишут ласково
моему народу

держитесь миленькие
держитесь родненькие
храни Бог наших ребят
Москва с вами
Хабаровск с вами
Тула и Тверь
Калининград и Владивосток

они присылают деньги от родины
которая не забыла
по крупицам
деньги на хлеб и «птиц»
миллионы рублей

выживите
мы с вами
чем можем
через неделю ещё пришлю
детям Донбасса
старикам Донбасса
на благое дело
помощь солдатам
нашим в Новороссии

я читаю эти сообщения и понимаю
это поэзия

пёс меня разорви
если это не самая настоящая поэзия

21 ГРАММ

Когда я была маленькой,
мне нельзя было одной
ни в лифте, ни в транспорте.
Это было до всяких историй с паспортом.
Каким он будет —
синим ли, красным ли?
Я жила тогда по зелёной корочке,
в ней было написано, что я дочка
Ревякиных Лилии и Николая.
Он сейчас за мною присматривает из рая.

А когда родилась уже моя дочка,
его первая внучка.
Спустя лет тридцать,
а может, и триста.
Василиса, кудрявая голова.
Её мать, поэт и коллаборационистка,
получила паспорт России.
После шести лет ожидания.
Красный. Красивый.
Ослепляющий своей красотой и военной славой.

«Сильный должен защищать слабого», —
говорил папа всё моё детство.
Восемь лет он лежит в Диком поле
под моим Донецком
и шлёт мне эти буковки.
Папиными молитвами.
Всё, что у меня есть, — это могильные плиты
отца и деда
под свинцовым донбасским небом.

В июле двадцатого под Ростовом,
когда меня произвели в рядовые
бескрайней страны,
от Калининграда и до Хабаровска,
много ли во мне тогда было радости?
Много.
Но и боли много.
«Должен ли сильный защищать слабого?» —
спрашивала я строго.

Спрашивала и даже требовала,
рассказывала про свинцовое донбасское небо.
Говорила: пора, пора
знамя победы поднять на-гора
из забоя, подвала, траншеи.
Победить уродливого Кощея.

24 февраля 2022 года
я проснулась около семи утра.
Из интернета на меня оскалилось слово,
только вот началась она не в тот день,
а весною четырнадцатого.
Я запомнила, какой серый свет
был в то утро на улице.
Как дочка улыбалась во сне,
какими огромными и синими
были глаза мужа.
На столике красным горчичником
лежал паспорт моей страны.
Тяжёлый обожжённый кирпичик,
но такой же лёгкий,
как душа.
Двадцать один грамм ровно.
Опасный, как бритва.
Красивый, словно икона.

МАРИУПОЛЬ

Есть у русских качество наживное.
Коль потоп, добудут чертёж адмирала Ноя.
И построят ковчег, настоящий ковчег для всех.
Над страной моей летит близорукий снег.

Где страна моя кончится, там она и начнётся.
Над Азовским морем восходит солнце,
над азовским горем взойдёт окровавленная пшеница.
Господи, доведётся ли помириться?

Мариуполь мой, бездыханное твоё тело,
сколько дней оно тлело, плавилось и болело.
Сколько дней твои люди — тусклые свечи —
до чего же хрупок мариупольский человек.

Это новый вид, ещё неизвестный Номо,
обречённый выжить под обломками дома.
Обречённый смотреть на хлеб и глазам не верить.
Обречённый хранить ключи от сорванной с петель двери.

Мариуполь мой, на два берега поделённый,
принимавший в себя смертельные батальоны,
отдававший людей через узкие коридоры.
О тебе на высоком небе ведутся переговоры.

А с небес, как водится, горе заметно ближе.
Вот Азовское море берег песчаный лижет.
Вот стоит мальчонка на берегу — прогоревший факел.
Это брат мой двоюродный по отцу — Володя Ревякин.

А май уже наступил — первое, второе, третье.
Накрывает нас, маскирует нас камуфляжной сетью.
Поднимает над миром, обещает победу.
Я иду распечатывать портрет деда.

Мастерю себе щит — палка, кусок фанеры.
У деда глаза — сухой асфальт — светло-серые.
Смотрел ими пристально — орловский рысак, герой мой.
На щите, как живой, дедушка мой покойный.

Был бы доволен? Вырастил хорошую внучку.
Носит мою фамилию. Ревякины — род живучий.
И строевым по Тверской тащит меня сквозь время.
Мне в сорок третьем немец стрелял в колено.

А в сорок пятом в самом начале мая
я лежал под телами товарищей, думал, что умираю.
И только в две тыщи пятнадцатом уснул мертвецким.
Лежу в Диком поле между Докучаевском и Донецком.

Лежу, ни о чём не думаю и уже ничему не верю.
Я видел, как человек превращается в лютого зверя.
Но ни разу не видел, чтобы обратно зверь в человека.
Летят надо мною то ли аисты, то ли лелеки.

Летят вить гнёзда на разбитых войною крышах.
Когда-то мне моя Люба сказала: «Миша,
наши хлопцы не должны увидеть то, что снится тебе ночами».
Я тогда обманул её, ответил, что обещаю.

А в Донецке цветёт магнолия.
Наш Донецк — моя внутренняя Монголия.
Я хожу по нему раскосая.
И ни одного вопроса.
Все ответы здесь.
В этом раю военном.
Нет здесь слова «мечь».
Лишь работа в четыре смены.
На-гора поднимают правду —
донбасское злато.
Слышь, работают «Грады» —
аккомпанемент для русского мата.

А в Донецке цветёт магнолия
на бульваре солнца русского ямба.
Моя внутренняя Монголия
вне бессовестной пропаганды,
вне всего, что имеет цену,
бесценная моя родинка
на израилевом колене,
на руке, не закрытой броником.

А в Донецке цветёт магнолия,
медовая, бесконечная.
Много ль знаю о боли я,
много ль знаю о смерти я?
На бульваре торгует ландышами —
цветами из Красной книги —
просто женщина ненакрашенная.
Приглядишься — глаза Марии.
Все там будем, в той книге Красной,
вымирающий вид растений.
Во дворах ландыши — рясно —
нашим мёртвым постели стелют.

Если вам скажут другое, не верьте!
Война бывает только в кино.
На ней не гибнут ни старики, ни дети,
ни мужчины, одетые в камуфло.
Это всё постановка, собранная декорация,
замысел режиссёра, искусственный нарратив.
Потому что война за гранью любого рации,
абсолютное отсутствие перспектив.
Потому что как только ты дашь ей осколок шанса
убедить тебя, что с неба реальный свинцовый дождь...
Нет, уж лучше после этого киносеанса
верить, что просто встанешь и, пошатываясь, уйдёшь.
Вернёшься домой, вытащишь из кармана
бумажник, мобилу и смятый кинобилет.
Только вот вместо дома — воронки открытая рана —
Восемь. Донбасских. Лет.



ВЛАДИСЛАВ РУСАНОВ

ВАЛЬС ОБРЕЧЁННЫХ

Нас не язвите словами облыжными,
Жарко ли, холодно? По обстоятельствам...
Кто-то повышенные обязательства
Взял и несёт, а мы всё-таки выживем.

Мальчики с улиц и девочки книжные...
Осень кружится в кварталах расстрелянных.
Знают лишь ангелы срок, нам отмеренный,
Только молчат, а мы всё-таки выживем.

Не голосите, холёно-престижные,
Будто мы сами во всём виноватые.
На небе облако белою ватюю
Мчит в никуда, а мы всё-таки выживем.

Не разобраться, что лучше, что ближе нам?
«Шашки подвысь и в намёт, благородие!»
Нам смерть на Родине, вам же — без Родины.
Вот как-то так... А мы всё-таки выживем!

2014

Мой город. Мой Донецк. Моя печаль.
Вдохнул со стоном. Глухо. Больно. Стыло.
Так плачет оцинкованная сталь
от лёгкого прикосновенья била.

Молчит труба. Архангелы не спят,
взирают сверху вниз на толковище.
Лишь некто в белом с головы до пят
кричит, срываясь в рык, на пепелище.

А некто в чёрном скалит тридцать два
на кураже. Он зол, упрям и весел.
Где истина? Слова, слова, слова...
О славе, о героях и о мести.

Ещё не вечер, не гудит набат,
ещё снаряды не жужжат слепнями.
Донецк не спит и, немотой объят,
молчит, вращая в тишину корнями.

2017

АНГЕЛЫ ДОНБАССА

Маленький шахтёрский город,
пограничный с Россией.
Здесь
из окон пятиэтажки
небо такое синее.
Мальчик клеил из картона модели,
он мечтал в океане
водить каравеллы.
Он бредил парусами,
хранил портрет Колумба,
изучал такелаж, галсы и румбы.
Он остался под обломками
рухнувшего здания.
Украинский лётчик доложил
о выполнении
задания.

Самая обычная младшеклассница
знойным
луганским
летом
упрямо ходила в ДК,
занималась балетом.
Она крутила фуэте,
она стояла на пуантах,
легко различала аллегро и анданте.
Осколок прошёл навывлет,
когда по Камброду
отработали украинские
миномёты.

Он мог бы стать актёром,
врачом,
инженером,
шахтёром,
пилотом...
Просто парнишка ещё не определился
с будущей работой.
Он часто сбивал коленки,
ругался со сторожами,
прогуливал уроки,
иногда курил за гаражами.
Скорая не успела помочь
даже просто уколом,
когда он зацепил растяжку
по дороге в школу.

Первого сентября
они входят в райские классы
и садятся за райские парты.
Белые.
Ангелы.
Донбасса.

2017

Неидуший пути не осилит,
негорящий не будет в тепле,
а мне нравится ездить в Россию
по раздолбанной в хлам колее,

по гребёнке, накатанной танком,
по просёлку, где в пояс полынь,
по шоссе, где чернеют заплатки,
прячут оспины этой войны.

Тень дубрав и берёзок курсивы,
ширь полей и пригорков венец.
Открываю я снова Россию,
как влюблённый и жадный юнец.

Зачерпну я Россию горстями —
синь небес, духовитость земли,
от церкви до дворцов с крепостями,
величавость обеих столиц.

От Камчатки до Калининграда,
от ледовых широт до пустынь
всё в России мне свет и отрада —
я — её заблудившийся сын.

2018

Я видел пробитые навывлет панели,
я слышал, как пули срезают ветки,
я знаю, как вести себя при артобстреле,
я умею отличать прилёт от ответки.

Я видел, как дети боятся неба,
я слышал, как мать рыдает над сыном,
я знаю, как город выживает без хлеба...
И я не сумею простить Украину.

2019

ДИКОЕ ПОЛЕ

Мы — дети Дикого поля,
разбойничьей, злой удачи.
Мы малочувствительны к боли,
мы редко и скрытно плачем.

Несли нас пегие кони,
земля под копытом горела,
умели пустою ладонью
отбить печенежьи стрелы.

Теперь наши степи — пашни,
нарыты в них шахты-норы,
натканы телебашни,
куда ни поедешь — город.

Теперь мы не головы рубим,
а рубим горючий камень.
Дымятся заводов трубы,
гремят и кузни, и станы.

Но войны степным пожаром
в начале нового века
пылают заревом ржавым,
и льются из крови реки.

Ни выкрики конной лавы,
ни поступь цепи пехотной...
Здесь делят виновных и правых,
на русских идёт охота.

Здесь снова до смерти спорят
селяне и рудокопы,
до пресного мелкого моря
тянутся нитки окопов.

Попробуй пустою ладонью
отбить осколок снаряда.
И скачут пегие кони,
и степь, словно простынь, смята...

Попробуй не чують боли,
попробуй не видеть горя
в пределах Дикого поля
у малосоляного моря.

2019

Год за два на войне, год за два.
Наливается болью трава,
и скорбят без коры дерева,
и уже не звенит тетива.
Год за два на войне, год за два...

Год за три на войне, год за три.
Если сердце без фальши внутри,
поднимайся, иди и смотри
и дорогу другим протори.
Год за три на войне, год за три...

Год за пять на войне, год за пять.
Ты уже разучился мечтать,
ты уже разучился летать
и бредёшь через гиблую гать.
Год за пять на войне, год за пять...

Год за семь на войне, год за семь.
В бесконечном больном колесе,
из которого выйдут не все
по полыни в кровавой росе.
Год за семь на войне, год за семь...

2020

Поля надели маскхалаты,
вороний грай.
Глядят расстрелянные хаты
за небокрай.

Торчат, чернея, дымоходы,
как в небо перст.
День ото дня и год от года
неси свой крест.

И ждут почти что без надежды
бойцы приказ,
который, получив депешу,
комбат отдаст.

И потекут, прорвав барьеры, —
долой тоску! —
рекой стальною бэтээры
по большаку.

Поддержат братьев батареи
стеной огня.
Победа воинов согреет
к исходу дня.

Рванёт на всю, героев встретив,
гармонь меха.
И расцветут улыбкой стрехи
разбитых хат.

2021

А мы много хотим успеть —
кто допеть, а кто долюбить.
А мы за нос поводим смерть,
из надежды свивая нить.

А мы много хотим сказать,
лишь бы слушать кто захотел,
лишь бы кто-то глядел в глаза
в суете каждодневных дел.

А мы много хотим забыть
и забудем — не в первый раз.
Чем казаться, так лучше быть
без иллюзий и без прикрас.

А мы много хотим понять,
не страшась ни тюрьмы, ни сумы.
Как ладонь ляжет на рукоять,
так за правду поляжем и мы.

А мы много хотим простить
и чтоб нас простила земля.
Веселей гляди, волчья сыть!
Нам полжизни ещё догулять!

2022

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ СИГИДА

ЦИКЛ «ВМЕСТО РЕПОРТАЖА»

*Светлой памяти А.А. Гизая,
погибшего 2 июня 2014-го*

там — на картинках — красивые горы,
гордые профили дремлющих скал
(тут — бесконечное личное горе
и бесконечный смертельный оскал)

головы молча склоняя над гробом,
нам остаётся продолжить борьбу
(звонкий салют отзывается громом,
сопровождая жизнь и судьбу)

вот и дожили до грозного часа —
к нам возвращается время потерь...
(горы Афгана и степи Донбасса
соединились навеки теперь)

23.07.2014

НАД ГНЕЗДОМ КУКУШКИ

бороздят кукурузники
окаянный простор
(защищают союзники
купола и построй)

перекрёстки и улицы
прикрывает наш взвод
(не хватает Кустурицы,
чтобы снять эпизод)

бородатые всадники
набивают кули...
(закупались десантники
в день пророка Ильи)

02.08.2014

натуральная околесица
надоела в конце концов
(повзрослевшие за три месяца
пополняют ряды бойцов)

тучи тянутся вереницами...
(возвращаясь на год назад —
надо справиться с небылицами —
надо всё как есть рассказать)

как мы вовремя успокоились,
почивая в богатырях...
(как полгода они готовились
в тренировочных лагерях —

и, послушные указаниям,
руки тянутся на восток...)
мракобесие — в наказание —
попадёт-таки под каток

(получается — эти <пальчики>
отпечатались в том году...)
наступают русские мальчики,
повзрослевшие на ходу

07.08.2014

от помощи гуманитарной
не заразиться гуманизмом
(жить захотели в унитарной —
перемудрили с механизмом)

кому пойти поставить свечку?
кому ещё спасибо скажем?
за рис, муку, пшено, и гречку,
и булку хлеба с камуфляжем

28.08.2014

будем рыть землянки и стараться жить —
миром в Атаманке надо дорожить

открываем лица — тянем провода
(появились птицы, и пошла вода)

холода всё ближе, что ни говори...
(залатали крыши — сушим сухари)

Выясним, кто круче, через телефон
и на всякий случай варим самогон

гречку да овсянку дали на паёк
(не согрев хозяйку, тает огонёк...)

12.09.2014

ЛАСТОЧКЕ

тают наши города
накануне долгой осени —
наступают холода —
(в роковом многоголосии

догорает огород —
перелётные снимаются...)
разбегается народ...
телезрители свыкаются

с монотонной чехардой —
канонада да рыдания
(жить с технической водой
можно долго...)
до свидания!

далеко видать с горы —
(как не вспомнить здесь про Воланда);

из-за жажды и жары
притупилось чувство голода

20.08.2014

ВМЕСТО РЕПОРТАЖА

месяц не было связи —
ни грошей, ни воды
(выбирались из грязи,
как Москва из Орды)

ни к чему разговоры —
ложь ловили на слух...
(узаконить поборы
за войну и испуг?!)

оправдавшие напад
снова точат клинок
(ляжет солнце на Запад,
если встанет Восток)

01.09.2014

здесь не сено, а манна
застилая лиман,
солнце в сети заманит
серебристый туман

утро тянет волынку,
но блеснули лучи
и прохладную дымку
закljučают в ночи

так, приветствуя просинь
переливами рос,
входит в раннюю осень
золотой сенокос

01.09.2014

ПО СЛОВАМ ОЧЕВИДЦА

нет ни Варяга, ни Грека
Ялта убит разрывной
(чтобы достать человека,
нужен тебе позывной?)

милая девушка-снайпер,
ты же невеста и мать...
(хитросплетения найма
нам никогда не понять)

ЧЁРНО-БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ

I

двери закройте — чёрная масса —
дети Одессы и дети Донбасса —
новую расу выдал халдей

бьёмся и курим с первого класса —
нам не досталось зрелищ и мяса —
нам не хватает светлых идей

II

вам непонятны наши заботы? —
без перспективы и без работы —
шахты закроют — заводы стоят;

взвейтесь кострами, чёрные ночи!
мы — добровольцы — дети рабочих —
братья таких же точно ребят

III

тонны добычи — метры проходки...
те, кто постарше и одноклассники,
те понимают важную речь

что-то неладно в товарищах, если
мы забываем старые песни
и остывает русская речь

IV

юмор — отдельно, в сторону шутки;
жить в этом городе попросту жутко —
годы лихие всё ещё тут

нам не хватает надежды и веры —
полусвятые и полужвери —
все мы готовы на подвиг и труд

V

вольному — воля! Землю — народу!
нам наплевать на вашу свободу,
на радиацию, Раду и дым

деньги и золото где-то в столицах,
а в подворотнях хмурые лица

в этой державе жить молодым?

КОНЕЦ ЦИКЛА «ВМЕСТО РЕПОРТАЖА»

ПЕРЕДАЧИ
состояние

ничего не просили...
(как живётся им там?!)
шлём посылки в Россию —
детям, внукам, сватам

из-за доли-злодейки
сам бы взвыл от тоски
(экономим копейки
и везём тормозки)

получается — <мало>
(вот малиновый джем,
украинское сало
и конфеты <рошен>

беды нас подкосили
(год не видели дочь);
собираем все силы,
чтоб хоть чем-то помочь

намечаются сдвиги,
только стены глухи;
(посылаем им книги,
посвящаем стихи)

ПРИЯТЕЛЬ

всего лишь оболочка
(дворовый дурачок) —
несвежая сорочка
да мятый пиджачок

сажает витамины —
петрушку и укроп;
(когда летели мины,
дурак копал окоп)

что ложки-поварёшки
да чистое крыльцо?
(последствия бомбёжки,
как видно, налицо...)

мы прятались, как мыши —
но дело ведь не в том;
без окон и без крыши
стоит опрятный дом

мы будем рыть окопы,
храня земли клочок;
ну что же вы, укропы?! —
взывает дурачок

19.05.2015

открыты Веды и Авеста
как дар небесного Отца;
земля — Господняя невеста —
лежит в излучине Донца.

равнина потеряла стыд!
светя холмами и курганами,
весной раздетая лежит,
прикрывшись рваными туманами.

на краеведческом пути
не прозябала недотрогою;
и с <чёрным золотом> в груди
она идёт своей дорогою

минуя Индию... Иран...
в рассветном сумраке увидели:
горит огнями Русский СТАН
источником святой обители.

ПО РОССИИ

(в поезде Новороссийск — Петроград)

даже земля не осела...
(мысли лихие оставь)
тянется с юга на север
наш безупречный состав

ливнем и чёрною тучей
нас провожает Донбасс;
на непредвиденный случай
взяли с собой про запас

бинт из солдатского ранца
берцы и термобельё
(даже блокнот Африканца);
не прорастает быльё

скачут коварные бесы
на пепелищах побед;
чёрное горе Одессы
не побелеет от бед

наше суровое время
новый опишет Гомер;
взвалит решительно бремя —
вот вам и личный пример

выдержат мощные плечи
нечеловеческий груз;
...бережно слушают речи
и умирают за Русь

каждый — исполнен отваги —
в сущее пекло — опять...
или на белые стяги
чёрные мысли порвать?

что нам любые ИГИЛы*,
Сирия или Ирак?
не зарастают могилы,
и надвигается мрак

силы откуда берутся?
самое надо сказать;
(только бы переобуться,
раны перевязать)

выслушай новости тихо
и ни о чём не жалея —
невыносимое лихо
белого снега белей

вывод подобен позёмке
и вызывающе прост:
в нашем шахтёрском посёлке
каждая хата — блокпост

* «Исламское государство» (ИГ, ИГИЛ) — организация признана террористической по решению Верховного суда РФ от 29.12.2014.



АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ СИГИДА

ART. У.Х.

Я помню эти ночи, полные огня,
А также свет
В конце дверей;
Напалма вспышка ослепила вдруг меня —
Всего лишь след
От батарей.

Координатами исписан был мой лист
Алхимик снов
Гвидо фон Лист
Когда нас формулам учил
Специалист
Дирекционный игрек-икс.

Кто путешествовал у ночи на краю,
Где тьма кругом,
Полночный Сплин;
Расчеловеченный, я тешил плоть свою
И стал знаком
С тобой, Селин.

В арт-инсталляциях он был специалист,
Как дирижёр,
Как Ференц Лист.
Декомпозиция
При помощи баллист
Дирекционный игрек-икс.

МАЧЕТЕ

Президента-христианина зарубили мачете —
 Это было время борьбы церковей и мечетей;
 Ведь находится рай, как известно, под сенью мечей,
 Всесожжения ветхозаветного хлебных печей.

И мачете кромсали саванны, как слоёный наполеон,
 И тогда для пацификации запустили туда Легион.
 Это было довольно жёстко, обойдёмся без лишних слов.
 Пожалели о появлении на свет
 Палач
 Канныбал
 Людолов.

А потом зашёл бундесвер, и начался полный Раммштайн...
 Ведь германцы — это германцы, и орднунг для них — мусс зайн.
 И они обязали каждого нашить отличающий знак
 С полумесяцем или крестом. Не желающих — в автозак.

Я люблю этот мир лицемерный и знаю его хорошо.
 Если хочешь быть либералом, веди себя как фашо;
 Человек — это хищный зверь, выползающий из болот.
 А война — это плоти пиршество, и похоти, и охот.

НОВЫЕ БАЛКАНЫ

Если рассматривать кратко
Хроники новых Балкан,
Я вижу Младича Ратко;
Я вижу тебя, Аркан.

И лозунги те же, и гербы:
Здесь — «на гилля москаля»,
У них было «серба на вербу».
И краины, и поля.

И сербосеки
И правосеки
И в Боснии газават.
В союз нерушимый сплотили навеки
Советских неохорват.

ХРОНИКИ ЯНТАРЯ

Немало сторчится на этой войне
Укропов и сепаров, что же, вполне
Эффект оправдают побочный.
Аффект проявляется очно.
Когда ты при пушке и на кокаине,
То влип ты в историю на Украине.
И клей исторический стал янтарём,
А ты в янтаре каменел бунтарём,
Ты стал Муравьём, Муравьёвым...
Апостолом? Большевиком?
Штыком, и маслёнкой, и новым цевьём.
И те, кто огонь разводил в январе,
Увязли с тобою в одном янтаре.

ОДНОГЛАЗЫЙ БОГ ВОЙНЫ

Герману Власову

Ты одноглазый бог войны.
Ты бог дружин и дальних странствий
Восточно-северной страны...
...Вне времени и вне пространства.

Твой дух — как некий архетип,
Предвиденный Густавом Юнгом.
Он заражает, словно грипп...
Опасен старым, гибель юным.

Твой замысел повёл на Рим
Астарты сына, Ганнибала.
Он был силён, непримирим,
А Рима сила погибала.

А на востоке Антигон
Сказал: «Моя, моя Европа!»
Он Александра эпигон
И кличку носит он циклопа.

Империю разъединил —
Властолюбивая эпоха!
Дух распри хуже, чем ИГИЛ*,
Где диадох на диадоха.

И Нельсон, непреклонный бритт,
Добавил треша и угара...
Смотри! Французский флот горит
У Абукира, Трафальгара.

* «Исламское государство» (ИГ, ИГИЛ) — организация признана террористической по решению Верховного суда РФ от 29.12.2014.

Едва сломить хватило сил
 Нам корсиканского мессию,
 Но, как Кутузов говорил, —
 «Сожжём Москву — спасём Россию».

Волков твоих призывный вой
 О возвращении Вотана
 Во время Первой мировой
 Услышал... Впрочем, я не стану

Вам лишний раз напоминать
 О тех, кто был тобой ведомым.
 Про них написаны опять
 Разоблачительные томы.

Когда пришёл тевтонам срок,
 Тогда, опять, во время оно,
 Ты удалился на восток —
 Чтоб вдохновить сынов Сиона.

И может быть, Моше Даян,
 Давивший танками арабов,
 Был тоже пост-Гудериан —
 Ближневосточного масштаба?

Года, столетия пройдут,
 И примет жизнь иные формы.
 И варварами назовут,
 А может, войны станут нормой.

Ты одноглазый бог войны
 Дух времени, огонь пророка;
 Я не ищу ничьей вины,
 Живя во время Рагнарёка.

РУССКИЙ ЛАВКРАФТ

Если б я знал,
Я бы остался, как Говард Лавкрафт,
На чердаке, книжным червём, вечный изгой....
Я б не ровнял
В зимние ночи лунный ландшафт,
Я бы не брал
Книги в последний, решительный бой.

Если б любил,
Я бы не вёл себя, словно Лавкрафт,
Как дезертир, я бы оставил стылый окоп...
Плюнув на всё,
С милой еврейкой, Сонею Гафт,
С bad jewish girl
Я переехал бы жить в Конотоп.

Если б я был
Так беспристрастен, каким был Лавкрафт,
Я бы обнёс владенья мои крепкой стеной...
И свысока я наблюдал бы, как астронавт,
Тех, кто внизу
Всё не поделят шарик земной.

И всё хорошо,
Освобождён с боем Кадат.
Снова в поход, Р'лайх — позади,
Там, за спиной...
В Олатоэ
Не спит на часах с винтовкой солдат,
Волком глядит
На горизонт снежный степной.

Говард, пора.
Видишь знаки разрывов близ угольных шахт?
Слышишь ли крики мверзей ночных
Над нашей страной?
Фридрих-Вильгельм, снайпер Бодлер и
Русский Лавкрафт.
Время — вперёд...
Снова уходят в поход ледяной.

ПАЦИФИСТАМ

Как византийцу ненавистна схизма
И манихейства, и иконоборчества,
Мне отвратительна идея пацифизма
В политике, массмедиа и творчестве.

Оно, как явный признак разложения,
Плетётся тыловыми демагогами
Холёно-Маяковского сложения,
Махаевщины Гогами, Магогами.

Они приходят с лирами и фондами.
Их голос ангельский так звонок вдалеке!
Но вижу я холодный коготь Мордора
В протянутой в приветствии руке.

Я буду с ними говорить о мире
На языке Давида и Эсфири.

ГЕРОИ ЛОТРЕАМОНА

Не раз от Седово и до Краснодона
Бывал я с героями Лотреамона.

Бессмертный таился во тьме пеликан,
Где бешеной злобой бурлил океан.

Блистали зарницы на небе Донбасса,
И я шёл путём Изидора Дюкасса.

И молний изысканный вился узор,
И вас наблюдал мой истерзанный взор.

Одни удостоились доли печальной
В постыдной экзотике ориентальной.

Не стану роптать, но их воля мертва
В погоне за призраками волшебства.
Пусть воля моя их разбудит, и скоро
Седьмую услышите песнь Мальдодора.

И я завершу Книгу Мёртвых Имён,
И ей позавидует Лотреамон.

МОЙ КРЕСТ (НИК)

Как крёстный отец
И крестоносец
Тебе, Саня,
Крестом, и Текстом,
И огнём перекрёстным
Реконкисты
Русской,
Что неизбежно грядёт.
Грядущее скрыто
Туманом войны,
Глаза сыновей
Слезятся от дыма.
В братоубийственных
Сагах и песнях
Старшей и Младшей
Эдды, мой крестник,
Правду найдёшь.
Пламя идёт
С далекого Юга,
Люди щадить
Не станут друг друга.
Меньше ресурсов.

И меньше воды,
Под яростью турсов
Треснут льды.
Эта война — не последняя, крестник,
Когда придёт чёрный наместник.
Пылающий юг,
Юные страны,
Тени империи Оттоманов,
Албания. Сирия, ересей клад,
Сельджуков натиск и Халифат.
Новый средневековый мир.
Войны за деньги и войны за веру,
Фанатики, викинги, кондотьеры.
Падение буржуазной химеры.
Век двадцать первый — мечей и секир,
И достижений, и поражений,
Готы и гунны — ориентир
Перезагрузок и новых вторжений.
Будет ещё Революции шторм,
Новой системы перезагрузки.
Знай, что молился об одном:
Саня, будь Сильным, Умным, Русским.



ОЛЬГА СТАРУШКО

Симонов и Сельвинский стоят обнявшись,
смотрят на снег и на танковую колею.

— Костя, скажите, кто это бьёт по нашим?

— Те, кого не доби́ли, по нашим бьют.

Странная фотокамера у военкора,
вместо блокнота сжимает рука планшет.

— Мы в сорок третьем освободили город?

— Видите ли, Илья, выходит, что нет.

Ров Мариуполя с мирными — словно под Керчью.

И над Донбассом ночью светло как днём.

— Чем тут ответить, Илья, кроме строя речи?

— Огнём, — повторяет Сельвинский. —

Только огнём.

Ой мама родная
дай войны холодной
выйду на село
гляну как услышу
три снаряда в крышу
рядышком легло
мама да не плачу я
что ж она горячая...

ПОКЛОН

Кровоточат фонтаны Поклонной.
И с венком похоронным страна
смотрит вниз, как фигура с колонны,
на плакаты, на митинги, на
нас, живущих, на всех поимённо,
составляющих те миллионы,
кто забыли, что значит война.

Память павших Донбасса почитите
не парадом колонн и знамён.
Здесь честнее молчанье — не стон,
да, молчанье — не марш и не митинг.

Повторяя рефрены событий,
не теряйте связующей нити:
ни к кому не идти на поклон.

ЧЕРЕЗ ПОВЕШЕНИЕ

Пятнадцатый час
в Запорожье не могут снести Ильича.
И Днепр холодит
пожелтевшую челюсть плотины.
Но вот подцепили за шею — и тросом...
Кричат.
Сбылась голубая мечта копача
дармового бурштына.

Болтаясь на тросе, он смотрит с прищуром
в туманную даль.
Не место, не время в петле
размышлять о грядущих допросах.
Но время однажды свернётся петлёй.
И вернётся февраль.
И *місто*:
Крещатик.
Промёрзлые доски.
Верёвки.
...А лучше — на тросах.

АЛЛЕЯ ГОРОДОВ-ГЕРОЕВ

Игорю Сиваку

Свечи на каштанах, жжёт акация.
У гранитной стелы кровь гвоздичная.
Одесситы не зовут на акцию.
Говорят: второго — это личное.

Ветераны. Бывшие блокадницы.
Ополченцы с флагом Новороссии.
Журналисты с микрофоном тянутся —
им всё комментарии, вопросы бы...

Да вопросов — море. Вот ответов нет.
Над аллеей тень такая зыбкая.
И над Графской чаек носит ветрами,
словно ленточки за бескозырками.

Друг гитару взял, но не настроен он
петь. Молчит под чёрными плакатами.
...Звали наши города героями.
Думали, что после сорок пятого
если и огни, то только вечные.
Что в Одессе май, что в Севастополе.
Тень каштана пятернёй на плечи нам
упадёт: да как же вы прохлопали?

Что же вы беды в упор не видели
в череде то митингов, то праздников?
Недобитки у освободителей
внуков уничтожили и правнуков.

...Горсовет напротив. Но ни лацканов,
ни чиновных гласов — не забудем, мол...
Лишь за сквером, сторонясь опасливо,
догорает дерево иудино.

ДВЕ ВЕРШИНЫ

Ну что же ты застыл, курган Матвеев,
на рубеже, где летом и зимой
в клубах тумана, вихрях суховея
Саур-Могилу видно по прямой?

Там голосит, как раненая, птица
среди руин и взорванных мостов.
А под тобой — нелепая граница,
автобус и дорога на Ростов.

Лицом на запад — взвод. Стоят где пали,
древко из стали сжав стальной рукой,
и в ярости молчат. Молчат в печали.
Война... а год какой? А век какой?

Вы в землю, не деля любовь сыновью,
легли на той и этой высоте.
А там опять бои. И слово «...кровью»
ржавеет на расстрелянной плите.

Как будто вашей крови было мало,
летели, разбудив от вечных снов,
осколки смертоносного металла
в окопы ваших внуков и сынов.

И взвод стальной в одном порыве весь бы
туда рванулся, им помочь готов.
Но только тот, кто жив, кто не железный,
уходит за кордоны блокпостов.

ПЕСИГОЛОВЦЫ

Этот страх с малых лет знаю.
Книжка та
на мове — от мамы:
вон выходят ночами
з гаю
люди с волчьими головами.
Как по воду пойдёшь к речке,
слева-справа шуршит сорго.
Вроде дом твой и недалече,
ну а если почувешь волка?

Мама слышит своих старших,
тёмный шёпот их о Воляни:
тихо, тихо кажи! Нащо?
Зачекай, не лякай дитину...

У моей бы спросить свекрови —
это после войны было —
как жених захлебнулся кровью
и нашёл в тех лесах могилу.

А они чёрта с два сгинут.
А они обойдут капканы —
и воткнут топоры в спину,
если помните про Галана.
А они уползут в схроны
да и пересидят где-то.
Выйдут оборотни в погонах
или даже при партбилетах.

Матереют теперь, звереют,
воют в городе и в деревне.
Не таятся ни днём ни ночью
и рисуют крюки волчьи.
Не смотри, что они сами
называют себя псами.
Брешут, точно, да что толку?
Видишь: волки — и есть волки.

Кто щадил их и кто плодил их,
столько лет охраняя норы?
Кто им дал осквернять могилы?
Кто им пули даёт и порох,
смолоскипу
и керосина?
Хто бажав створити як краще?
Тихо, тихо кажи! Нащо?
Де загине твоя дитина?

МЫТАРСТВА

Помню литые, долгие дни
дочкиных тех каникул.
Папа сказал: уж ты извини,
нынче я без клубники.

...В Харькове душно. Плацкорт, столён,
ждёт обирал. Таможню.
«Сумки видкрыйте!» И тычет он
в банку: *«О це — не можно!»*
Я же везу три литра всего,
думал, гостинец внучке,
что ещё крымского, своего?
Мытарь царапнул ручкой
строчку в блокноте. Замер вагон:
муху слышать в полёте.
Я к нему как к человеку. А он:
«Швыдче! Або выходьте!»
И проводник, опустив глаза,
(сам — на базар черешню):
батя, мол, слушай, теперь нельзя...
«Сыдячи в Крыме — еште!»
Как сыпану на перрон: да на!
Хочешь — подынешь с полу.
Выронил банку в сердцах: со дна
аж отлетел осколок...

Грядки, покуда хватает сил.
Гордость сынов крестьянских.
Ни у кого ни о чём не просил
выросший под Бердянском,
ведавший голод, стрельбу-войну,
суржик и мову: *мамо!*
Только разбили его страну,
да на осколки прямо,
чтобы из Харькова танки шли
в край, где печёт подошвы
пласт опалённой степной земли,
где, отзываясь прошлым,
снова грохочет беда-война,
и паренёк загорелый
горстку клубники возьмёт со дна
банки под артобстрелом.
Грядки в пороховом дыму.
— Сколько, бабуль?
— Нисколько!
Внуку гостинец бы своему...
Сладкая.
Без осколков.

СМЕРТНАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

В небе шелест, в небе свист,
баю-бай, ложись, *ложииииись!*
Заворкуют пули,
чтобы мы уснули.

Всю семью в одной могиле
здесь вчера похоронили:
комья взорванной земли —
всё, что мы от них нашли.

В наши хаты год шестой
смерть заходит на постой,
сеет мины вдоль обочин.
В огороде мёртвый кочет.

Спи в канаве, спи в траншее
с медным крестиком на шее.
Рухнул храм под Рождество,
дым, и больше ничего,
только в небе вороны
во четыре стороны.

Ляжешь в подпол, между банок.
Спит под боком кот-подранок.
Смотрят звёзды из-за туч,
сеют фосфор бел, горяч,
и висит над серой зоной
пепел — саван невесомый.

Бьётся, бьётся колокол
над горящей Горловкой
смертным боем: *баю-бай*,
голова не подымай.

Рядом с дочкой спит Кристина.
Вой не вой над гробом сына:
от осколков поутру
он закрыл спиной сестру,
наклонившись над коляской.
Спи, мой мальчик, смежив глазки.

Мы под Зуевкой на пляже
на песок горячий ляжем.
Под крылом мелькнувшей «сушки»
спят убитые игрушки.

Сын крестьянский, внук шахтёрский,
в обожжённом Углегорске
спи с оторванной рукой.
Со святыми упокой.

В школе «Град» повыбил стёкла,
и тетрадь в крови намокла.
Жерла гаубиц глядят
в детский парк и детский сад.

Шесть часов из-под завала
люди Глеба доставали.
Ваня тихо скажет папе
напоследок: мне поспать бы...

Засыпай в бинтах и вате
на столе, а не в кровати.
Спи-усни, не плачь, не плачь,
даже если плачет врач.

Вечный сон на лицах детских:
спят в Луганске, спят в Донецке.
И над плитами аллеи
ветви крыльями белеют:
сон как средство обороны
против боли, против стона.
Снег ложится, баю-бай.
Спи, мой ангел.
Не вставай.

КОРНИ

Нет, неправда, что эти стволы не имеют корней.
Как бы их ни косили морские сраженья и войны,
в Севастополе на Корабельной моей стороне
спят поныне луганские пушки системы Гаскойна.

Сколько ядер отлито для флота, для русской земли,
сколько залпов победных давали в боях каронады...
С моряками орудия эти на берег сошли
и держали Малахов курган до последних отрядов.

Их отсюда тащили враги после Крымской войны
как трофей: до колоний, до самых канад и австралий.
И спасая, тогда корабелы родной стороны
вместо кнехтов стволы у разбитых причалов вкопали.

А потом на вершину обратно внесли на руках,
чтобы дети гордиться могли, чтобы были достойны
не медалей, не званий — стволов о двуглавых орлах
и корней Новороссии: пушек системы Гаскойна.

МАТЧ

Играют немцы с киевским «Динамо».
А те, отбив от собственных ворот,
не сдавшись, снова лупят в сетку прямо,
как будто перед ними — вражий дзот.
Давай, хавбек, шустрой ногами двигай,
защитники, не прозевайте мяч!
Ваш Киев разгромила Бундеслига,
чтоб отыграть товарищеский матч.

Финал известен: футболистов сразу
со стадиона — в лагерь и в расход.
А фильм об этом запретят к показу,
когда придёт четырнадцатый год,
когда в Донбасс, на лица маски сдвинув,
как в раздевалку к игрокам — эсэс,
футбольные фанаты Украины
пойдут громить.
И «Град» падёт с небес.

Когда и мирный, и военнопленный
во рву — как будто снова Бабий Яр,
и весь Донбасс становится ареной,
а в секторах — прилёты и пожар,
когда его зелёные газоны
уже политы кровью в три ручья,
а линия разграничения — зона,
где с боем вырывается ничья.

О мир, ты очумел на фоне спорта.
Отгородился баннером — и рад,
и вся игра идёт в одни ворота,
и убивают в дни олимпиад.
Пока нас развлекают мундиалем,
свистит снаряд вувузелой — не зря ж
фашисты, что когда-то проиграли,
на Украине празднуют реванш.

Музон фан-зон под пиво и сосиски...
Нам запрещает — здесь, в своей стране —
FIFA услышать голос вокалистки
с формулировкой: *пела на войне*,
где минами — по стадионам детским,
где смерть вопит из каждой новостей,
где отражал аэропорт Донецкий
атаки обезумевших гостей,
где, проклиная минское «динамо»,
расстрелянных хоронят пятый год.

На поле — бой. И вновь на нём упрямо
защитникам Чичерина поёт.

ЛАКИ

Греческой деревни Лаки
нет на карте Крыма.

Мёртвых некому оплакать:
столб огня и дыма
подымался надо всеми
запертыми в храме.
Как бы ни летело время,
жжётся это пламя.

На земле седой и древней
только сердце стынет
над сгоревшими в деревне —
за год до Хатыни.
Это пламя станет злее.
И в его завесу
черноты добавит, тлея,
пепел из Одессы.
Жизнь за жизнью отнимая,
превращая в уголь,
запалят в цветущем мае
мирный Мариуполь.
Факел кто поднял и тычет
устрашенья ради?
Нет и не было различий:
сжѐг людей — каратель.

Чернороты.
Черносерды.
Пляшка с керосином.
Те же фото.
Те же беды.
Тот же нрав крысиный.
Та же тьма, и всё чернее
ненависть и злоба,
потому что не имеют
ничего иного.
Знак дадут — они натянут
маски без лица.
И
генетическая память
как у полиция.
И от рук, и от одежды
так же тянет гарью,
и огонь, и ужас прежний.
Лишь война — другая.

СУВОРОВ

Не гнулся, словно был из камня высечен.
Резонов к отступлению найти
поныне не смогу не то что тысячу —
по пальцам не сочту и до пяти.

Когда б не сила русского оружия,
кто дал бы вам от басурман вздохнуть?
Не гетман, не предатели-хорунжие,
тем более не ляхи и не жмудь.

Вас турки продавали б полонёнными
и по сей час, когда бы не Москва.
Кто скачет с жёлто-синими знамёнами,
неужли швед? Я и его бивал!

Беспамятен народ, земля которого
добыта мной. Но совесть не в чести.
Вам впору бы молиться на Суворова.
Что памятник? Позора — не снести.

Покинув Киев, постою в Швейцарии
седым напоминаньем о войне,
когда мы с Альп лавиной, а не армией
свалились им как на голову снег.

Нет, монумент убрать — не главный стыд ещё.
Печальней, что среди киевских мужчин,
воспитанных в Суворовском училище,
на помощь мне не вышел ни один.

У тех, кто выкорчёвывал историю,
нет никакого права, хоть убей,
на мой редут в Крыму под Евпаторией,
Очаков, Измаил и Хаджибей.

Без нас из вас уже однажды выросла
дивизия СС «Галичина».
Пусть там, где нерусь погоняет вырусью,
бесславые и позор не имеют дна.

ВЕХИ

Там, где скифские бабы пугали чужую конницу
или Дикое поле оборонялось греками,
два солдата, два парня в ковыльных степях покоятся,
и могилы обоих становятся злыми вехами
на пути, где змеятся окопы, зияют воронки-кратеры:
не последняя боль на счету войны и не первая.
Эту землю хранили они под огнём карателей,
оборону держали от Славянска до Коминтерново,
ополчившись, стояли под ветром свинцовым намертво,
не сгибаясь от шороха смерти, летящей во поле.
И вырастают корнями в донецкую землю снайперы:
из Одессы Скрипач и Ромашка из Севастополя.

«УГОЛЁК»

Таких домов полно и в Подмосковье,
 послевоенных.
 Здешним невдомёк,
 как страшен он — пустой, с пробитой кровлей,
 стоявший в Углегорске «Уголёк».
 Когда от прежней жизни только стены,
 неизмеримой кажется цена
 её, забытой, мирной, довоенной,
 пока дымится новая война.

Пока их танкам на ходу раздолье:
 прямой наводкой в каждый двор, подряд,
 а выбьют их отсюда — через поле
 из мести огороды кроет «Град».
 Пока на крыше хвостовик от мины,
 замрёшь, оцепенеешь от вины
 за то, что эта стала слишком длинной:
 уже длиннее той, былой войны.

Пока в гробах земли хоронят комья —
 воронка, и ни дома, ни родни —
 в далёком от Донбасса Подмосковье
 увидишь целый дом.
 Замри.
 Моргни,
 и вот он, «Уголёк», как будто снится
 по здешним палисадникам прилёт.

И эркера сгоревшая глазница
 глядит в упор в тебя который год,
 когда от прежней жизни только стены,
 обугленные контуры стены,
 и невозможно, даже зная цену,
 вернуться к мирной жизни без войны.

ПОЖАР

Омытый жгучими слезами
неопалимой купины,
Донбасс — одно сплошное пламя,
где плавятся металл и камень:
огни от Сены не видны.

Не вам приносят смерть снаряды,
не к вам из-под могильных плит
родня взывает: горше ада!
Пожар, раздутый над Белградом,
Славяносербию палит.

Сквозь кладбище к аэропорту,
от Иверской до Нотр-Дам,
ни в год второй, ни в год четвёртый
не рикошетили прилёты,
не шелестело *аз воздам*.

Париж, Париж, ты стоишь мессы,
а тут не жаль, кого ни тронь?
Пусть фосфором воняют бесы —
не отзывается Одессы
нечеловеческий огонь?

Так снизойдёт ли благодатный?
Нет, гибельный — на Страшный суд
они придут, верша расплату:
и те, кто был убит когда-то,
и те, кого ещё сожгут.

БЕЗДНА

Всё равно что вычерпывать бездну горстью,
говорят, и не будет как прежде, бросьте.
У разлома времён, на переднем крае
мы стоим.
И смещается ось земная.
Но пока ещё можно, пока не поздно
хоть кому-то вернуть долгожданный воздух,
пусть земля и вода, и огонь небесный
укажут дорогу по краю бездны.

ИКОНА

На второй седмице поста
явь пронзительна и проста:
воскресенье неотвратимо.

И Георгий вознёс копьё,
и разящее остриё
отливает огнём и дымом.
Где венец не снимал Христос
из осколков кованых роз
и земля ходуном ходила,
все, кто рос на войне, — герой.
Все, кто пали, пополнят строй
ополчения Михаила.

Всем иным — повторять канон,
разносящийся в унисон
с лязгом, шелестом, визгом, воем:
был безгласен я, глух и слеп.
Подающий им жизнь и хлеб
смертью смерть попирает воин,
отворяя проход из тьмы,
жизням их возвращая смысл —
непреклонен, правдив и грозен.

За Донбасс! На иконе там
у рыдающего Христа
на щеках высыхают слёзы.

АЛЕКСЕЙ ШМЕЛЁВ

Нацисты целились не в нас —

попали просто.

Ты кушай, кушай ананас

из девяностых,

мой милый мальчик голубой

или лиловый —

они пришли не за тобой —

они за словом,

стихами Пушкина пришли,

Толстого прозой —

тебя смущённого нашли
в невнятной позе.
Собрали кучку запятых
и пару точек —
с тебя и тех, кто, как и ты,
стекал в листочек.
Вот и скажи — по чьей вине
улов негуст их?
Толстой и Пушкин на войне —
в столице пусто.
2022

Толпа, кричавшая — распни,
сегодня говорит — воскресни.

Я помню лес, я вижу пни —
и мне уже неинтересно.

Вы, ненавидящие свет
и тех, кто молится иначе, —
вы здесь сейчас, но вас здесь нет —
пока в хлеву младенец плачет.

Есть кто живой здесь? Отвори!

И выйдет ангел мне навстречу.

И скажет ангел:

— Говори.

И я за всё ему отвечу.

2022

Это в новостях не показали —
камера от этого искрит:
мальчик на разбомбленном вокзале
с кем-то невесомым говорит.

Пляшут, как чумные ватты, омы —
воздух превращается в желе.
И кивает кто-то невесомый,
и уходит в вечность по золе.

Говорят, что истины просты и
нечего зазря узлов вязать —
но глядят на мальчика святые
и не знают, что ему сказать.

2022

Умирал солдат, как говорится,
Без ненужных фраз и медных труб.
И гуляла пьяная столица,
И домой разъехалась к утру.

Облаков плыла по небу вата
От земли до самых райских врат.
И спросил апостол у солдата:
«За кого ты воевал, солдат?»

И солдат, убитый под Донецком,
Протянул апостолу в горсти
В крови и поту рисунок детский
И услышал голос:
«Пропусти».

2022

СОДЕРЖАНИЕ

Дмитрий Артис	7
Борис Бергин	25
Мария Ватутина	41
Егор Воронов	61
Валентин Горшенин	73
Анна Долгарева	77
Максим Замшев	101
Елена Заславская	109
Игорь Караулов	121
Иван Купреянов	139
Марк Лешкевич	151
Наталья Макеева	155
Влад Маленко	159
Дмитрий Мельников	185
Дмитрий Молдавский	203
Дмитрий Мурзин	231
Олеся Николаева	239
Семён Пегов	245
Александр Пелевин	255
Анна Ревякина	263
Владислав Русанов	327
Александр Иванович Сигида	339
Александр Александрович Сигида	357
Ольга Старушко	371
Алексей Шмелёв	397





Автор оригинальных изображений:

Илья Пожаров

Над сборником работали:

Анна Белкина

Юлия Алешина

Татьяна Басина

Нина Гришина

Яна Довгаленко

Нина Каргина

Александра Ногинская

Анна Федотова

Корректоры:

Людмила Крупич

Марианна Алексеева

Татьяна Багдаева

Екатерина Исаченко

Алла Миронова

Елена Пашкова

Ирина Свиридова

*Коллектив телеканала RT выражает особую благодарность
корректору Людмиле Крупич и художнику Илье Пожарову
за их бескорыстную помощь в создании сборника*

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

ПОЭЗИЯ ПОДАРОЧНАЯ

ПОЭЗИЯ РУССКОГО ЛЕТА

Ответственный редактор *Н. Завьялова*
Художественный редактор *С. Костецкий*

Страна происхождения: Российская Федерация
Шығарылған елі: Ресей Федерациясы

ООО «Издательство «Эксмо»

123308, Россия, город Москва, улица Зорге, дом 1, строение 1, этаж 20, каб. 2013.

Тел.: 8 (495) 411-68-86.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндіруші: «ЭКСМО» АҚБ Баспасы,

123308, Ресей, қала Мәскеу, Зорге көшесі, 1 үй, 1 гимарат, 20 қабат, офис 2013 ж.

Тел.: 8 (495) 411-68-86.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru.

Тауар белгісі: «Эксмо»

Интернет-магазин : www.book24.ru

Интернет-магазин : www.book24.kz

Интернет-дүкен : www.book24.kz

Импортер в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».

Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.

Дистрибьютор и представитель по приему претензий на продукцию,
в Республике Казахстан: ТОО «РДЦ-Алматы»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды

қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС,

Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-90/91/92; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайты: www.eksmo.ru/certification

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ

о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Эксмо»

www.eksmo.ru/certification

Өндірген мемлекет: Ресей. Сертификация қарастырылмаған

Дата изготовления / Подписано в печать 30.03.2023.
Формат 70x100^{1/16}. Печать офсетная. Усл. печ. л. 33,06.

Тираж экз. Заказ

ISBN 978-5-04-178311-2



9 785041 783112 >

16+

Москва. ООО «Торговый Дом «Эксмо»

Адрес: 123308, г. Москва, ул. Зорге, д.1, строение 1.
Телефон: +7 (495) 411-50-74. **E-mail:** reception@eksmo-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»
E-mail: international@eksmo-sale.ru

*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
international@eksmo-sale.ru*

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном
оформлении, обращаться по тел.: +7 (495) 411-68-59, доб. 2261.
E-mail: ivanova.ey@eksmo.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс: +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Фиалил «Торгового Дома «Эксмо» в Нижнем Новгороде
Адрес: 603094, г. Нижний Новгород, улица Карпинского, д. 29, бизнес-парк «Грин Плаза»
Телефон: +7 (831) 216-15-91 (92, 93, 94). **E-mail:** reception@eksmonn.ru

Фиалил ООО «Издательство «Эксмо» в г. Санкт-Петербурге
Адрес: 192029, г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской обороны, д. 84, лит. «Е»
Телефон: +7 (812) 365-46-03 / 04. **E-mail:** server@szko.ru

Фиалил ООО «Издательство «Эксмо» в г. Екатеринбург
Адрес: 620024, г. Екатеринбург, ул. Новинская, д. 2щ
Телефон: +7 (343) 272-72-01 (02/03/04/05/06/08)

Фиалил ООО «Издательство «Эксмо» в г. Самаре
Адрес: 443052, г. Самара, пр-т Кирова, д. 75/1, лит. «Е»
Телефон: +7 (846) 207-55-50. **E-mail:** RDC-samara@mail.ru

Фиалил ООО «Издательство «Эксмо» в г. Ростове-на-Дону
Адрес: 344023, г. Ростов-на-Дону, ул. Страны Советов, 44А
Телефон: +7(863) 303-62-10. **E-mail:** info@rnd.eksmo.ru

Фиалил ООО «Издательство «Эксмо» в г. Новосибирске
Адрес: 630015, г. Новосибирск, Комбинатский пер., д. 3
Телефон: +7(383) 289-91-42. **E-mail:** eksmo-nsk@yandex.ru

Обособленное подразделение в г. Хабаровске
Фактический адрес: 680000, г. Хабаровск, ул. Фрунзе, 22, оф. 703
Почтовый адрес: 680020, г. Хабаровск, А/Я 1006
Телефон: (4212) 910-120, 910-211. **E-mail:** eksmo-khv@mail.ru

Республика Беларусь: ООО «ЭКСМО АСТ Си энд Си»
Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Минске
Адрес: 220014, Республика Беларусь, г. Минск, проспект Жукова, 44, пом. 1-17, ТЦ «Outleto»
Телефон: +375 17 251-40-23; +375 44 581-81-92
Режим работы: с 10.00 до 22.00. **E-mail:** exmoast@yandex.by

Казахстан: «РДЦ Алматы»
Адрес: 050039, г. Алматы, ул. Домбровского, 3А
Телефон: +7 (727) 251-58-12, 251-59-90 (91,92,99). **E-mail:** RDC-Almaty@eksmo.kz

**Полный ассортимент продукции ООО «Издательство «Эксмо» можно приобрести в книжных
магазинах «Читай-город» и заказать в интернет-магазине: www.chitai-gorod.ru.**
Телефон единой справочной службы: 8 (800) 444-8-444. Звонок по России бесплатный.

Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»
www.eksmo.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-89-14. **E-mail: imarket@eksmo-sale.ru**



Хочешь стать
автором «Эксмо»?

